

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего профессионального образования
«Иркутский государственный университет»

Л. М. Дамешек, И. Л. Дамешек

Ясак в Сибири в XVIII – начале XX века

МОНОГРАФИЯ



Л. М. Дамешек, И. Л. Дамешек

УДК 336.2(571.1/.5)(091)

ББК 65.9(2)261.3г

Д16

**Издание выходит в рамках
Программы стратегического развития
ФГБОУ ВПО ИГУ на 2012–2016 гг.**

Ответственный редактор
Член-корреспондент РАН *Б. В. Базаров*

Рецензенты:
д-р ист. наук *А. А. Борисов*, д-р. ист. наук *Л. В. Курас*

Дамешек Л. М.

Д16

Ясак в Сибири в XVIII – начале XX века : монография / Л. М. Дамешек, И. Л. Дамешек. – Иркутск : Изд-во ИГУ, 2014. – 303 с.

ISBN 978-5-9624-1124-8

В монографии дается характеристика положения окраин в Российской империи, определяется значение этнического и природно-географического фактора в окраинной политике, место Сибири в социально-экономических процессах государства. Основным объектом исследования является ясачная политика самодержавия по отношению к народам Сибири как наиболее специфическая для данного региона форма податной зависимости аборигенов от собственника земли, ее цели, задачи, этапы, методы и средства осуществления. Определяется социально-экономическая сущность ясака, его размер, значение и удельный вес в совокупных денежных доходах императорского Кабинета.

Предназначена для историков, краеведов и всех интересующихся историей народов Сибири.

УДК 336.2(571.1/.5)(091)

ББК 65.9(2)261.3г

ISBN 978-5-9624-1124-8

© Дамешек Л. М., Дамешек И. Л., 2014
© ФГБОУ ВПО «ИГУ», 2014

ОГЛАВЛЕНИЕ

От авторов	4
Введение	7
Ментальные и географические рамки исследования	7
Историографические заметки	10
Источниковый анализ	30
Глава 1. «Окраинный вопрос» в имперской политике России	59
1.1. Понятие окраины. Типологические сходства и различия	59
1.2. Имперская модель управления окраинами	82
1.3. «Богатая барыня и дальнее поместье» о месте Сибири в социально-экономических процессах империи	104
Глава 2. «Инородческий вопрос» в сегменте правительственной политики	122
2.1. Роль этнического и природно-географического фактора в окраинной политике	122
2.2. Сибирский вариант инкорпорации аборигенов в импе- рию: соотношение методов	132
2.3. Динамика аборигенного и пришлого населения. Про- блема вымирания «инородцев»	150
Глава 3. Ясак в Сибири в XVIII – первой половине XIX в.	159
3.1. Виды и характер податного обложения народов Сибири	159
3.2. Ясачная политика середины XVIII – начала XIX в.	169
3.3. Реализация «Устава об управлении инородцев» и вторая ясачная комиссия	177
3.4. Предложения о ясачном сборе в 40–50-х гг. XIX в. По- пытка пересмотра Устава 1822 г.	193
Глава 4. Ясачная политика самодержавия в Сибири во второй половине XIX – начале XX в.	212
4.1. Налоги и повинности народов Сибири в пореформен- ный период	212
4.2. Вопрос о преобразовании ясачного сбора в проектах им- ператорского Кабинета (50–60-е гг. XIX в.)	221
4.3. Судьбы ясачного режима в проектах сибирской админи- страции (70-е гг. XIX в.)	229
4.4. Реформа налоговой системы и ясачная политика в кон- це XIX – начале XX в.	255
Заключение	270
Принятые сокращения	275
Список использованных источников	276
Приложение	290

От авторов

Представляемая вниманию читателей книга является непосредственным продолжением работ одного из авторов, посвященных изучению политики императорской России в отношении народов Сибири на протяжении довольно длительного периода – XVIII – начала XX в. Первые монографические исследования на эту тему были опубликованы в самом начале¹ и середине² 80-х гг. теперь уже прошлого XX в. и привлекли внимание российской и зарубежной научной общности³. Последовавшая затем работа над написанием истории Усть-Ордынского бурятского автономного округа⁴, истории Иркутска⁵ и ряда других индивидуальных и коллективных монографий⁶ привели Л. М. Дамешека к мысли о необходимости создания специальной серии монографий, посвященных изучению политики самодержавия в Азиатской России. Так родилась монографическая серия под одноименным названием, первые три книги которой были опубликованы в 2007 г., заинтересовали широкую научную общественность и были удостоены премии губернатора Иркутской области. С того времени в серии «Азиатская Россия» вышло свыше десятка индивидуальных и коллективных монографий, материалов конференций. Несомненно, важным этапом в развитии исследований имперской проблематики в Иркутске стало сотрудничество авторов серии с созданным при Иркутском государствен-

¹ Дамешек Л. М. Ясачная политика царизма в Сибири в XIX – начале XX в. Иркутск, 1983. 134 с.

² Дамешек Л. М. Внутренняя политика царизма и народы Сибири (XIX – начало XX в.). Иркутск, 1986. 166 с.

³ Taylor P. R. // Amer. hist. rew. Wash. 1986. P. 965; Топчий А. Т. Царская колониальная администрация в Сибири // Вопр. ист. 1989. № 3. С. 164–166.

⁴ История Усть-Ордынского бурятского автономного округа. М., 1995. 544 с.

⁵ Иркутск в панораме веков. Очерки истории города. Иркутск, 2002. 511 с.

⁶ Человек у Байкала. Экологический анализ среды обитания. Новосибирск, 1993. 139 с.

ном университете Межрегиональным институтом общественных наук, при поддержке которого были проведены ряд семинаров, научных конференций и изданы конкретные монографии⁷.

Проделанная работа способствовала формированию новых перспективных междисциплинарных исследований сибирской истории в контексте истории России и в целом мировой истории, позволяя размышлять над судьбами этого чрезвычайно важного для России макрорегиона с позиций современного исторического знания⁸.

В новой монографии серии речь идет о таком характерном именно для Сибири явлении, как ясак и ясачная политика. Не вызывает сомнения факт, что изначально русские люди шли в Сибирь именно из-за пушнины. Это были своего рода военно-промышленные предприятия с вполне определенными целями⁹. Вот почему властное освоение Сибири по времени предшествовало экономическим процессам интеграции и инкорпорации... Осознание стратегической важности региона как форпоста для продвижения России на восток, неисчерпаемого источника драгоценных металлов, сырья и т. д. пришло позже. Однако и в более поздние периоды сибирской истории – в XVIII, XIX и XX вв. – ясак всегда оставался в центре внимания государства и имперского Кабинета как верховных собственников земель Азиатской России. На протяжении всего рассматриваемого периода ясачная политика имперского прави-

⁷ Дамешек И. Л. Сибирь в системе имперского регионализма (компаративное исследование окраинной политики России в первой половине XIX в.). Иркутск, 2002. 208 с.; Она же. М. М. Сперанский: сибирский вариант имперского регионализма. Иркутск, 2003. 264 с.; Она же. Российские окраины в имперской стратегии власти (начало XIX – начало XX в.) Иркутск, 2005. 246 с.; Дамешек Л. М. Сибирские «инородцы» в имперской стратегии власти XVIII – начала XX в. Иркутск, 2007. 320 с.; Региональная власть и общественность Сибири XIX – начала XX в. / А. В. Гимельштейн, Л. М. Дамешек, И. Л. Дамешек, А. В. Даниленко. Иркутск, 2007. 251 с.; Гимельштейн А. В., Дамешек Л. М., Сенина Е. А. Образ инородцев на страницах сибирской периодической печати (вторая половина XIX – начало XX в.). Сер. Азиат. Россия. Иркутск, 2007. 320 с.; Россия и Сибирь: интеграционные процессы в историческом измерении (XVIII – начало XX в.) Сер. Азиат. Россия / отв. ред. И. Л. Дамешек. Иркутск, 2008. 336 с.; Сибирь в империи – империя в Сибири: имперские процессы на окраинах России в XVIII – начале XX в. / отв. ред. И. Л. Дамешек. Иркутск, 2013. 315 с.; Дамешек Л. М., Жалсанова Б. Ц., Курас Л. В. История органов местного самоуправления бурят в XIX – начале XX в. Иркутск, 2013. 503 с.

⁸ Сибирь в составе Российской империи / отв. ред. Л. М. Дамешек, А. В. Ремнев. М., 2007. 362 с.

⁹ Зуев А. С. Отечественная историография присоединения Сибири к России. Новосибирск, 2007. С. 82.

тельства под влиянием процесса коммутации ясака и иных причин неоднократно менялась. Но и в начале XX в., как свидетельствуют материалы монографии, судьбы ясачного режима в Сибири продолжали волновать петербургских Романовых. По сути ясачная политика оставалась составной частью, производной от политического курса самодержавия в регионе в целом. Поэтому для авторов было важно выяснить, насколько наблюдаемые на примере истории Сибири процессы, методы и способы управления огромным макрорегионом, выстраивания взаимоотношений центра с Сибирью были характерны как для восточных, так и для западных окраинных территорий России. Исповедуемая идеология компаративизма в исторических исследованиях повлекла за собой необходимость изучения политики властного освоения империей других окраин государства. Так в поле зрения оказались Дальний Восток и Средняя Азия – на востоке, Кавказ – на юге, Польша – на западе и Финляндия – на северо-западе. Основанием для такой постановки вопроса стали исследования и публикации российских¹⁰ и зарубежных¹¹ авторов по имперской проблематике, а также выступления одного из авторов, Л. М. Дамешека, в различных университетских, академических центрах России и за рубежом.

¹⁰Пространство власти: исторический опыт России и вызовы современности : коллектив. сб. М., 2001. 510 с.; Российская империя: стратегии стабилизации и опыты обновления : коллектив. монография / В. Н. Гинев [и др.] ; под ред. М. Д. Карпачева, М. Д. Долбилов, А. Ю. Минакова. Воронеж, 2004. 469 с.; Ремнев А. В. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX – начала XX в. Омск, 2004. 548 с.; Западные окраины Российской империи / ред. М. Долбилов, А. Миллер. М., 2006. 605 с.; Северный Кавказ в составе Российской империи / ред. В. О. Бобровников, И. Л. Бабич. М., 2007. 460 с.

¹¹Yaney G. L. The systematization of Russian government: Social evolution in the domestic administration of imperial Russia, 1711–1905. Urbana, 1973. 430 p.; Robbins R. G. The tsar's viceroys: Russian provincial governors in the last years of the empire. Ithaca, 1987. XIV. 271 p.; Raeff M. Patterns of Russian imperial policy toward the nationalities // Soviet nationality problems/ ed. by Allworth E. N. Y., 1971. P. 22–42; Raeff M. Michael Speransky. Statesman of imperial Russia. 1772–1839. Martinus Nijhoff – The Hague, 1969. 394 p.; Raeff M. Siberia and reforms of 1822. Seattle, University of Washington press, 1956. 210 p.; Russification in the Baltic provinces and Finland, 1855–1914 / ed. by E. C. Thaden. Princeton, 1981. 497 p.; After empire: Multi-ethnic societies and nation-building: The Soviet Union and the Russian, Ottoman, and Habsburg empires / ed. by Barkey K., Hagen M. von. Boulder, 1997. 200 p.; Rieber A. From reform to empire: Russia's «new» political history // Kritika. Bloomington, 2001. Vol. 2, N 2. P. 261–268; Stephan J. J. The Russian Far East. «A History». Stanford, California, Stanford University Press, 1994. 481 p.; Weeks T. Nation and state in late imperial Russia: Nationalism and russification on the Western frontier, 1863–1914. DeKalb, 1996. 297 p.; Weeks T. Russification and the Lithuanians, 1863–1905 // Slavica rev. Chicago, 2001. Vol. 60, N 1. P. 96–114.

ВВЕДЕНИЕ

Ментальные и географические рамки исследования

Процесс вхождения Сибири в состав России начался в конце XVI в., носил весьма противоречивый характер и имел длительную историческую перспективу. Это было не только военное, но и административное, и экономические закрепление за Российской империей новых территорий и народов огромного Зауральского края. Не менее важным был процесс ментального, как принято говорить теперь, осмысления Сибири как земли русской, неотъемлемой составной части России. Существенное влияние на это оказал процесс географического изучения и картографирования Сибири¹². Трансформации образов Сибири в российском общественном сознании в немалой степени способствовало установление новых административных границ и центров. Дальнейшая инкорпорация Сибири в Россию породила проблему взаимоотношений периферии и государственного ядра, вопрос о колониальном положении Сибири в составе Российской империи.

География Сибири, как свидетельствуют факты, в значительной мере зависела не столько от природного ландшафта, сколько от изменения государственных и административных

¹² Постников А. В. История географического изучения и картографирования Сибири и Дальнего Востока в XVII – начале XX в. в связи с формированием русско-китайской границы. М., 2013. 364 с.

границ империи на Востоке в целом. Интерпретация региона постепенно усложнялась с расширением как внешних имперских границ, так и нарастанием внутренних политических и управленческих задач, управленческой специализацией и дифференциацией, изменением этнодемографической структуры, новыми экономическими интересами. Власть здесь шла явно впереди экономики, создавая административно-территориальные единицы и формируя экономические районы.

Вопрос о пространстве Сибири в России не так прост, как может показаться на первый взгляд. Административное деление зачастую не совпадало с географическими границами Сибирского региона, а образы Сибири приобретали расширенное символическое восприятие. Картографирование и конструирование географического, административного, экономического и ментального пространства Сибири составляло основу имперской географии власти. Различные комбинации территорий в больших административных группах (генерал-губернаторствах) не только повторяли природный ландшафт в поисках естественных границ, но активно формировали новую географию. Динамичное освоение государственной властью новых восточных территорий, осмысление их внутренних и внешних границ на протяжении всего достаточно длительного периода империи приводило к неоднократным попыткам административного переустройства края. В данном контексте история тесно переплеталась с географией.

Территориальный объем имени «Сибирь» рос параллельно движению русских на восток, достигнув своего предела к концу XIX в. Ю. А. Гагемейстер, автор «Статистического обозрения Сибири», составленного по поручению второго Сибирского комитета в середине XIX в., описывал границы Сибири следующим образом: «Сибирью называется весь северный отдел азиатского материка, который обозначается на западе продольною цепью Уральских гор, на востоке Тихим океаном, с севера омывается Ледовитым морем, а к югу граничит с владениями Китая и свободного Туркестана»¹³. Энциклопедиче-

¹³ Гагемейстер Ю. А. Статистическое обозрение Сибири. СПб., 1854. Ч. 1. С. 1.

ский словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона, определяя объем сибирского пространства, включал в него все азиатские владения Российской империи, кроме Закавказья, Закаспийской области и Туркестана. В конечном итоге в начале XX столетия правительство пришло к заключению о том, что именно следует считать территорией Сибири. В издании «Азиатская Россия», предпринятом в 1914 г. Переселенческим управлением Главного управления землеустройства и земледелия в связи с 300-летним юбилеем дома Романовых, отмечалось, что помимо административного деления в Азиатской России существует еще и деление историческое: Сибирь (Тобольская, Томская, Енисейская и Иркутская губернии, области Якутская и Забайкальская) и Дальний Восток, куда включают, помимо Амурской, Приморской, Камчатской областей и Сахалина, иногда и Забайкалье как связующее звено между ними. Именно в этих исторических границах определяется география исследования. Поэтому территориальные рамки монографии охватывают всю Сибирь, т. е. территории бывших Тобольской, Томской, Енисейской, Иркутской губерний, Забайкальской и Якутской областей. Эти губернии и их население были тесно связаны между собой общностью социально-экономических и политических процессов в составе империи, социокультурными, религиозными и иными традициями.

Объектом исследования является ясак, а предметом исследования – ясачная политика самодержавия по отношению к народам Сибири как наиболее специфическая для данного региона форма эксплуатации инородцев, ее цели, задачи, методы и средства осуществления. Со времени прихода русских в Сибирь уплата туземцами ясака рассматривалась правительством как выражение даннических отношений аборигенов к русскому царю. По мере усиления интеграции народов Сибири в состав России, их адаптации к общерусским хозяйственным, культурно-бытовым, религиозным и иным традициям на них стали распространяться и иные податные обязанности. Тем не менее на протяжении XVII в. и почти всего XIX в. и даже начала XX в. ясак продолжал оставаться наиболее характерной формой податной зависимости сибирских аборигенов от соб-

ственника земли. Поскольку территориальная экспансия России на протяжении XVII–XX вв. своим результатом имела превращение России в многонациональную империю, а нерусское население, составляющее в начале XX в. более 55 % населения государства, проживало преимущественно на окраинах, возникла необходимость определения и характеристики типов и моделей управления окраинами империи, изучения роли этнического и природно-географического фактора в окраинной политике. Разделы книги, посвященные этим вопросам (1.1, 1.2, 2.1), написаны доктором исторических наук И. Л. Дамешек. Применительно к Сибири основная проблематика исследования повлекла необходимость выяснения способов инкорпорации аборигенов России и определения места Сибири в экономических и социальных процессах империи.

Историографические заметки

Внутренняя политика Российской империи давно привлекает внимание исследователей. Однако не все аспекты правительственного курса получили равномерное освещение в литературе. Исследования в большинстве своем фокусировались на проблемах и истории органов власти, реформаторских погугах государства, их идеологах и ряде других проблем. Не забывалось, естественно, и общественное движение в различных его проявлениях. Лишь в последнее десятилетие появился цикл исторических исследований, посвященных окраинной политике империи, проблемам взаимодействия русского и других этносов в рамках единого государства и единой политической системы. Между тем на огромных пространствах России (в начале XX в. – свыше 22 млн кв. верст) нерусское население составляло большинство – около 55 % населения. Инкорпорация этого многоконфессионального, разнокультурного и разноразноязыкового многомиллионного населения в административное, экономическое, социокультурное пространство империи было отнюдь не простой задачей для петербургских властей, которая на окраинах государства значительно осложнялась фактором существования сопредельных, зачастую не-

дружественных государств. Не случайно, как будет показано в гл. I настоящей монографии, на территории Российской империи исторически сложились несколько типов управления окраинами. Именно поэтому изучение как частных, так и концептуальных вопросов истории России требует регионального измерения, а исследование внутривластных сюжетов должно вестись с учетом внешнеполитических факторов, национального и религиозного компонентов.

Присоединение Сибири к России привело к включению в состав русского государства около 30 различных народностей, что еще более усилило многонациональный характер государства. Феодальное государство объявило себя суверенным и верховным собственником сибирских земель, а коренные жители края были обложены ясаком, который являлся выражением даннических отношений аборигенов к русскому царю.

По мере упрочения отношений между Сибирью и Россией происходит постепенное втягивание аборигенов в систему общерусских государственных связей. Этот процесс сопровождался не только существенными изменениями в социально-экономическом укладе, культурной и духовной жизни народов Сибири, но и распространением на них довольно широкого круга податных обязанностей.

К началу XIX столетия по форме подати и налоги народов Сибири делились на денежные и натуральные. По назначению в тогдашней финансово-административной практике они подразделялись на казенные, или государственные, земские и местные. Однако наиболее характерной формой эксплуатации народов Сибири был ясак¹⁴.

В русской дореволюционной историографии ясак и ясачная политика по существу не являлись предметом специального изучения. Лишь в некоторых работах эти сюжеты освещались главным образом в связи с рассмотрением вопросов колонизации и организации управления Сибирью, притом преимущественно в публицистическом плане. Типичным примером в этом отношении является работа известного сибир-

¹⁴ ПСЗ-1. Т. 38, № 29126. § 286.

ского писателя и одного из идеологов сибирского областничества С. С. Шашкова «Сибирские инородцы в XIX столетии», в которой дается анализ деятельности второй ясачной комиссии в Западной Сибири¹⁵. В советской исторической литературе проблемы податей и повинностей коренного населения рассматриваются преимущественно в плане влияния обложения на экономическое и социальное положение этих народов. История же ясачной политики как самостоятельная тема изучена менее подробно. Между тем, как совершенно справедливо указывал Г. П. Жидков, именно ясак являлся основной формой эксплуатации коренного населения Сибири.

Предлагаемые вниманию читателя историографические заметки к книге не ставят целью освещение всей литературы о ясаке и ясачном режиме, тем более что такой обзор для начального периода колонизации Сибири уже имеется в советской историографии¹⁶. Цель нашего введения иная: отметить наиболее крупные историографические исследования, освещающие ясачную политику правительства на протяжении всего периода с конца XVIII до начала XX столетия. В то же время авторы считают не только возможным, но и совершенно необходимым отметить труды предшествующих исследователей вопроса, работы которых хотя и посвящены более раннему в хронологическом отношении этапу, но имеют принципиальное значение для понимания сущности и особенностей ясачного режима в последующий период. В этой связи следует отметить значение работ первого декана историко-филологического факультета и заведующего кафедрой русской истории Иргосуна В. И. Огородникова. Интерес к истории ясачной политики для Огородникова стал своего рода производной от изучения Сибири в целом¹⁷. Положение народов Сибири В. И. Огородников связывает прежде всего с теми задачами внутренней политики, которые ставило самодержавие. В

¹⁵ Шашков С. С. Сибирские инородцы в XIX столетии. Исторические этюды. СПб., 1872. Т. 2. С. 282.

¹⁶ Павлов П. Н. Пушной промысел в Сибири в XVII в. Красноярск, 1972. С. 3–34.

¹⁷ Огородников В. И. Очерки истории Сибири до начала XX столетия. Ч. 1. Введение. История дорусской Сибири. Иркутск, 1920. 289 с.

XVII в. политика русской верховной власти, указывает автор, была подчинена задачам закрепления «инородцев» в составе русского государства и обеспечению бездоимочного сбора ясака. Признавая справедливым это положение, отметим, что В. И. Огородников смягчает ясачную политику царизма, считая ясачную подать «не особенно значительной», а способы ее сбора не обременительными для коренных жителей. Это утверждение противоречит не только известным фактам, но и опровергается другим замечанием В. И. Огородникова о сравнительно редком соответствии ясачного оклада «действительной платежеспособности инородцев»¹⁸.

Большой интерес представляет статья С. В. Бахрушина «Ясак в Сибири в XVII в.», опубликованная еще в 1927 г. В ней автор основное внимание сосредоточил на изучении форм и методов сбора ясака в Сибири в XVII в. Хотя указанная статья посвящена изучению ясачной политики на ранних этапах колонизации Сибири, однако ее основные положения и выводы применимы для характеристики и последующего периода.

С. В. Бахрушин справедливо указал, что ясак не являлся новинкой в этих краях, а «существовал... в Сибири задолго до присоединения к России». Дань, которую выплачивали поставленные в кыштымскую зависимость племена народностей края, не отличалась принципиально от ясачной подати в XVII в. «Присоединяя страны, подвластные недавно монгольским и татарским завоевателям, русские государи просто... перевели на себя ясаки, до тех пор уплачиваемые их предшественникам». В Сибири «в целом ряде случаев русские власти в сборе ясака непосредственно сменили предшествовавших монголо-тюркских завоевателей или местных князцов». Русский ясак органически вырос из тех ясаков и алманов, которые русские нашли в Сибири. Процесс установления единой формы ясака в XVII в. в Сибири еще не был завершен. По форме и приемам взыскания ясак, указывал С. В. Бахрушин, «не был чем-то одинаковым и однородным во всех уездах и волостях». (Это поло-

¹⁸ Огородников В. И. Из истории инородческих волнений в Сибири // Вестн. просвещения. Чита, 1922. Кн. 1. С. 2.

жение в определенной степени применимо и для более позднего периода.)

Существовало два вида ясака – окладной и неокладной, что вполне соответствовало тогдашней практике сбора ясака. При окладном ясаке размер дани точно фиксировался. Под неокладным С. В. Бахрушин подразумевал случайный ясак, когда сборщики брали «что принесут», ясак, поступление которого невозможно было предугадать.

Социально-экономическую сущность ясака С. В. Бахрушин определяет как дань. «Ясак – это подать, установленная законом, уложенная, принудительная, в отличие от добровольного приношения – «поминок» – по преимуществу дань, которую платят покоренные победителю»¹⁹. В XVII в. народы Сибири еще только втягивались в систему общерусских государственных связей, становились «подданными» государства, поэтому определение ясака как дани для начала XVII в. является вполне справедливым. В дальнейшем социально-экономический характер ясака изменился, что, однако, не было прослежено С. В. Бахрушиным. Некоторые положения С. В. Бахрушина нельзя признать правильными. К ним относится тезис о «легкости» перехода народов Сибири от одного господина к другому. В целом же статья С. В. Бахрушина является ценным и хорошо документированным исследованием по истории ясачной политики на ранних этапах освоения сибирских пространств. От нее отталкивались последующие исследователи вопроса.

Специально посвящена политике самодержавия на восточных окраинах империи монография С. Б. Окуня «Очерки по истории колониальной политики царизма в Камчатском крае». Достоинством исследования является стремление автора увязать присоединение Камчатки с изменением способа производства у ее населения. С. Б. Окунь указывает, что с приходом русских усиливается развитие товарно-денежных отношений, возникает имущественное неравенство. Большое внимание автор уделил вопросам христианизации камчадалов, отметив

¹⁹ Бахрушин С. В. Ясак в Сибири в XVII в. // Науч. тр. М., 1955. Т. 3, ч. 2. С. 49–51, 58–59.

некоторые особенности распространения православия в этом районе, выразившиеся в попытках правительства воспрепятствовать массовой христианизации. Эту особенность правительственного курса С. Б. Окунь объясняет стремлением самодержавия сохранить общий объем ясака, так как крещение «инородцев» сопровождалось освобождением от уплаты ясачной подати. Причину распространения массовой христианизации С. Б. Окунь видит в утрате Камчаткой роли основного поставщика ясака. Исследователь рассматривает ясак как личный доход дома Романовых, отмечая при этом, что с 1783 г. (указ Екатерины II «Об оставлении собираемой в Сибири мягкой рухляди и всего ясачного сбора с 1783 г. в ведомстве Кабинета по-прежнему») пушнина приобретает «династический характер»²⁰. Таким образом, С. Б. Окунь явился первым исследователем, высказавшим мысль о принадлежности ясака не государству как верховному собственнику сибирских земель, а императорскому Кабинету как совладельцу этой собственности. Автор, правда, не указал, отразил ли екатерининский указ уже ранее сложившуюся практику поступления сибирского ясака в кассу Кабинета или это было принципиальное новшество. Это небезынтересное, с нашей точки зрения, обстоятельство не меняет оценки оригинальных суждений ученого. Следует лишь сожалеть о том, что эти высказывания не были подкреплены серьезным фактическим обоснованием и не развиты в других работах автора. Очевидно, поэтому на них не обратили внимание последующие исследователи вопроса.

В 1940-е и 1950-е гг. усилия исследователей направлялись на разработку проблем социально-экономической истории, без которой невозможно было развитие марксистской концепции истории Сибири. Особенно весомый вклад в их изучение внес В. И. Шунков, труды которого не только положили начало научному изучению истории сибирского крестьянства, но и позволили по-новому оценить результаты русской коло-

²⁰Окунь С. Б. Очерки колониальной политики царизма в Камчатском крае. Л., 1935. С. 25–35, 102–110.

низации Сибири в области торговли, промыслов и промышленности.

Ясачную политику В. И. Шунков, как и С. В. Бахрушин, рассматривал на материалах преимущественно XVII столетия. Он обращал внимание, что на протяжении всего XVII в. ясак, являвшийся основной формой эксплуатации местного населения Сибири, «носил первоначально черты военной добычи – дани». Вслед за С. В. Бахрушиным В. И. Шунков отмечал, что «ясак не был новостью для населения Сибири». «Для известной части сибирских народов, – указывал он, – подчинение Русскому государству означало лишь смену господства». Думается, что это несколько упрощенное толкование последствий присоединения народов Сибири к России.

В. И. Шунков считал, что в конце XVII в. ясак трансформируется в государственный доход, т. е. становится рентой. «Ясак, – писал он, – сближался с обычной для русского государства податью как повинность, отбываемая с земли, «с ясачных вотчин». Оценивая ясачную политику правительства, В. И. Шунков отмечает оскудение ясачных плательщиков, наметившееся уже к концу XVII в.: «Ясак требовал значительного напряжения примитивного хозяйства объясаченного населения»²¹. В целом же нужно отметить, что в 40–50-е гг. вопросы внутренней политики управления и реформ затрагивались или мимоходом, или в общих трудах по истории отдельных народов Сибири.

Некоторые аспекты правительственного курса в отношении коренных народов края нашли отражение в монографии Ф. А. Кудрявцева. Автор рассматривал историю бурят не изолированно от истории русского и других народов Сибири, в чем несомненное достоинство его работы. Ф. А. Кудрявцев дал общий обзор положения Восточной Сибири в первой половине XIX в., основное внимание уделив проблемам экономического развития и социальных отношений у бурят. Историк поднял вопрос об изменениях в хозяйстве бурят и причинах этих из-

²¹Шунков В. И. Эксплуатация Сибири царизмом // Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII в. М., 1955. С. 854, 857.

менений в первой половине XIX в., особо выделив значение развития земледелия и перехода от кочевого быта к оседлости. Вопросы внутренней политики, в том числе и ясачной, освещены им в меньшей степени. Ф. А. Кудрявцев указывал, что «различие в платеже ясака объясняется раскладкой внутри родов по степени зажиточности». Накопление ясачных недоимок автор справедливо объяснял несоответствием ясачных окладов уровню платежеспособности аборигенов²².

В 1951 г. появилась монография известного специалиста в области исторической географии В. В. Покшишевского, в которой на основании обширного фактического материала дается обобщающий очерк заселения Сибири в XVI–XX вв. Исследование В. В. Покшишевского для нас интересно тем, что автор указывает на прямую связь между формами и методами сбора ясака в первоначальный период колонизации Сибири и задачами первоначального накопления капитала. «Формы освоения пушных богатств Сибири, – пишет автор, – грабеж и объясачивание коренного населения как нельзя более характерны для эпохи первоначального накопления».

Вместе с тем для В. В. Покшишевского характерен дифференцированный подход к проблеме взаимоотношения русского крестьянства и представителей служилой верхушки с коренным населением. Отмечая историческую общность судеб коренного и русского населения Сибири, автор характеризует податную политику самодержавия как грабительскую, указывает на обезземеливание аборигенов и старожилов во второй половине XIX в. «История Сибири, – пишет исследователь, – дает немало примеров самой беззастенчивой эксплуатации служилой верхушкой как коренных народностей Сибири, так и попадавшего в Сибирь простого русского люда»²³. Такой подход, на наш взгляд, является плодотворным и заслуживает внимания исследователей. Вопросы, связанные с изучением некоторых аспектов ясачной политики царизма в первой половине XIX в., нашли отражение в статьях Л. И. Светличной.

²² Кудрявцев Ф. А. История бурят-монгольского народа. М. ; Л., 1940. С. 136.

²³ Покшишевский В. В. Заселение Сибири. Иркутск, 1951. С. 26.

Рассматривая вопрос о реформе М. М. Сперанского в Сибири, Л. И. Светличная указывает, что основной предпосылкой ее послужила необходимость повышения платежеспособности коренного населения. По ее данным, в 1819 г. народы Сибири выплатили казне 992 941 руб. различных сборов. «Недоимки составляли третью часть сборов... «Инородцы» превращались в неоплатных должников», – пишет исследователь.

Подтверждение этой мысли Л. И. Светличная ищет в «Уставе об управлении инородцев», указывая, что «устав Сперанского должен был ликвидировать создавшееся положение, поднять платежеспособность «инородцев». Добиться этого Сперанский попытался путем «реформирования всех сторон жизни коренных народов, почему Устав касался не только экономической стороны, но и административной, судебной, культурно-бытовой».

Л. И. Светличная не согласна с утверждением С. В. Бахрушина о том, что авторы Устава стремились к сохранению самобытности народов Сибири. По ее мнению, мероприятия М. М. Сперанского объективно должны были ослабить их родовое устройство, поощрить элементы нового, приравнять народы Сибири к русскому населению.

Вместе с тем автор указывает на противоречивость замыслов М. М. Сперанского, отразившихся в Уставе. Устав Сперанского есть попытка, говорит исследователь, «не изменяя основ военно-феодальной эксплуатации, содействовать развитию в хозяйствах коренных народов Сибири новых начал, которые в то время едва-едва обозначились. Эта противоречивость Устава, естественно, обрекла на неудачу и его слабо выраженные прогрессивные элементы». Наблюдения Л. И. Светличной представляют несомненный интерес. Следует, однако, признать, что некоторые положения автора кажутся неубедительными. Вызывает, например, сомнение тезис об упадке платежеспособности сибирского населения как главной причине реформы 1822 г., тем более что Л. И. Светличная почти не подкрепляет его фактическим материалом. Не случайно сведения о недоимках приводятся только за 1819 г. Неясным остается и положение о военно-феодальных методах

эксплуатации Сибири. Видимо, исследователь недостаточно учитывает своеобразие колониального положения Сибири в первой четверти XIX в., перенося на этот период черты более позднего времени. Вместе с тем, несмотря на недостаточную аргументированность отдельных положений, исследования Л. И. Светличной отличаются нешаблонным подходом²⁴.

В последующие годы советское сибиреведение обогатилось несколькими монографиями по истории отдельных народов края, посвященными в основном вопросам социально-экономического развития. Принципиальное значение для разработки темы имеют исследования, в которых рассматривается проблема развития капиталистических отношений в пореформенный период. Однако и в данном случае вопросы ясачной политики в общесибирском масштабе не являлись предметом специального изучения. Интересующая нас тема представлена главным образом отдельными статьями или небольшими очерками, посвященными исследованию смежных вопросов. Следует также отметить, что ясачная политика рассматривается на материале дореформенной Сибири.

В этом плане необходимо назвать статью Е. М. Залкинда, посвященную исследованию ясачной политики царизма в Бурятии в XVIII – первой половине XIX в. Достоинством этой работы является стремление автора увязать ясачную политику царизма с развитием товарно-денежных отношений в хозяйстве бурят. Тенденцию перевода ясака в денежную форму, наметившуюся еще в XVIII в., Е. М. Залкинд справедливо объясняет развитием товарно-денежных отношений у бурят. С этих же позиций рассматривает исследователь и принцип свободной торговли с «инородцами», введенный Уставом 1822 г. «Средневековая по существу запретительная система была несовместима с экономической жизнью России того времени». Втягивание «хозяйства аборигенов в более широкие рыночные связи было явлением исторически прогрессивным», – пишет Е. М. Залкинд. Особенный интерес представляет поста-

²⁴Светличная Л. И. Устав об управлении инородцев М. М. Сперанского (1822 г.) // Учен. зап. ТГПИ. Тюмень, 1957. Вып. 1. С. 62, 71–72.

новка исследователем вопроса о социально-экономической сущности ясака. Е. М. Залкинд, как и С. В. Бахрушин, считает, что в «середине XVII в. ясак носил характер дани». В дальнейшем, указывает он, «с развитием русского государства и новыми целями его политики на восточных окраинах ясачная подать претерпела значительные изменения». В XIX в. ясак, по мнению Е. М. Залкинда, «уже стал не чем иным, как феодальной рентой самому царю». Историк считает, что ясак не был государственной податью, а полностью поступал в кассу Кабинета, «т. е. являлся личным доходом дома Романовых». Здесь следует заметить, что редакция сборника «Сибирь периода феодализма», в котором опубликована статья Е. М. Залкинда, не согласилась безоговорочно с этой точкой зрения. В примечании от редакции говорится, что «взгляд автора на ясак» как на «личный доход дома Романовых», противопоставление ясака государственным податям и интересов царской фамилии интересам государственного казначейства является спорным». Однако ни сам Е. М. Залкинд, ни авторы примечания не привели сколько-нибудь убедительных аргументов в поддержку своей точки зрения. Думается, что от авторов примечания этого и нельзя было требовать. Что же касается Е. М. Залкинда, то одну из причин этого, возможно, следует видеть в том, что он исследовал ясачную политику на материалах локального региона и в сравнительно узких хронологических рамках. Ясачная политика царизма пореформенного периода осталась за пределами внимания ученого²⁵.

Весомым вкладом в изучение проблем освоения дальневосточных окраин явилась монография В. А. Александрова, в которой автор высказал ряд принципиальных замечаний по поводу ясачной политики царизма во второй половине XVII в. Рассматривая ясачный режим, В. А. Александров отмечал, что «феодальные повинности коренного местного населения определялись ясачным режимом, основу которого составляла

²⁵ Залкинд Е. М. Ясачная политика царизма в Бурятии в XVII – первой половине XIX в. // Сибирь периода феодализма. Экономика, управление и культура Сибири XVII–XIX вв. Новосибирск, 1965. С. 243, 245.

рента, уплачиваемая государству за пользование различными угодиями». Представляется, что определение ясака как государственного дохода для второй половины XVII в. является справедливым. В. А. Александров обоснованно указывает и на обременительность ясачного обложения, отмечая, что «вся тяжесть ясачного режима падала на широкие слои местного населения». Методологически верно его высказывание о неантагонистичности социальных структур русского и коренного населения Сибири (оно, кстати, содержится и в работах других исследователей, например Ю. С. Булыгина). Несмотря на то, пишет В. А. Александров, что «из-за низкого уровня развития производительных сил ясак сплошь и рядом становился тяжелой повинностью для местного населения», «ясачные люди видели в русском подданстве определенные положительные стороны и вовсе не желали его лишиться». В русском подданстве местное население видело «единственную возможность сохранить свое существование», – заключает В. А. Александров²⁶.

Исследованию ясачной политики царизма на Чукотке посвящена статья С. П. Нефедьевой, достоинством которой является стремление автора проследить развитие ясачного режима с учетом своеобразного положения Чукотки в составе Российской империи в XVII–XIX вв. Значительное внимание С. П. Нефедьева уделяет вопросам колонизации этой отдаленной окраины России, прослеживает взаимоотношения русского и коренного населения. Справедливым следует признать ее утверждение о том, что «принудительный сбор ясака в большинстве случаев явно не соответствовал производительности охотничьего промысла»²⁷. К сожалению, этот вывод не подтверждается сколько-нибудь серьезным фактическим обоснованием. Характеристика социально-экономической сущности ясака как дани является справедливой для XVII и отчасти – XVIII в. В XIX в. характер ясачной подати был уже иным. Однако

²⁶ Александров В. А. Россия на Дальневосточных рубежах (вторая половина XVII в.). М., 1969. С. 15.

²⁷ Нефедьева С. П. Ясачная политика царизма на Чукотке XVII–XIX вв. // Зап. Чукот. краевед. музея. Магадан, 1967. Вып. 4. С. 33.

С. П. Нефедьева не прослеживает это изменение, хотя хронологические рамки ее исследования охватывают и XIX столетие.

Среди специальных исследований, посвященных вопросам ясачной политики, несомненного внимания заслуживает статья А. Н. Копылова, написанная на материалах Томского уезда первой трети XVIII в. А. Н. Копылов прежде всего уточнил определение социально-экономической сущности ясака, справедливо отметив, что ясак «в условиях позднефеодального государства постепенно трансформировался в феодальную ренту». Обращает на себя внимание замечание А. Н. Копылова о том, что «для обобщающих выводов и раскрытия практического многообразия осуществления ясачной политики царизма в Сибири» необходимо вовлечь в научный оборот новые материалы в общесибирском масштабе.

Автор стремится увязать вопрос о принципах ясачного обложения народов Сибири с общими целями правительственной политики в отношении аборигенов. А. Н. Копылов справедливо отмечает, что в XVII и начале XVIII в. в Сибири существовали две формы обложения «инородцев» ясаком – породовая и поголовная. К осуществлению этих принципов на практике правительство подходило осторожно и дифференцированно, пытаясь учитывать конкретную ситуацию. Несомненным достоинством статьи является предпринятая автором попытка дать периодизацию ясачной политики царизма в XVII–XVIII вв. В качестве важнейшего этапа А. Н. Копылов, как и Е. М. Залкинд, называет первую ясачную комиссию (1763–1769 гг.), которая «внесла важные изменения в ясачное обложение и порядок сбора ясака»²⁸. Признавая справедливость этого положения, следует отметить, что его правомерность и обоснованность разделяются отнюдь не всеми исследователями. Так, например, Н. А. Миненко считает, что в результате работы комиссий Щербачева «никакой серьезной перестройки в ясачном обложении не произошло», а были введены лишь «некоторые частные новшества». Доказательство этого поло-

²⁸ Копылов А. Н. К вопросу о принципе ясачного обложения и порядке сбора ясака в Сибири // Изв. СО АН СССР. Сер. обществ. наук. Вып. 1. Новосибирск, 1969. № 1. С. 59–60.

жения Н. А. Миненко видит в том, что на практике комиссия Щербачева «уклонялась... от данной ей инструкции» и вела не породовой, а поголовный принцип обложения аборигенов ясаком. Не случайной, по-видимому, является ссылка автора монографии на члена Кабинета Н. Всеволожского, который в 1839 г. подверг резкой критике действия первой ясачной комиссии именно за это отступление от инструкции. В данном случае Н. А. Миненко, несомненно, права. Действительно, комиссии Щербачева не удалось полностью выполнить наказ Екатерины II о введении породового принципа сбора ясака. В некоторых случаях и после комиссии Щербачева ясак собирали методом поголовного обложения. С этими фактами и столкнулась Н. А. Миненко, рассматривая ясачную политику в Северном Приобье. Стремление выяснить особенности действия первой ясачной комиссии в этом конкретном регионе – бесспорно, положительная сторона исследования Е. А. Миненко. Однако вряд ли правомерно распространять на всю Сибирь положения и выводы, хотя и справедливые, но сделанные на основе изучения небольшой ее части. Хорошо известно, что в районах Восточной Сибири деятельность первой ясачной комиссии имела свои особенности. Автор склонна недооценивать сам факт возведения в ранг государственной политики принципа породовой раскладки ясака, что надолго предопределило судьбу ясачного режима в Сибири. На наш взгляд, Н. А. Миненко недостаточно полно учитывает и некоторые другие реальные последствия действия первой ясачной комиссии: отмену аманатства, упразднение неокладного ясака и др.

Хочется обратить внимание и на то обстоятельство, что инструкция Щербачеву по сути дела впервые содержала четкое определение возраста ясачных плательщиков – от 18 до 50 лет. Это указывает не только на стремление правительства вовлечь в ясачные платежи все работоспособное мужское население, но и на более решительные шаги самодержавия в попытках окончательно закрепить сибирских аборигенов в системе общерусских государственных связей, с одной стороны, и на упрочение связей между Сибирью и Россией – с другой. Поэтому тезис о «частных новшествах», используемый

Н. А. Миненко в качестве критерия для оценки работы первой ясачной комиссии, представляется нам малоубедительным.

В монографии Н. А. Миненко рассматривается и деятельность второй ясачной комиссии 1827–1835 гг. В связи с основной темой исследования автор, по-видимому, не смогла уделить этому вопросу особого внимания. Тем не менее Н. А. Миненко убедительно показывает нежизненность надежд правительства на увеличение ясачных поступлений натурой, отмечая при этом, что в первой половине XIX в. «процесс коммутации ясака на территории Северо-Западной Сибири получил значительное развитие».

Следует отметить, что Н. А. Миненко предприняла попытку рассмотреть и некоторые другие аспекты правительственного курса в отношении народов края. Обращают на себя внимание вопросы, связанные с оценкой роли и значения распространения христианства среди аборигенов, организации управления народами края, и некоторые другие. Не все выводы автора по рассматриваемым проблемам представляются нам совершенно бесспорными. Тем не менее нельзя не признать, что исследование Н. А. Миненко является первой работой советского историка, в которой предпринята попытка рассмотреть в совокупности некоторые направления правительственной политики в отношении народов Сибири. Такой подход, безусловно, является плодотворным и заслуживает внимания ученых²⁹.

Н. Г. Апполова исследовала вопрос о состоянии ясачных волостей в Прииртышье в XVI–XVII вв. Автор характеризует действия ясачных сборщиков как грабительские, уделяя основное внимание вопросам взаимоотношения русского и коренного населения. Исследователь подчеркивает, что уже в XVII в. правительство освобождало от уплаты ясака крещеных «инородцев». Во взаимоотношениях с крещеными аборигена-

²⁹ Миненко Н. А. Северо-Западная Сибирь в XVIII – первой половине XIX в. Новосибирск, 1975. С. 243, 260, 261.

ми «фискальные задачи правительства отступали на второй план», – указывает Н. Г. Апполова³⁰.

Вопросы взаимоотношения социальных структур русского и аборигенного населения Сибири нашли отражение в работе А. А. Преображенского. На основе изучения большого фактического материала автор сделал совершенно правильный вывод «о неантагонистичности встретившихся на восточных окраинах социальных отношений русского и коренного населения». А. А. Преображенский указывает на общность отношений и интересов угнетенного русского и туземного населения, что проявлялось в различных областях жизни³¹.

Вопросы, связанные с изучением некоторых аспектов ясачной политики во второй половине XIX и начале XX в., нашли отражение в оригинальном и хорошо документированном исследовании Г. П. Жидкова. Автор отмечает, что в начале XX в. «ясак по своему обличию» являлся «пережитком даннических отношений сибирских аборигенов к русскому царю». Г. П. Жидков рассматривает ясачную подать как собственность российской короны. Он указывает, что ясак «по экономическому содержанию в кабинетский период являлся формой земельной ренты», а «кабинетские доходы покоились на самой архаичной форме феодальной эксплуатации». Идея о коронной принадлежности ясака в исследовании Г. П. Жидкова не получила дальнейшего развития. Возможно, это объясняется тем, что автор сосредоточил свое внимание на изучении других вопросов. Заметим также, что вопросы ясачной политики Г. П. Жидков рассматривает на примере кабинетских земель, охватывающих территорию Алтайского и Нерчинского округов. Между тем большая часть коренного населения Сибири проживала на землях, принадлежащих государству. Вопросы,

³⁰ Апполова Н. Г. *Хозяйственное освоение Прииртышья в конце XVI – первой трети XIX в.* М., 1976. С. 104.

³¹ Преображенский А. А. *Урал и Западная Сибирь в конце XVI – начале XVIII в.* : монография. М., 1972. С. 167–168.

связанные с формированием ясачной политики царизма в обшесибирском масштабе, остались вне поля зрения автора³².

Вывод Г. П. Жидкова о принадлежности ясака императорскому Кабинету разделяет Л. М. Горюшкин, автор крупного исследования по истории развития аграрных отношений в Сибири периода империализма. Рассматривая вопрос о развитии и характере земельной собственности в Сибири, он указывает, что Кабинет как совладелец земель взимал ясак с кочевых народов Сибири вплоть до 1917 г.³³

В середине 70-х гг. теперь уже прошлого ХХ в. были опубликованы первые научные статьи по истории ясачной политики одного из авторов настоящей монографии³⁴, составившие основу кандидатской диссертации Л. М. Дамешека, защищенную в диссертационном совете Иркутского государственного университета в 1974 г. Источниковую базу этих первых, еще аспирантских статей составили материалы второй ясачной комиссии и сенаторской ревизии Толстого, введенные в научный оборот впервые. Тогда же в фондах ЦГИА (впоследствии РГИА) автор обнаружил обширный комплекс материалов по истории ясачной политики, охватывающий Тобольскую, Томскую, Енисейскую, Иркутскую губернии, Забайкальскую и Якутскую области Сибири в хронологическом отношении вплоть до 1917 г. Это была несомненная творческая удача. Конечно, этому способствовало хорошее знание автором основ царского делопроизводства и истории развития царского законодательства в отношении народов Сибири. Последующий анализ обнаруженных архивных материалов убедил исследователя в правоте избранного историко-правового аспекта темы изучения как одного из компонентов научной методоло-

³² Жидков Г. П. Кабинетское землевладение (1747–1917): автореф. ... дис. д-ра ист. наук. Новосибирск, 1969. С. 22.

³³ Горюшкин Л. М. Аграрные отношения в Сибири периода империализма (1900–1917). Новосибирск, 1976. С. 250, 256.

³⁴ Дамешек Л. М. Ясачная комиссия 1827–1835 гг. в Восточной Сибири // Сиб. ист. сб. Иркутск, 1973. Вып. 1. С. 3–21; Он же. Ясачная политика царизма в Сибири по материалам ревизии И. Н. Толстого // Сиб. ист. сб. Иркутск, 1975. Вып. 3. С. 77–99.

гии автора³⁵, с одной стороны, в необходимости компаративного анализа характера окраинной политики империи, в том числе сравнения с общемировой практикой, – с другой, а в более широком плане – что сама по себе ясачная политика является одним из проявлений взаимоотношений центра и региона в императорской России, проблемы, которая на сегодня остается одной из наиболее актуальных для современного государственного строительства Российской Федерации. Именно с этих методологических позиций была написана первая монография Л. М. Дамешека, посвященная именно изучению ясачной политики самодержавия³⁶ в Сибири, и ряд последующих его монографий³⁷.

В середине 90-х гг. XX в и в начале XXI столетия отечественное сибиреведение обогатилось выходом ряда крупных работ как по истории Сибири в целом, так и по истории отдельных регионов Азиатской России. Этому способствовали становление отличных от традиционного марксизма методологических принципов и появление новых методов исторических исследований, вовлечение в научный оборот ранее неизвестных комплексов источников, обостренный интерес широкой общественности к истории «своих регионов», знакомство с достижениями западноевропейской историографии. Первой по времени появилась широко на сегодня цити-

³⁵ Дамешек Л. М. Народы Сибири в законодательном механизме империи // Мир Центральной Азии. История. Социология : материалы Междунар. науч. конф. Улан-Удэ, 2002. Т. 2, ч. 1. С. 69–73; Он же. Об экономической сущности и юридической принадлежности сибирского ясака на рубеже веков // Бурятское население Иркутской области (губернии) и Усть-Ордынского автономного округа в XX в. Иркутск, 2002. С. 189–190; Он же. Сибирские инородцы в имперской стратегии власти // Сибирь на этапе становления индустриального общества в России XIX – начале XX в. : материалы Междунар. науч. конф. Новосибирск, 2002. С. 105–108.

³⁶ Ясачная политика царизма в Сибири в XIX – начале XX в. Иркутск, 1983. 137 с. Рец.: Taylor P. R. // Amer. hist. rew. Wash., 1986. Vol. 94. N 4. P. 965.

³⁷ Дамешек Л. М. Образ «инородцев» на страницах сибирской периодической печати второй половины XIX – начала XX в. Иркутск, 2007. 320 с.; Региональная власть и общественность Сибири XIX – начала XX в. / А. В. Гимельштейн, Л. М. Дамешек, И. Л. Дамешек, А. В. Даниленко. Иркутск, 2007. 256 с.; Дамешек Л. М. Сибирские «инородцы» в имперской стратегии власти XVIII – начала XX в. Иркутск, 2007. 320 с. Он же. Сибирь в системе имперского регионализма (1822–1917 гг.). Palmarium Akademik LAP LAMBERT Akademik Publishing GmbH & Co. KG Heinrich – Bochkinh – Str. 8, Publishing is a trademark of: 66121 Saarbruchkn, Germanu. 441 с.

руемая книга «Сибирь в составе Российской империи»³⁸, подготовленная известными «досоветчиками» ведущих сибирских университетов. Книга замышлялась как составная часть лекционного курса, посвященного истории окраин Российской империи. К сожалению, тот интересный замысел и на сегодня реализован лишь частично, а вместо курса лекций были написаны монографии³⁹. Тем не менее отметим, что, в отличие от большинства сибиреведческих работ, данная монография целиком посвящена изучению правительственной политики в Сибири, а в двух главах из десяти речь идет именно об «инородческом» вопросе. Ясак рассматривается как личный доход имперского Кабинета, сохранивший свое самостоятельное значение в денежных доходах коронного ведомства до 1917 г. Спустя четыре года была опубликована трехтомная история Бурятии, лучшее, на наш взгляд, исследование по истории этого стратегически важного для России края⁴⁰. Почти одновременно с этим вышло издание по истории Иркутской губернии, подготовленное коллективом преподавателей исторического факультета ИГУ⁴¹. В этих работах приводятся фактические и обобщающие сведения, статистические данные по истории ясачной политики самодержавия в регионе.

Разумеется, изучение одного вопроса в рамках коллективного труда имеет свои плюсы и минусы, определенные характером такого издания. Вряд ли от создателей коллективной работы можно требовать монографического освещения одного, пусть даже весьма значимого, но все же отдельного вопроса. Тем не менее данные исследования совершенно отчетливо свидетельствуют, что изучение политики самодержавия в отношении народов Сибири, в том числе и ясачной политики как одной из ее составляющих, должно вестись на основе анализа окраинной политики империи в целом, а

³⁸ Сибирь в составе Российской империи ...

³⁹ Северный Кавказ в составе Российской империи ... ; Западные окраины Российской империи ...

⁴⁰ История Бурятии. Т. 2. XVII–XX вв. Улан-Удэ, 2011. 619 с.

⁴¹ Иркутский край. Четыре века: История Иркутской губернии (области) XVII–XXI вв. / А. В. Гимельштейн [и др.] ; гл. ред. Л. М. Дамешек. Иркутск, 2012. 880 с.

политика самодержавия в Сибири являлась составной частью внутренней политики империи. Теперь, после выхода в свет принципиально важных исследований И. А. Асалханова, А. П. Бородавкина, Л. М. Горюшкина, Л. Ф. Склярова, В. А. Степынина, Е. И. Соловьевой, В. Г. Тюкавкина⁴², А. Т. Топчего, Ю. М. Гончарова, В. П. Зиновьева, Н. П. Матхановой, А. В. Ремнева, М. В. Шиловского, других авторов и ряда крупных коллективных⁴³ работ, время для монографической разработки избранной нами темы с учетом широкого компаративного анализа окраинной политики империи вполне назрело.

Итак, предшествующие исследователи вопроса достигли определенных успехов в изучении ясачной политики самодержавия в Сибири. Тема ясачной политики входит в историческую литературу в связи с изучением начального периода колонизации Сибири, конца XVI – начала XVIII в. Рассматривая вопросы заселения и освоения Сибири, исследователи не могли не коснуться проблемы взаимоотношения местного населения с русской государственной властью, в том числе и ясачной политики царизма. Можно считать, что на сегодняшний день некоторые аспекты интересующей нас темы нашли достаточно полное освещение в литературе. Это относится главным образом к вопросам приема и методам сбора ясака в XVI – начале XVIII в., способам раскладки ясачной подати и ее социально-экономического характера.

Значительно меньше изучена ясачная политика самодержавия в XIX в., особенно во второй его половине. Укажем для

⁴² Скляров Л. Ф. Переселение и землеустройство в Сибири в годы столыпинской аграрной реформы. Л., 1968. 558 с; Степынин В. А. Колонизация Енисейской губернии в эпоху капитализма. Красноярск, 1962. 561 с; Асалханов И. А. Социально-экономическое развитие Юго-Восточной Сибири во второй половине XIX в. Улан-Удэ, 1963. 494 с.; Он же. Сельское хозяйство Сибири конца XIX – начала XX в. Новосибирск, 1975. 265 с.; Тюкавкин В. Г. Сибирская деревня накануне Октября. Иркутск, 1966. 470 с.; Горюшкин Л. М. Аграрные отношения в Сибири ... 342 с.; Соловьева Е. И. Промыслы сибирского крестьянства в пореформенный период. Новосибирск, 1981. 326 с.

⁴³ Работы указанных авторов посвящены изучению различных аспектов правительственной политики в Азиатской России: административной, экономической, сословной и др.

примера, что еще слабо прослеживается связь между формированием ясачного режима в пореформенный период и аграрной политикой самодержавия. В литературе практически отсутствуют сведения о попытках переложения ясачной подати на землю и о проектах замены ясака другими видами податного обложения. Остается пока невыясненным вопрос об эволюции социально-экономической сущности ясака в XIX в. и др.

Изучение ясачной политики самодержавия в Сибири должно проводиться, на наш взгляд, с учетом всех аспектов правительственного курса в отношении нерусских народов края: аграрной политики, организации управления, русификаторских тенденций и др. Только комплексное рассмотрение всех основных направлений политики империи в отношении коренного населения Сибири позволит понять сущность и самого ясачного режима, вскрыть формы и методы эксплуатации аборигенов края со стороны абсолютной монархии и связанного с ней общественного строя.

Источниковый анализ

Для решения указанных задач авторами было выявлено большое количество исторических источников разных типов. При этом следует отметить, что метод компаративизма, используемый при подготовке монографии, значительные территориальные и хронологические рамки исследования предопределили широкую географию поиска источникового материала, с одной стороны, и необходимость тщательного репрезентативного отбора и критического осмысления выявленных источников – с другой.

Важное значение для изучения рассматриваемых в монографии проблем интересующего нас периода имеют нормативные акты самодержавия, опубликованные в первом, втором и третьем «*Полном собрании законов Российской империи*» (далее ПСЗ), в сводах законов империи, ряде специальных изданий. Автором было выявлено несколько сот указов, манифестов, учреждений и иных нормативных актов самодержавия, представляющихся важными источниками для по-

нимания принципов и основ политики империи по отношению к окраинным регионам государства, ясачной политики в частности. Из этого количества актов абсолютное большинство относится к Сибири, но, независимо от «географической принадлежности», почти все они были использованы при написании монографии.

Эволюцию организации местного управления на Кавказе в первой половине XIX в. позволяют проследить 8 основных нормативных актов. Наиболее важные из них – манифест императора Павла I от 18 января 1801 г. о присоединении Грузии к России и именной указ Александра I от 12 января 1801 г. об учреждении в Грузии внутреннего управления с приложением его штата⁴⁴. Последующие за ними указы и постановления лишь отражали процесс модернизации местного управления региона, который растянулся почти на сорок лет⁴⁵. Завершился он разработкой и последующим принятием «Учреждения для управления Закавказским краем»⁴⁶. Этот достаточно внушительный документ – более 300 параграфов – был в некоторой степени уникальным. Основанный на общих принципах управления внутренних российских губерний, он соответствовал «в подробностях особенным обстоятельствам и быту жителей за Кавказом». Реформой 10 апреля 1840 г. самодержавие надеялось реализовать главную цель своей политики в этом регионе – а именно окончательно закрепить положение Закавказья как составной части Российской империи путем введения там общероссийской системы управления, построенной в то же время с учетом «местных обстоятельств».

Процесс организации местного управления на западных окраинах Российского государства отражен в «Полном собрании законов» достаточно скупно – лишь в 12 нормативных актах. Положение Финляндии в составе империи характеризуют в первую очередь два манифеста: от 20 марта 1808 г. «О покорении Шведской Финляндии и о присоединении оной навсе-

⁴⁴ ПСЗ-I. Т. 26, № 19721, 20007.

⁴⁵ Там же. № 20009; Т. 28, № 21753; Т. 30, № 23943; Т. 31, № 24597.

⁴⁶ ПСЗ-II. Т. 15. Отд. 1. № 13368 (утв. 10 апр. 1840 г.), № 13371.

гда к России» и от 1 октября 1809 г. «О заключении мира между Россией и Швецией» с приложением мирного трактата, заключенного в Фридрихсгаме 5 сентября того же года⁴⁷. В соответствии с ними Финляндия присоединялась «отныне навсегда к Российской империи», а ее населению гарантировалось процветание «под сенью престола нашего (т. е. российского. – *Авт.*)... в тишине и безопасности». В манифестах от 5 июня 1808 г. и 15 марта 1809 г. Александр I энергично призывал финнов быть верными России, под «сильным щитом» которой местное «земледелие, торговля, промыслы, все источники народного богатства и благосостояния воспримут новую жизнь». В то же время в следующем манифесте, подписанном в г. Борго 15 марта 1809 г., император подчеркивал, что он признал за «благо ...вновь утвердить и удостоверить религию, коренные Законы, права и преимущества, коими каждое состояние сего Княжества ...от мала до велика по Конституциям их доселе пользовались...»⁴⁸.

В отношении организации управления другой окраины империи – Польши – в «Полном собрании законов» содержится единственный нормативный акт – «Венский трактат» от 3 мая 1815 г., в соответствии с которым Польша объявлялась находящейся «в неразрывной связи и во владении... императора Всероссийского и наследников его на вечные времена», однако ей гарантировалась конституция и «государственные учреждения, согласные с образом политического существования» поляков⁴⁹. Спустя некоторое время после окончания Венского конгресса Александр I действительно «даровал» Польше конституцию, однако характерно, что текст ее не был включен в «Полное собрание законов». Тем не менее в нашем распоряжении имеется полный текст польской конституции 1815 г., опубликованный известным историком права Н. Д. Сергеевским в 1915 г., т. е. ровно спустя 100 лет после ее подписания

⁴⁷ ПСЗ-И. Т. 30, № 22911, 23883.

⁴⁸ Шиловский П. Акты, относящиеся к политическому положению Финляндии. СПб., 1903. С. 10.

⁴⁹ ПСЗ-И. Т. 23, № 25824.

Александром I⁵⁰. Конституционная хартия Польши (конституция) содержит 165 статей, подразделяющихся на 7 титулов (частей). Их анализ убедительно свидетельствует в пользу тезиса о существовании в России не только общегосударственного, но и территориально-законодательного устройства. Так, например, если ст. 1 провозглашает «навсегда» присоединение Польши к России, а наследники царской короны объявляются царями Польши, то уже ст. 11 декларирует принцип религиозной толерантности, заявляя, что римско-католическая религия «будет предметом особенного попечительства» русского правительства, а духовенство всех иных исповеданий будет отныне находиться под покровительством законов империи. Статья 16 гарантирует свободу польской печати, а в ст. 17 все граждане объявляются равными в правах перед законом независимо от «сословия и звания».

В противовес западным окраинам империи, в ПСЗ содержится значительное количество нормативных актов, отражающих выработку и эволюцию правительственной политики в отношении восточных окраин России – прежде всего Сибири. Сплошное обследование материалов ПСЗ за период с 1762 г. по конец XIX в., предпринятое авторами, позволило выявить около 600 законодательных актов, относящихся к этому региону. Как правило, это законы, регламентирующие организацию системы местного управления, правовое положение сословий, аграрное, налоговое законодательство и др. Изучение содержательной стороны выявленных нормативных актов свидетельствует о том, что больше всего внимания власти уделяли вопросам административного устройства, организации управления и государственной службе – им посвящено около половины законов. В этом смысле пик законотворческой активности правительства приходится на 20–30-е гг., что следует связывать со стремлением Николая I регламентировать все стороны жизни империи. Однако свое концентрированное выражение в Сибири политика имперского регионализма нашла в

⁵⁰ Конституционная Хартия 1815 г. и некоторые другие акты бывшего Царства Польского (1815–1881). СПб., 1907. С. 41–63. (Б-ка Окраин России; № 5).

«Учреждении для управления Сибирских губерний» 1822 г.⁵¹, коренным образом изменившем административно-территориальное устройство и управление этой окраины, а также в «Обозрении главных оснований местного управления Сибири», опубликованном по высочайшему повелению в 1840 г. В нем дается характеристика гражданского управления региона до реформ 1822 г. и излагаются главные начала, на которых учреждалась система управления этого края в соответствии преобразованиями Сперанского.

Комплекс законов 1822 г., вошедший в литературу вопроса под названием «Сибирское учреждение» или «Сибирские реформы» 1822 г., является по-своему уникальным памятником законодательного творчества империи. Итоговый пакет документов в окончательном виде включает в себя 10 законопроектов, состоящих из 4019 параграфов, и отличается исключительно высоким для своего времени качеством проработки правового материала. В дальнейшем, по ходу изложения положений монографии, авторы будут использовать большинство законов из упомянутого правового комплекса «Сибирское учреждение». Сейчас же отметим, что мотивы, характерные для политики имперского регионализма, наиболее отчетливо проявились в двух документах этого уникального законодательного комплекса – «Учреждении для управления Сибирских губерний» и «Уставе об управлении инородцев». «Сибирское учреждение» – это не просто территориальная привязка юридических норм империи к определенной территории, а концентрированное выражение политики государства применительно к данному региону. Вот почему в обоих законах нашли отражение принципы формирования регионального государственного устройства как на общеимперском, местном, так и на обычно-правовом уровнях. Об этом свидетельствует не только внутренняя структура документов, но и само название и содержание конкретных статей этих законов. Они включают такие важные с точки зрения юриспруденции понятия, как «территория», «законодательство», «управление»,

⁵¹ ПСЗ-II. Т. 38, № 29125–29134.

«устройство», «сословие». Не случайно уже первые статьи «Сибирского учреждения» содержат определение географических рамок Западной и Восточной Сибири, характеристику различных уровней управления регионом⁵², а в «Уставе об управлении инородцев» прежде всего представлено юридическое и экономическое обоснование необходимости введения нового сословия в России – «сибирских инородцев», разделения их на разряды – оседлых, кочевых и бродячих, определены права и обязанности каждого из разрядов⁵³. Необходимо подчеркнуть, что сибирское законодательство 1822 г., как и ряд вышеназванных нормативных актов по управлению окраинами империи, например Конституция Польши 1815 г., законы первой половины XIX в. об управлении Кавказом и Финляндией, несли в себе черты как прагматизма, так и толерантности. Они были призваны не только теснее увязать окраинные территории с историческим ядром государства, но и обеспечить внешнюю и внутреннюю безопасность этих территорий, их социальную стабильность в рамках империи. Иными словами, при разработке отмеченных нормативных актов приоритет отдавался решению геополитических задач при одновременном стремлении законодателя интегрировать региональную систему управления в общегосударственные механизмы власти. Компаративный анализ нормативных актов империи по управлению окраинными территориями позволяет утверждать, что региональное законодательство не только не нарушало государственное устройство России, но наоборот, дополняло и корректировало его в соответствии со сложными внутри- и внешнеполитическими задачами, стоящими перед многонациональным государством.

Отдельно следует выделить комплекс нормативных актов, отражающих изменения в системе сибирского управления и административно-территориального устройства, осуществленные после реформы 1822 г.⁵⁴ Эти документы, характеризую-

⁵² ПСЗ-I. Т. 38, № 29125. § 1–8.

⁵³ Там же. № 29126. § 1–4.

⁵⁴ ПСЗ-II. Т. 26, № 24811, 25394; Т. 31, № 31080; Т. 33, № 33862; ПСЗ-III. Т. 26, № 24811, 25394; Т. 31, № 31080; Т. 33, № 33862.

ющие развитие нормативной базы на протяжении второй четверти XIX в., дают возможность проследить эволюцию правительственного взгляда на проблемы организации управления и административного устройства Сибири уже после М. М. Сперанского. Они позволяют провести сопоставление между начальными замыслами реформатора и судьбой его преобразований в проектах последователей.

Среди нормативных актов, отражающих наиболее важные изменения в подходе центра по выстраиванию взаимоотношения с окраинами в пореформенный период, применительно к Польше необходимо прежде всего отметить серию именных указов Александра II середины 60-х гг. XIX в., регулирующих организацию губернского и уездного управления, указ о подчинении финансовых органов Царства Польского министерству финансов России, существенно урезавший польскую финансовую автономию, указ о введении в Польше судебных уставов 1864 г. и указ об упразднении Комитета по делам Царства Польского от 29 мая 1881 г.⁵⁵

Положение Финляндии в составе империи в первые пореформенные десятилетия характеризует «Сеймовый устав» 1869 г.⁵⁶ Появлению Устава предшествовал именной манифест Александра II, данный в день его восшествия на престол, т. е. 19 марта 1855 г. В нем император обещал «удостоверить религию, права и преимущества» финнов и хранить «оныя в ненарушимой и непреложной силе и действии...». Сам же «Сеймовый устав» был утвержден Александром в апреле 1869 г. в Петербурге⁵⁷. Этот закон, состоящий из 83 параграфов, положил начало автономному положению Финляндии в составе Российской империи и последующим демократическим реформам в регионе⁵⁸. Попытки ограничить юрисдикцию финляндского сейма в конце XIX – начале XX в. и, как следствие, автономии

⁵⁵ ПСЗ-III. Т. 1, № 224.

⁵⁶ В переводе на русский язык этот документ был издан в конце XIX в. См.: Свешников М. И. Курс русского государственного права. Приложения. СПб., 1895.

⁵⁷ Текст Устава не вошел в Полное собрание законов империи. Его полный текст см.: Корево Н. Сеймовый устав для Великого Княжества Финляндского, высочайше утвержденный 20 июля 1906 г. СПб., 1913. С. 130–158.

⁵⁸ Парламент Финляндии. Хельсинки, 2000. С. 9–10.

Финляндии в целом, борьба в высших правительственных сферах по вопросу о возможных путях дальнейшего развития Финляндии в составе России отражены в законах, принятых по инициативе генерал-губернатора Н. И. Бобрикова⁵⁹ в 1890 г., с одной стороны, и в высочайшем манифесте Николая II от 22 октября 1905 г., отменившем все постановления генерал-губернатора Бобрикова, – с другой⁶⁰. Анализ нормативных актов правительства в отношении Финляндии позволяет заключить, что самодержавие с разной степенью готовности относилось к самой идее о возможных буржуазных преобразованиях в регионе. Гораздо легче оно шло на экономическую перестройку, значительно труднее – на преобразования в области социального, в том числе юридического устройства и управления. И уж совсем неприемлемыми были для него требования о необходимости преобразований в конституционном духе.

Важное значение для раскрытия и характеристики основных направлений имперской окраинной политики по отношению к Кавказу имеет комплекс документов, собранный Кавказской археографической комиссией и опубликованный в 12 томах (АКАК). Инициатива создания подобной комиссии принадлежала начальнику главного управления наместника статс-секретарю, барону А. П. Николаи. Председателем комиссии являлся действительный статский советник Берже. Основу издания составили документы из архива главного управления наместника Кавказского.

Огромные фолианты, в два с половиной раза превосходящие по размерам любой том ПСЗ, содержат документы периода с X в. по 1862 г. (до наместничества великого князя Михаила Николаевича). В каждом томе – от 700 до 1200 документов. В АКАК опубликованы ценные источники на русском, арабском, армянском, грузинском и других языках. Основное содержание АКАК представляют документы периода 1762–1862 гг., которые имеют особую ценность для данного исследования. Издание АКАК преследовало цель обоснования колониальной им-

⁵⁹ Сборник постановлений Великого княжества Финляндского. 1890. № 15, 19 и др.

⁶⁰ Сеймовый устав Великого княжества Финляндского. СПб., 1907.

перской политики в крае. Это нашло свое отражение в характере подбора документов. Большая часть их посвящена Кавказской войне, чрезвычайно мало материала по социальным отношениям и истории экономики. Специфической особенностью издания является систематизация документов по времени правления каждого наместника (каждый том содержит документы по отдельному правлению). Например, «Кавказ и Закавказье за время управления...» генерала от кавалерии А. П. Торماسова (том 4), генерал-адъютанта, генерала от инфантерии Е. А. Головина, 1837–1842 (том 9); генерал-адъютанта, генерала от инфантерии Н. Н. Муравьева «...за время правления князя А. И. Барятинского, 1856–1862» (том 12) и т. д. Каждый том начинается с небольшого комментария к управлению наместника.

Среди источников – материалы делопроизводства (прошения, донесения, всеподданнейшие отчеты, рапорты), высочайшие указы (дублирующие материал ПСЗ)⁶¹.

Из «территориальных» нормативных актов самодержавия выделяются законы об образовании, а позже и об упразднении особых комитетов по управлению северо-западными регионами и Кавказом – Комитета по делам Царства Польского, Комитета Западных губерний и Кавказского комитета. Для авторов монографии эти материалы оказались полезны прежде всего как свидетельство существования в правительстве определенных схем по инкорпорации окраинных территорий в состав «исторического ядра государства», имевшей, в конечном итоге, цель создания административной идентичности государства. В то же время представляется, что эти же нормативные акты являются убедительным свидетельством признания правительством регионального своеобразия территорий, что придавало известную противоречивость имперскому законодательству. Сопоставление подобных документов с аналогичными материалами Азиатской России – несомненное тому доказательство. Но в целом в «Полном собрании зако-

⁶¹ Акты, собранные кавказской археографической комиссией : в 12 т. / под ред. д. с. с. Берже. Тифлис : Тип. гл. упр. наместника Кавказского. 1866–1904.

нов» и «Сводах законов» империи немного материалов по управлению этими регионами.

Гораздо подробнее представлены материалы по Азиатской России, что объясняется активизацией политики империи в Азиатско-Тихоокеанском регионе и возрастанием значения Сибири в решении стратегических экономических и социально-политических задач государственной политики во второй половине XIX и начале XX в. В области административной обращают на себя внимание законы об образовании, а затем и закрытии особых комитетов по управлению краем – первого⁶², второго⁶³ Сибирского комитета, Комитета Сибирской железной дороги⁶⁴, а также об изменении схемы административного устройства региона⁶⁵. Эти документы определяли задачи, стоящие перед новыми центральными органами, объем их компетенции, механизм обсуждения дел и персональный состав. Законодательные акты, разработанные особыми органами и изученные авторами, позволяют определить основные направления их деятельности, соотнести фактические занятия данных органов с формальными задачами, поставленными перед ними. Наконец, распоряжения, прекращавшие работу означенных учреждений, в известной степени отражают официальную точку зрения на результаты работы особых органов управления Сибирью. Стоит обратить внимание и на то обстоятельство, что распоряжения о роспуске обычно предусматривали передачу дел упраздняемого органа какому-либо из действующих ведомств. Статус «правопреемника» служит косвенным показателем значимости ликвидируемого учреждения. Необходимо отметить еще одну особенность этих законодательных актов – они были приняты на протяжении весьма значительного хронологического отрезка времени – почти в 80 лет и в известной степени отражают эволюцию правительственного взгляда на задачи организации управления краем.

⁶² ПСЗ-I. Т. 37, № 287064; ПСЗ-II. Т. 13, № 19867.

⁶³ ПСЗ-II. Т. 27, № 26178; Т. 39, № 41631.

⁶⁴ ПСЗ-III. Т. 12, № 9140; Т. 25, № 27044.

⁶⁵ Там же. Т. 2, № 886; Т. 4, № 2524; Т. 7, № 4517.

О стремлении самодержавия выработать единую унифицированную модель управления окраинами в эпоху контрреформ и отказаться от всякой «региональной» специфики свидетельствуют законы, принятые в конце XIX в. Среди таковых прежде всего следует отметить закон от 8 июня 1898 г., известный под названием «Временное положение о крестьянских начальниках», действие которого распространялось на губернии Тобольскую, Томскую, Енисейскую, Иркутскую, а с 1901 г. и на область Забайкальскую⁶⁶. В своей основе этот закон имел известное положение от 12 июня 1889 г., вводившее на территории Европейской России институт земских начальников⁶⁷. Таким образом, уже изначально идеология нового регионального закона была пронизана стремлением имперской власти поставить под жесткий контроль жизнь всего сельского населения края. На практике принцип обеспечения единства государства посредством сильной региональной политики трансформировался и приобретал новые черты – достижения этого же единства, но уже принципиально иными средствами – путем создания унифицированной модели управления в центре и на местах.

Явные имперские мотивы прослеживаются в серии законодательных актов, относящихся к землеустройству и налогообложению крестьян и аборигенов Сибири⁶⁸, в стремлении правительства насадить в крае частное помещичье землевладение⁶⁹. Законы о переселении начала XX в., вошедшие в литературу под названием столыпинской аграрной реформы и породившие массовые крестьянские миграции на восток⁷⁰, несмотря на свое несомненное, с точки зрения авторов монографии, буржуазное содержание, в политическом плане преследовали цель создания «империи русских», усиления единства огромного многонационального государства.

⁶⁶ ПСЗ-III. Т. 18, № 15503.

⁶⁷ Об этом см.: Зайончковский П. А. Российское самодержавие в конце XIX столетия (политическая реакция 80–90-х гг.). М., 1970. С. 401–411.

⁶⁸ Там же. Т. 16, № 12998; Т. 18. Отд. 1. № 15539.

⁶⁹ Там же. Т. 21. Отд. 1. № 20338.

⁷⁰ См.: Тюкавкин В. Г. Великорусское крестьянство и столыпинская аграрная реформа. М., 2001. 304 с.

В числе нормативных материалов, характеризующих важнейшие политические институты империи изучаемого периода и имеющих самое непосредственное отношение к анализируемой проблеме, следует отметить «Общий наказ губернаторам» 1837 г. и «Общую инструкцию генерал-губернаторам» 1853 г.⁷¹ Эти документы не только надолго определили структуру местных органов управления, но прежде всего круг их должностных полномочий и обязанностей. Сопоставление «Наказа» и «Инструкции» позволяет более отчетливо представить разницу между существующими на окраинах уровнями управления, политическим характером власти генерал-губернатора и хозяйственными заботами гражданских губернаторов.

Таковы основные нормативные материалы, привлекаемые при написании монографии. Обращаясь к «Полному собранию законов Российской империи», авторы настоящей работы имели в виду не эпизодическое, а систематическое использование всей иерархии законодательных материалов этого принципиально важного источника, который, к сожалению, недостаточно учитывался предшествующими исследователями вопроса.

В то же время важно понимать, что сами по себе нормативные акты не позволяют выявить причины их происхождения, особенности разработки и принятия, вследствие чего необходимо дополнение этого источника другими, в частности делопроизводственными материалами. Источникам этого типа принадлежит ведущее место в решении задач, стоящих перед авторами. Их можно подразделить на документы высших и центральных правительственных учреждений, сибирской губернской и уездной (окружной) администрации и исходящие от отдельных лиц. Делопроизводственные источники правительственных учреждений и исходящие от официальных лиц имеют особенный интерес. Абсолютное большинство их не предполагалось для публикации, поэтому обсуждение как текущих, так и прогнозируемых мероприятий в различных

⁷¹ ПСЗ-II. Т. 28, № 27293.

комитетах, комиссиях, иных инстанциях носило весьма откровенный характер. Это обстоятельство позволяет не только понять психологию авторов документа, проследить борьбу различных точек зрения по обсуждаемым вопросам, но и выявить подчас завуалированные мотивы принятия того или иного решения. Анализ делопроизводственных документов неопровержимо свидетельствует о том, что в правительственных кругах не было единого мнения по вопросам развития региональной политики. Этническое, конфессиональное и культурное многообразие империи порождало споры и дискуссии вокруг проблем концентрации и децентрации власти в центре и на местах, соотношения централизованных и децентрализованных тенденций в политике, а в более широком плане – взаимоотношений «центра и периферии». Отмеченными особенностями определяется значимость делопроизводственных источников для изучения рассматриваемых в настоящем исследовании вопросов. Отметим также, что по своему происхождению делопроизводственные источники принадлежат как к опубликованным, так и неопубликованным, т. е. архивным. Всего при написании монографии были использованы источники около 70 фондов центральных и местных архивных хранилищ и 5 фондов рукописных отделов российских библиотек.

Среди делопроизводственных источников, характеризующих состояние Сибири в первой четверти XIX в., т. е. накануне начала сибирских реформ 1822 г., выделим «Отчет тайного советника Сперанского в обозрении Сибири», напечатанный С. Прутченко. Им же опубликованы некоторые журналы 1-го Сибирского комитета, представляющие материалы официально-делопроизводства и содержащие важные подробности о проведении реформ 1822 г.⁷²

К отмеченному источнику по содержанию примыкают отчеты и обозрения губернаторов и генерал-губернаторов по

⁷² Прутченко С. М. Сибирские окраины. Областные установления, связанные с Сибирским Учреждением 1822 года, в строе управления русского государства. Историко-юридические очерки. В 2 т. Т. 2. Приложения. СПб., 1899. 532 с.

управлению краем, их «мнения» и «записки». Как отмечал Б. Г. Литвак, к началу XIX в. отчеты «главных начальников края» были в значительной степени формализованы и содержали стандартный набор сведений о народонаселении, сборе налогов, податей и др.⁷³ Хотя традиционно губернаторские отчеты рассматриваются преимущественно как источник по социально-экономической истории, тем не менее в современном сибиреведении имеются удачные примеры использования такого рода документов и как источника изучения истории местного управления и чиновничества⁷⁴. Авторы монографии интересовали в первую очередь сведения о состоянии хозяйства инородцев, их численности, размерах податных сборов и способах их уплаты, составе администрации, материалы об управлении краем, планируемых и осуществленных нововведениях и т. д. Наличие одних и тех же формальных граф в губернаторских отчетах делает их хорошо сопоставимыми, позволяет проследить развитие тех или иных тенденций в налоговой политике правительства. Обращаясь к этому источнику, авторы имели в виду не выборочное, а систематическое его использование, чему в немалой степени способствовала хорошая сохранность губернаторских отчетов за весь исследуемый период.

Попытки пересмотра системы сибирского управления во второй четверти XIX в. зафиксированы в проектах преемников Сперанского на посту генерал-губернатора. Таковыми являются записка в адрес «верховного правительства» А. С. Лавинского «О разных неудобствах, встречаемых тайным советником Лавинским по управлению Восточной Сибирью» от 2 сентября 1833 г.⁷⁵, поднимающая вопрос об очередном расширении компетенции главного начальника края, и проект С. Б. Броневского об административно-территориальном пе-

⁷³ Литвак Б. Г. Очерки источниковедения массовой документации XIX – начала XX в. М., 1979. 294 с.

⁷⁴ См, например: Матханова Н. П. Высшая администрация Восточной Сибири в середине XIX в. / отв. ред. Н. Н. Покровский. Новосибирск, 2002. 250 с.

⁷⁵ ГАРФ. Ф. 109 (III Отделение). 1 эксп. Оп. 8. 1833. Д. 253.

реустройстве региона⁷⁶. Предложения о коренной реорганизации системы сибирского управления, созданного в соответствии с реформой 1822 г., содержались в записке генерал-майора И. А. Мусина-Пушкина («О состоянии Сибири за 1835 г.»)⁷⁷, который в 1835 г. был направлен в край в качестве ревизора от военного ведомства, а также в записке 1840 г. «О настоящем местном управлении Сибири», автором которой был начальник Сибирского жандармского округа Н. Я. Фалькенберг⁷⁸. Названные делопроизводственные источники по существу отражают попытки сибирского чиновничества по корректировке основных положений «Учреждения» М. М. Сперанского. В этом смысле они перекликаются с материалами жандармских, сенаторских и иных ревизий, поскольку дают достаточно объективную оценку хода проведения реформ 1822 г. в жизнь и тех подходов, которые обнаружились в 30–40-х гг. XIX в. у ряда высокопоставленных чиновников к проблеме реорганизации системы управления восточными окраинами России; взаимоотношений и полномочий периферийного чиновничества с их коллегами из центральных ведомств и т. д.

Между тем все административные новшества, введенные в сибирское управление М. М. Сперанским, впервые подверглись детальному анализу лишь на рубеже 2-й и 3-й четверти XIX в. в ходе ревизии Западной Сибири генерал-адъютанта Н. Н. Анненкова (1849–1851). В территориальном отношении ревизия Н. Н. Анненкова касалась Западной Сибири, однако высказанные им предложения имели далеко идущие последствия для всего Сибирского региона⁷⁹, что делает, безусловно, необходимым использование названного комплекса источников. К тому же продекларированный авторами принцип компаративизма

⁷⁶ РГИА. Ф. 797. Оп. 8. Д. 23763.

⁷⁷ РГИА. Ф. 1589. Оп. 1. Д. 71

⁷⁸ РГИА. Ф. 1261. Оп. 1. Д. 17.

⁷⁹ Материалы ревизии Западной Сибири Н. Н. Анненковым частично опубликованы С. М. Прутченко, но в большинстве своем отложились в архивных фондах. См.: Прутченко С. М. Сибирские окраины ... С. 349–532; РГИА. Ф. 1265. Оп. 1. Д. 1, 2, 8, 10 и др.; ГАРФ. Ф. 109. I экспедиция.

политики самодержавия на различных окраинах империи предполагает изучение и использование данного документа.

Комплекс источников по этой ревизии в значительной мере знаком ученым, авторы же используют только те из материалов, которые не получили широкой известности и позволяют более отчетливо представить борьбу в правительственном лагере по вопросам региональной политики⁸⁰. Ценным дополнением к указанным документам являются делопроизводственные источники, содержащие выписки из журналов Сибирского комитета и отражающие мероприятия правительства по устранению выявленных в ходе ревизии недостатков в управлении региона⁸¹. Исследование проблем окраинной политики на востоке России неразрывно связано с именем Н. Н. Муравьева (впоследствии графа Амурского), чья деятельность в регионе в качестве генерал-губернатора принесла ему заслуженную славу и уважение со стороны современников и потомков. Личность этого человека всегда привлекала к себе внимание исследователей, главным образом благодаря его внешнеполитической деятельности. Однако документы, отражающие его мероприятия по административному устройству восточной окраины, использовались и изучались достаточно фрагментарно. Вопреки расхожему мнению об исчерпывающем характере книги И. П. Барсукова укажем, что данный исследователь опубликовал только часть материалов эпохи Н. Н. Муравьева. Совсем недавно А. В. Ремнев ввел в научный оборот комплекс источников, касающийся дальневосточной политики России⁸². Тем не менее немало документов, касающихся региональной политики Н. Н. Муравьева, еще ждут своего исследователя. Характерно, что источники, раскрывающие проблему окраинной политики правительства на востоке страны в муравьевский период, представлены главным образом архивными материалами. В первую очередь это, безусловно, всеподданнейшие доклады и донесения генерал-

⁸⁰ ГАИО. Ф. 24. Оп. 10. К. 1652. Д. 22.

⁸¹ Там же. Д. 28; РГИА. Ф. 1265.

⁸² Ремнев А. В. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX – начала XX в. Омск, 2004. 542 с.

губернатора, в которых отражены состояние и недостатки сибирского управления в тот период и планы Муравьева по совершенствованию и модернизации системы устройства и управления Восточной Сибири: о введении новых штатов для гражданского управления, положения об управлении Амурской области и штаты этого управления, о введении упрощенного управления в Иркутской и Енисейской губерниях, о новом разделении Сибири. Содержащие мнения высших сановников империи по предполагаемым преобразованиям, эти документы позволяют не только проследить историю создания того или иного нормативного акта, касающегося управления (от его разработки до принятия), но и в гораздо полной мере понять правительственный взгляд на проблемы региональной политики, более отчетливо представить борьбу чиновников различных ведомств и рангов по спорным вопросам и др.⁸³

Несомненно, важное значение для характеристики правительственной политики в Азиатской России имеют делопродуцированные материалы особых комитетов, образованных специально для обсуждения и решения проблем зауральских территорий. Прежде всего это документы 1-го и 2-го Сибирских комитетов, находящиеся в фондах Российского государственного исторического архива и Государственного архива Российской Федерации. Документы этой группы весьма многочисленны. В их число входят отчеты о деятельности Сибирских комитетов императору, журналы заседаний и отдельные дела. Отчеты позволяют получить общее представление о количестве решенных и нерешенных за обозреваемый период дел, дают краткую информацию о сути обсуждаемых вопросов и принятых по ним решениях или причинах, помешавших разрешить дело окончательно. Иными с точки зрения информационной насыщенности, гораздо более значимыми для нашей темы являются документы этих же архивных фондов, но содержащие журналы комитетов. В журналах мы находим не только формальное описание заседаний комитетов, но прежде

⁸³ ГАИО. Ф. 162. Оп. 1. Д. 81; Ф. 24. Оп. 9. К. 1734. Д. 1. Д. 16; Оп. 1. К. 1143. Д. 5; К. 1144. Д. 12 и др.

всего всевозможные «соображения», высказанные в процессе обсуждения вопросов представителями различных министерств и ведомств, а также мотивированные итоговые решения.

Отдельные дела Сибирских комитетов неоднородны по содержанию. Часть содержащихся в них материалов касается различных сторон жизни сибирских губерний, другая – непосредственно связана с самими комитетами (высочайшие распоряжения, определявшие структуру комитетов, их задачи, состав и т. п.). Дела рассматриваемой группы нередко дублируют друг друга, например в частях, содержащих принятые решения, законопроекты и т. п. Такая особенность требует внимательного отношения к источнику. Различные варианты одних и тех же документов совпадают далеко не всегда, и в этом случае необходимо точно устанавливать, какой именно вариант является окончательным. Следует отметить, что некоторые журналы 1-го Сибирского комитета, представляющие материалы официального делопроизводства и содержащие важные подробности о проведении реформ 1822 г., были опубликованы в уже упоминавшемся издании С. Прутченко.

К этой же группе документов можно причислить и материалы Комитета Сибирской железной дороги, хранящиеся в фондах Российской национальной библиотеки. В частности, речь идет об отчетах о деятельности комитета, изданных в виде отдельных томов. Данные отчеты по объему несколько превосходят аналогичные отчеты 1-го и 2-го Сибирских комитетов, однако строятся по сходному принципу и содержат перечень дел, рассмотренных за отчетный период, с указанием их сути. Отчеты Комитета Сибирской железной дороги дополнительно сопровождаются большим количеством справочной информации о денежных суммах, ассигнуемых на строительство Транссиба, статистическими данными по различным участкам дороги и т. п. Еще больше информации содержат «Материалы Комитета Сибирской железной дороги», представляющие собой сборники документов, состоящих из дел по принципиальным вопросам сооружения дороги, документов, содержащих мнения министров и главноуправляющих по этим вопросам, разного рода докладных записок, материалов

Подготовительной комиссии при Комитете Сибирской железной дороги и финансовых документов. Все названные документы дают представление о полномочиях Комитета Сибирской железной дороги, его составе, механизме делопроизводства и т. п.

Весьма значимыми для решения основных задач исследования являются документы второй ясачной комиссии 1827–1835 гг. Наиболее ценные из них – «Отчеты комиссии о составлении дел инородцев окладных ясачных книг». Они составлялись членами комиссии после окончания работ в каждом отдельном округе и за подписью председателя отправлялись в Главные управления Восточной и Западной Сибири. На основании этих материалов формировались сводные губернские отчеты.

Отчеты содержат сведения о численности коренного населения, его составе и расселении по отдельным родам и улусам, материалы об источниках доходов и роде занятий нерусского населения, о хлебопашестве, скотоводстве, промыслах и торговле. Имеющиеся в отчетах сведения раскрывают картину раскладки сборов внутри «инородческого общества». Однако с точки зрения методики и техники составления отчеты оставляют желать лучшего. Нередко группы фактов суммировались без всякого разбора, и поэтому получить из них необходимые сведения очень сложно, а иногда практически невозможно. В одних и тех же отчетах встречаются разночтения. Отдельные стороны жизни коренного населения, в частности социальные отношения, не получили в них отражения.

Дополнением вышеуказанных материалов являются отчеты генерал-губернаторов по управлению краем, которые содержат важные подробности о действиях комиссий, дают характеристики ее членам. К губернским отчетам примыкает деловая переписка членов комиссий, их рапорты, донесения и т. д. Эти документы дают возможность ближе познакомиться с исполнителями «воли монаршей», узнать их отношение к порученному делу, проверить добросовестность и компетентность. Важным источником для характеристики ясачной политики царизма являются окладные книги. Они составлялись отдельно по каждому роду, улусу, отделению. Окладные книги со-

держат подробные сведения о величине ясака, о соотношении его натуральной и денежной форм, о способах уплаты ясачной подати. В окладных книгах имеются оригиналы и копии общественных приговоров на утверждение сумм ясачной подати.

Значительную ценность для характеристики ясачной политики самодержавия представляют различные правительственные акты, отложившиеся в материалах ясачной комиссии. Небольшая по объему, но разнообразная по содержанию, эта группа документов состоит из постановлений Сибирского комитета по делам ясачной комиссии, рапортов, циркуляров и донесений министров императорского двора и финансов.

Материалы второй ясачной комиссии известны советским исследователям и уже использовались в указанных выше работах Е. М. Залкинда и Н. А. Миненко. Однако в научный оборот введена лишь незначительная часть сведений, собранных членами комиссий. Целые группы фактов, заслуживающих внимания, остались неизученными. Обращаясь к делам и материалам второй ясачной комиссии, мы использовали этот источник не выборочно, а систематически.

Для истории народов Сибири первой половины XIX в. значительную ценность имеют материалы и документы ревизии государственных имуществ 1840–1841 гг. Из них наиболее важны «Обозрения округов и губерний». К сожалению, приложенные к ним статистические ведомости и таблицы сохранились только частично. В материалах ревизии отложились сведения о численности коренного населения, разделении его на оседлых, кочевых и бродячих, роде занятий аборигенов, доходах, способах уплаты ясака, его раскладки и взысканий. «Инструкция чиновнику, командированному от 5 отделения С. Е. И. В. Канцелярии для обревизования государственных имуществ» Сибири предписывала ревизорам сопоставить со «средствами существования» аборигенов, выявить «количество недоимок, способы их взыскания», особое внимание предписывалось уделить «правильному и необременительному» сбору ясака. Следует признать, что часть материалов ревизии уже введена в научный оборот, однако возможности их далеко не исчерпаны.

Важным источником для характеристики ясачной политики царизма 40–50-х гг. XIX в. являются дела и материалы сенаторской ревизии И. Н. Толстого. Эта обширная группа документов содержит постановления, предложения Кабинета, правительственных чиновников по вопросам управления абorigенами края, предложения «Об улучшении ясачного сбора», деловую переписку членов ревизии и другие документы.

К числу наиболее интересных дел, характеризующих ясачную политику самодержавия в пореформенный период, относится группа дел фонда императорского Кабинета, объединенная под общим названием «Об улучшении ясачного сбора и о назначении в Восточную Сибирь чиновника от Кабинета для наблюдения и составления нового положения о ясаке». В хронологическом отношении они охватывают 40-летний отрезок времени примерно с 1850 по 1890 г. Эти документы содержат сведения о разработанных центральной и местной администрацией проектах преобразования ясачного обложения в Сибири, материалы, иллюстрирующие состояние ясачного сбора в Сибири в 80–90-е гг. XIX в. В этой группе дел находим материалы о попытках замены ясачного сбора другими видами податного обложения, переложении ясака на землю и др.

Использованные в монографии материалы архивных фондов, особенно сведения статистического характера, не всегда точны и требуют к себе критического отношения. Ревизоры государственных имуществ отмечали, что «инородцы» имеют обыкновение скрывать свое достояние при официальных «спросах». Поэтому приводимые статистические данные следует рассматривать как приблизительные, отражающие общие тенденции. В то же время некоторые группы документов по своему происхождению и характеру не вызывают сомнений. К ним относятся общественные приговоры, окладные книги и некоторые другие.

Характеристику как отдельных звеньев в организации управления окраинами империи, так и принципиальных правительственных подходов в решении этого вопроса в конце XIX в. находим в ряде официальных изданий правительствен-

ных учреждений⁸⁴. В большинстве своем эти документы вышли из различных эшелонов царской бюрократии – центральной, губернской, уездной. Тем не менее в документах всех уровней прослеживается отчетливое стремление по усилению административного присутствия империи за Уралом, ликвидации региональных особенностей в управлении, консолидации административно-правового пространства империи. Среди делопроизводственных исторических источников, характеризующих принципиальные подходы самодержавия к региональной политике, следует выделить группу документов личного происхождения, отложившихся в коллекции печатных записок библиотеки РГИА. Как правило, это подлинники, не встречающиеся в других архивных фондах и вышедшие из-под пера высших сановников государства – министров, главноуправляющих, председателей и секретарей комитетов и комиссий, деятелей церкви. В силу отмеченного обстоятельства материалы фонда несут на себе сильный отпечаток личного происхождения. Но именно это субъективное мнение авторов документа дает нам богатую информацию о планах, намерениях и проектах деятелей государства и церкви в отношении Сибири. Поскольку значительная часть материалов коллекции не предполагалась к публикации и имеет личную подпись, то в данном случае не стоит и традиционный вопрос об авторстве документа. В хронологическом отношении большая часть материалов коллекции, используемых авторами, охватывает период второй половины XIX – начала XX в. Для характеристики принципиальных изменений в правительственном подходе к

⁸⁴ Обзор деятельности Государственного совета в царствование императора Александра III, 1881–1894. Всеподданнейший отчет Председателя государственного совета. СПб., 1895; Европейская и Азиатская Россия со включением губерний Прибалтийских и царства Польского, Кавказа, Сибири и Средней Азии. Губернии и области с их уездами и округами. СПб., 1888; Указатель изменений в распределении административных единиц в границах империи с 1860 по 1887 г. СПб., 1887; Исторические данные об образовании губерний, областей, градоначальств и других частей внутреннего управления империей, с указанием высших чинов этого управления в хронологическом порядке. СПб., 1902; Министерство внутренних дел. Департамент полиции исполнительный. 19 янв. 1875 г. б. м., б. г.; Отчет по земскому отделу. Краткий обзор его современной деятельности. 1861–1911. СПб., 1911; Материалы по учреждению государственной думы 1905 г. б. м., б. г.

организации управления в Сибири в начале 80–90-х гг. XIX в. особую ценность имеют программа деятельности иркутского генерал-губернатора А. П. Игнатьева, рассчитанная «примерно» на 10 лет⁸⁵. Именно тогда была высказана мысль о необходимости распространения на Сибирь положения о земских начальниках Европейской России, воплотившаяся позже в виде уже упоминавшегося закона 1898 г.

Несомненную ценность для понимания механизмов реализации проекта по созданию «большой русской нации» представляют документы о взаимоотношении духовных и светских властей региона. Это протоколы миссионерских съездов, подробно, в лицах рисующие весь ход заседаний без каких-либо изъятий. Указанные документы не только передают саму атмосферу съездов, но и в деталях характеризуют позицию высших духовных и светских властей по обсуждаемым вопросам. К этой же группе документов примыкают отчеты, систематически посылаемые в Синод главами епархий. Материалы Государственного совета, министерств внутренних дел, земледелия, финансов, других центральных ведомств, отложившиеся в коллекции, на примере сибирских епархий раскрывают процесс выработки механизма по созданию национальной империи, «империи русских»⁸⁶ и позволяют говорить о том, что к началу XX в. окончательно сформировалась новая концепция управления регионом.

К делопроизводственным источникам личного происхождения, но, в отличие от большинства материалов этого типа, уже опубликованным, относится «Мнение министра внутренних дел по делам сибирским» О. П. Козодавлева и «Всепопданнейший отчет статс-секретаря Куломзина о поездке в Сибирь».

Первый из названных документов содержит характеристику положения дел в Сибири накануне реформ М. М. Сперанского, данную министром, а также его соображения о целесообразности создания в Петербурге особой ин-

⁸⁵ Б-ка РГИА. Печ. зап. № 131.

⁸⁶ Б-ка РГИА. Печ. зап. № 2325, 2712, 3203 и др.

станции для разрешения накопившихся за Уралом проблем⁸⁷. Одним из своих непосредственных результатов это «Мнение» высокопоставленного чиновника имело учреждение 1-го Сибирского комитета.

Спустя почти 90 лет после публикации «Мнения» Козодавлева на свет появился другой документ – «Всепопданнейший отчет статс-секретаря Куломзина о поездке в Сибирь». Хронологический разрыв в появлении этих документов, вышедших из-под пера сановников, составляющих бюрократическую элиту империи, дает нам возможность сопоставить принципы правительственного подхода к решению региональных, в частности сибирских, проблем как в начале XIX, так и в XX столетии. Отчет содержит большое количество информации об одной из важных сторон деятельности Комитета Сибирской железной дороги – переселенческом деле, чему правительство придавало принципиальное значение⁸⁸. Автор довольно подробно анализирует достоинства и недостатки организации переселения в Сибирь, оценивает положение переселенцев и приводит решения Комитета, касающиеся переселения. К этому следует добавить, что в нашем распоряжении имеются тексты выступлений Куломзина на заседаниях Комитета Сибирской железной дороги, во время которых Куломзин конечной целью правительственной программы в отношении Сибири недвусмысленно провозглашал «благо Сибири, имеющей в будущем развиться в тесном единении с Европейской Россией на общую пользу Русского государства»⁸⁹. Изучая данный отчет, равно как и иные документы, составленные Куломзиным, следует помнить о том, что многие выводы и рекомендации этого, несомненно, крупного чиновника и незаурядного человека не просто рассматривались на заседаниях Комитета Сибирской железной дороги и в других правительственных инстанциях, но и имели непосредственное влияние как на ор-

⁸⁷ Мнение министра внутренних дел Козодавлева по делам Сибирским (1818 г. 24 октября) // Чтения в императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1859. С. 59–64.

⁸⁸ Куломзин А. Н. Всепопданнейший отчет статс-секретаря Куломзина по поездке в Сибирь для ознакомления с положением переселенческого дела. СПб., 1896, 250 с.

⁸⁹ РГИА. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 357. Л. 6–7.

ганизацию переселений, так и на разработку и реализацию стратегических направлений политики империи за Уралом.

Изучение проблемы взаимоотношений имперского центра и сибирской периферии невозможно без четкого представления о месте Сибири в системе экономических связей государства. Взгляд на окраинную политику империи сквозь призму экономических процессов в конкретном регионе позволит более отчетливо представить суть проводимой имперским центром региональной политики, а в конечном итоге понять, насколько эта политика отражала культурное, конфессиональное и этническое своеобразие региона. В свою очередь хозяйственная и социокультурная инкорпорация региона в Россию была невозможна без широкого вовлечения в эти процессы громадных масс сибирского населения, являвшихся непосредственными хранителями и носителями трудовых традиций, умений и навыков, без которых немислимо было хозяйственное освоение региона. Все это повлекло необходимость изучения демографических и экономических процессов, протекавших в регионе на протяжении всего изучаемого периода.

Сведения о демографии и сословном составе населения содержатся в статистических ежегодниках России, материалах ревизий, статистических таблицах империи и т. д.⁹⁰ Вопросы хозяйственного быта нашли отражение в материалах обследования сельского, в том числе инородческого населения Сибири, проводившегося в 80-х гг. XIX в. на территории всех губерний региона в связи с подготовкой землеустройства. Эти многочисленные опубликованные материалы содержат богатые статистические данные, а также первичный материал, характеризующий основные виды хозяйственных занятий сельского населения обширного региона. До нашего времени сохранились материалы обследования губерний Западной⁹¹, Восточ-

⁹⁰ Стат. ежегодник России 1913 г. СПб., 1914; Стат. ежегодник России 1914. Пг., 1915; Девятая ревизия. Исследование о числе жителей России Перта Кеппена. СПб., 1957; Стат. табл. Рос. империи. Вып. 2. Наличное население империи на 1858 г. СПб., 1863; Первая всеобщая перепись населения Российской империи. Т. 73. Енисейская губ. Т. 78; Тобольская губ. СПб., 1905; Т. 79. Томская губ. СПб., 1904.

⁹¹ Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян и инородцев Западной Сибири. СПб., 1890. 605 с.

ной Сибири⁹² и Забайкалья⁹³. Представляется, что иного источника, обладающего столь высокой степенью информативной насыщенности, просто не существует. Материалы указанного обследования известны исследователям проблем социально-экономической истории Сибири. Задача нашего исследования предопределила несколько иную методику использования данного источника, который рассматривается прежде всего как носитель обобщающих количественных характеристик, отражающих общие тенденции в развитии сельскохозяйственного производства региона. Отмеченный источник дополнялся материалами Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 г., в которых находим немало данных, характеризующих развитие сельскохозяйственного производства в Сибири уже в начале XX в. Хотя приводимые в сельскохозяйственных переписях статистические материалы не всегда точны, тем не менее они активно используются исследователями при условии критического осмысления статистического материала. На необходимость именно такой методики работы с материалами переписей указывали предшествующие исследователи вопроса⁹⁴.

Несомненно, важное значение для характеристики правительственной политики в отношении восточной окраины империи имеют источники личного происхождения – воспоминания, дневники, эпистолярное наследие. Прежде всего отметим воспоминания местных жителей – современников описываемых событий: сибиряков, политических ссыльных различных эпох и направлений, местной интеллигенции, государственных служащих, иных лиц. В монографии сравнительно полно представлены воспоминания второй четверти XIX в. благодаря рассказам иркутян (купцов, чиновников и почетных

⁹² Материалы по обследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний. Енисейская губерния. Иркутск, 1896; Иркутская губерния. Иркутск, 1892.

⁹³ Высочайше утвержденная под председательством статс-секретаря комиссия для исследования земледелия и землепользования в Забайкальской области : материалы. СПб., 1898. Вып. 9.

⁹⁴ Кабузан В. М., Троицкий С. М. Численность и состав населения Сибири в первой половине XIX в. // Русское население Сибири и Поморья. М., 1973. С. 216–277; Пронин В. И. Население Сибири за 50 лет (1863–1915). История СССР. № 4. С. 50–59.

граждан), опубликованных В. Вагиным⁹⁵, мемуарам Н. Белоголового⁹⁶, А. Падерина⁹⁷, И. Калашникова⁹⁸, В. Вагина (в рукописях и опубликованным⁹⁹), запискам декабристов¹⁰⁰. К этому же типу источников относится целый комплекс мемуаров о Н. Н. Муравьеве. Этот генерал-губернатор был наиболее популярной «мишенью» для мемуаристов. Данное обстоятельство представляется неслучайным: такая колоритная личность, как Н. Н. Муравьев, неизменно привлекала к себе внимание прежде всего благодаря активной амурской политике. Авторами воспоминаний о Муравьеве, как правило, являлись сослуживцы¹⁰¹ генерал-губернатора или люди, знакомые с ним лично¹⁰². Характерной чертой этих воспоминаний является оценка Муравьева как личности и администратора, без затрагивания осуществленных им преобразований в местном управлении. Однако среди воспоминаний первой половины XIX в. наибольшую ценность представляют мемуары Б. В. Струве и В. И. Вагина. Информативная значимость отмеченных мемуаров достаточно высока прежде всего благодаря хорошему профессиональному знакомству их авторов с Сибирью.

Для второй половины XIX столетия отметим значение воспоминаний И. И. Попова, редактора газеты «Восточное обозрение», который, по его собственным словам, «12 лет ...руководил сибирским общественным мнением, вел газету, которая являлась авторитетным и всеми признанным толко-

⁹⁵ Исторические сведения о деятельности графа М. М. Сперанского в Сибири с 1819 по 1822 год / собр. В. Вагиным. СПб., 1872. Т. 1. 801 с. Приложения.

⁹⁶ Белоголовый Н. Воспоминания сибиряка. Иркутск, 1988. С. 235–486.

⁹⁷ Падерин А. М. Записки сибиряка // Земля Иркутская, 1995. № 3. С. 63–67; № 4. С. 60–64.

⁹⁸ Калашников И. Записки иркутского жителя // Записки иркутских жителей. Иркутск, 1990. С. 255–397.

⁹⁹ ГАИО. Ф. 162. Оп. 1. Д. 81; Вагин В. Сороковые годы в Иркутске // Записки иркутских жителей. Иркутск, 1990. 544 с.

¹⁰⁰ Записки декабриста Н. В. Басаргина // Своей судьбой гордимся мы. Иркутск, 1973. С. 12–76.

¹⁰¹ Милютин Б. Л. Генерал-губернаторство Н. Н. Муравьева в Сибири // Истор. вестн. 1888. Т. 34. С. 317–364, 595–635; Струве Б. В. Воспоминания о Сибири // Рус. вестн. 1888. № 4–6.

¹⁰² Венюков М. И. Граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский // Рус. старина. 1882. № 2. С. 523–526; Заборинский И. А. Граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский в 1848–1856 гг. // Рус. старина. 1883. № 6. С. 623–658.

вателем сибирского направления...»¹⁰³. Воспоминания И. И. Попова, несомненно, важный источник изучения формирования взглядов сибирской интеллигенции на правительственную политику в регионе. Эти мемуарные повествования содержат большой хронологический перечень событий, свидетелем или участником которых был сам автор. Наряду с яркими характеристиками многих исторических личностей (например, генерал-губернаторов) данные воспоминания доносят до нас и определенный колорит эпохи, представление автора, принадлежащего близким к сибирскому областничеству социальным группам, о целях и задачах правительственной политики в Сибири, о месте региона в имперском пространстве России. В этом смысле к мемуарам И. И. Попова прилегают и воспоминания идеологов сибирского областничества Н. М. Ядринцева и Г. Н. Потанина, опубликованные в серии «Литературное наследство Сибири»¹⁰⁴. Для авторов они важны не только как бесценные свидетельства современников описываемых событий, но прежде всего как источник изучения противоположной официальной историографии точки зрения на проблему взаимоотношения центра и периферии, на место окраин в имперском пространстве России.

Однако для оценки правительственной политики на окраинах представляется целесообразным сопоставить свидетельства областников с высказываниями представителей официальной точки зрения на этот счет. В данном случае, безусловно, полезным является знакомство с неопубликованными воспоминаниями А. Н. Куломзина¹⁰⁵, который не только был одной из наиболее заметных фигур российской бюрократии конца XIX – начала XX в., но и в качестве управляющего делами, а затем и члена Комитета Сибирской железной дороги принимал непосредственное участие в решении «сибирских вопросов». Для нашей темы представляется важным та часть воспоминаний, в которой автор ведет речь об участии в разви-

¹⁰³ Попов И. И. Забытые иркутские страницы: Записки редактора. Иркутск, 1989. С. 7.

¹⁰⁴ См.: Литературное наследство Сибири. Новосибирск, 1983. Т. 6; 1986. Т. 7.

¹⁰⁵ РГИА. Ф. 1642.

тии переселенческого движения в Сибирь и о значении этого процесса с точки зрения инкорпорации Сибири в Россию. Эпистолярное наследие представлено письмами М. М. Сперанского к дочери Елизавете¹⁰⁶ и А. А. Столыпину¹⁰⁷, в которых отложились материалы, характеризующие состояние сибирского управления во времена предшественника Сперанского на посту сибирского генерал-губернатора И. Б. Пестеля и отражающие ход проводимой реформатором ревизии, а также перепиской великого князя Константина с Н. Н. Муравьевым по делам управления Восточной Сибирью¹⁰⁸. Определенный материал по теме нашего исследования содержится также в письмах декабриста В. Штейнгеля¹⁰⁹, М. Фонвизина¹¹⁰.

Эпистолярное наследие второй половины XIX столетия в нашем исследовании представлено уникальным пятитомником «Письма Г. Н. Потанина», составленным С. Ф. Ковалем, А. Г. Грум-Гржимайло, Я. Р. Кошелевым, Н. Н. Яновским и изданным в Иркутске, перепиской Г. Н. Потанина и М. Г. Васильевой¹¹¹. Эти издания проливают свет на интересы и поступки великого сибиряка на рубеже веков, дают представление об общественно-политической жизни Сибири этого периода. Контрастом отмеченным письмам является переписка С. Ю. Витте с К. П. Победоносцевым и Николая II с П. А. Столыпиным, в которой рефреном проходит мысль об административно-правовой централизации в управлении как наиболее эффективном способе укрепления связей окраин с историческим ядром империи¹¹². Таковы основные группы источников, использованных

¹⁰⁶ Письма графа М. М. Сперанского к его дочери // Русский архив. Изд. 2-е. М., 1869. Стб. 1103–1212.

¹⁰⁷ Письма графа М. М. Сперанского к А. А. Столыпину / Комментар. Д. Столыпина // Русский архив, 1869. – Вып. 10. Стб. 1682–1708; Вып. 11. – Стб. 1966–1984.

¹⁰⁸ РГИА. Ф. 727. Оп. 1. Д. 431.

¹⁰⁹ Штейнгель В. И. Сибирские сатрапы 1765–1819 // Дум высокое стремление. Иркутск, 1975. Т. 2. С. 16–40; Он же. К иркутскому летописцу пояснение. Записка о Сибири // В. И. Штейнгель Сочинения и письма. Иркутск, 1992. Т. 2. С. 184–202.

¹¹⁰ Фонвизин М. А. Сочинения и письма. Иркутск, 1982. Т. 2. 432 с.

¹¹¹ Потанин Г. Н., Васильева М. Г. «Мне хочется служить Вам, одеть Вас своей любовью»: переписка / публ. Н. В. Васенькин, Г. И. Колосова. Томск, 2004. 418 с.

¹¹² Переписка С. Ю. Витте и К. П. Победоносцева (1895–1905) // Красный архив. 1928. Т. 5(30). С. 108–114; Переписка Н. А. Романова и П. А. Столыпина // Красный архив. 1924.

при написании монографии. В сочетании со сведениями, введенными в научный оборот предшествующими исследователями, они дают надежную базу для изучения поставленных задач.

ГЛАВА 1

«Окраинный вопрос» в имперской политике России

1.1 ПОНЯТИЕ ОКРАИНЫ. ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ СХОДСТВА И РАЗЛИЧИЯ

В рассматриваемый период XVIII – начала XX в. Российская империя представляла собой континентальное многонациональное государство, раскинувшееся на двух материках – Европе и Азии. Включив в себя значительное экономическое, социальное и географическое многообразие, империя в течение длительного времени сумела обеспечить свою стабильность и развитие, равно как и безопасность населения. В значительной степени это стало возможным благодаря экономическому и военному потенциалам, которыми обладала Россия. Основываясь на своем культурном, духовном и этническом разнообразии, она создала особый мир, не принадлежащий ни к Европе, ни к Азии¹¹³.

Таким образом, постепенно Российская империя стала своеобразным союзом этносов, огромной естественно сложившейся общностью людей, в которой различные народы и культуры научились жить вместе¹¹⁴. В данном качестве Российская империя была особой евразийской цивилизацией. В этой связи весьма уместным представляется замечание о том,

¹¹³ Коржихина Т. П., Сенин А. С. История российской государственности. М., 1995. С. 28.

¹¹⁴ Национальное государство: теория, история, политическая практика // Полис. 1992. № 5/6. С. 31.

что в культурологическом смысле империя есть не что иное, как борьба цивилизации с варварскими смыслами внутри своей культуры и с варварскими окраинами¹¹⁵. В политологическом смысле дефиниция «империя» также не несет в себе никакого отрицательного смысла. Происходящая от латинского *imperium*, она означает власть государства. Характерными признаками империи являются высокая концентрация власти; распространение ее на обширную территорию; значительный этнический и культурно разнородный состав населения; мощный бюрократический аппарат¹¹⁶. Таким образом, Россия являлась классической империей.

Собственно политическая система России означенного периода в течение продолжительного времени представлялась отечественной историографией в упрощенном виде. Отсутствие историко-генетического подхода обусловило длительное существование представления о России как колониальной империи, состоящей из метрополии и колоний. При этом полностью игнорировалось существование протекторатов, административных и политических автономий. Достижения современной историографии, равно как изменение подходов к рассмотрению истории и исторического опыта в целом, поставили перед исследователями проблему определения типологии российской политико-административной системы на различных этапах ее исторического развития.

Образование единого централизованного государства и трансформация его в многонациональную систему имели в своей основе поливариативность моделей вхождения и дальнейшего существования соседних территорий и населяющих их народов в состав империи¹¹⁷. Важнейшим итогом этого исторического процесса стало образование унитарной по внешним признакам, но по существу поливариативной, многонациональной державы (империи).

¹¹⁵ Кантор В. Русская культура между империей и деспотией // От искусства оттепели к искусству периода распада империи : сб. ст. М., 2013. С. 103–145.

¹¹⁶ Политология. Словарь-справочник. М., 2000. С. 96.

¹¹⁷ Российские окраины в имперской стратегии ... Гл. 8. С. 30.

Сам же процесс формирования Российского государства как империи происходил в течение длительного периода времени. Корнями он уходит в XIII–XV вв. – к периоду объединения русских земель вокруг Киевского княжества и возникновения раннерусской государственности¹¹⁸.

Со времени образования Древнерусского государства и вплоть до конца XIX в. отмечается расширение территории России, сопровождающееся включением в ее состав новых окраинных земель, заселенных зачастую нерусскими народами. Этот процесс в конечном итоге представлял собой не что иное, как формирование империи.

В качестве рубежа (одного из этапов) этого процесса следует выделить период середины XV–XVI вв. – время, когда произошли резкие изменения политического порядка Евразии. В данном случае подразумевается падение империй Византии и Золотой Орды. Именно эта постимперская ситуация стала исходным пунктом для возникновения Российской империи¹¹⁹. Второй немаловажной составляющей рассматриваемой проблемы явилось взятие Казани в 1552 г. С Казанским ханством Московское государство впервые включило в свой состав вполне суверенное государство с неславянским и нехристианским населением. Именно опыт завоевания и включения Казанского ханства в Россию имел ключевое значение для имперской политики после 1552 г. Неслучайно, таким образом, взятие Казани некоторые исследователи считают отправной точкой расширения границ России¹²⁰.

Однако определяющим, в терминологическом смысле, этапом возникновения Российской империи явилось правление Петра Великого. Именно Петр построил империю¹²¹.

Для Петра, который в 1721 г. принял титул императора, завоевание новых земель представлялось естественной обя-

¹¹⁸ Геополитика в России. М., 2002. С. 19.

¹¹⁹ Каппелер А. Формирование Российской империи в XV – начале XVIII в.: Наследство Руси, Византии и Орды // Российская империя в сравнительной перспективе: сб. ст. М., 2004. С. 94–114.

¹²⁰ Лысенко Л. М. Генерал-губернаторы и губернаторы Российской империи XVIII–XIX вв. М., 2001. С. 138. Каппелер А. Формирование Российской империи ... С. 2, 7.

¹²¹ Кантор В. Русская культура между империей и деспотией ... С. 103–145.

занностью монарха, не нуждающейся, таким образом, в каких-либо оправданиях. Изменение статуса монарха и государства, им представляемого, наглядно демонстрируют титулы великого князя и императора соответственно: «Се яз Князь великий Василей Васильевич, Московский и Новгородский и Ростовский и Пермский и иных». Таков был титул Московского князя середины XV в. Официальный титул императора Петра Первого уже включал в себя перечисления многих земель, которые в тот период входили в состав России: «...Император и самодержец Всероссийский, Московский, Киевский, Владимирский, Новгородский. Царь Казанский, Царь Астраханский, Царь Сибирский, Государь Псковский и Великий Князь Смоленский, Князь Лифляндский, Корельский, Тверской, Югорский, Пермский, Вятский, Болгарский и иных. Государь и великий князь Новагорода Низовския земли, Черниговский, Рязанский, Ростовский, Ярославский, Белоозерский, Удорский, Обдорский, Кондийский и всея Северныя страны Повелитель и Государь Иверские земли, Карталинских и Грузинских царей и Кабардинския земли, Черкасских и Горских князей и иных наследный Государь и Обладатель»¹²².

Сравнение этих титулов демонстрирует, как за сравнительно короткий промежуток времени из Великого княжества Московского образовалась огромная империя, которая раскинулась на двух континентах – Европе и Азии, от берегов Балтийского моря до Тихого океана. В результате активной внешней политики к началу XIX в. Российская империя заняла одну шестую часть суши и подчинила себе целый ряд территорий и народов, стоявших значительно выше ее по уровню экономического и политического развития.

Таким образом, под окраинами Российской империи понимаются территории Восточной Европы, Кавказа, Сибири и Дальнего Востока, присоединенные к России с 1552 до 1905 г., не принадлежавшие к зоне формирования великорусского этноса на Восточно-Европейской равнине¹²³.

¹²² Акты, относящиеся к истории Западной России, собрание и издание Археографической Комиссии. СПб., 1846. Т. 1. С. 42; ПСЗ-I. Т. 6, № 3850.

¹²³ Лысенко Л. М. Указ. соч. С. 138.

Между тем изменение политической и административной карты выступало только внешним признаком динамического развития слагающегося государства. За переменами на административной карте России стоял процесс ее внутреннего строения. Создание империи, равно как и трансформация ее политической системы, происходили в параллели и одновременной связи с административно-территориальными преобразованиями как в центре, так и на окраинах. При этом следует учитывать то обстоятельство, что в силу вариативности геополитических характеристик окраинных территорий имперские процессы не могли протекать в них по единой, унифицированной схеме. В конечном итоге это обстоятельство обусловило столь длительное вполне устойчивое положение империи в целом. Именно мобильность, поливариантность управленческих моделей в различных регионах (окраинах) являлось мощным стабилизирующим фактором для Российской империи.

В течение всего рассматриваемого периода задача, стоявшая перед правительством, отнюдь не ограничивалась рамками административного устройства новых территорий. Параллельно с имперским административным строительством на окраинах шел процесс вербального присвоения новых территорий, осмысления их в привычных имперских терминах и образах¹²⁴.

Таким образом, к началу XIX столетия Российская империя представляла собой многонациональное государство. В политическом отношении она являлась конгломератом множества регионов, как внутренних, так и окраинных. При этом следует отметить то обстоятельство, что процесс включения регионов в имперское пространство имел неоднородную типологию. Традиционно территории присоединялись либо посредством военной силы (в результате военного конфликта), как было с Финляндией, либо путем добровольного вхождения в состав империи. Примером последнему служит манифест о добровольном вхождении Грузии в состав России¹²⁵.

¹²⁴ Ремнев А. В., Дамешек Л. М. Сибирь в составе Российской империи. М., 2007. § 2. С. 18.

¹²⁵ ПСЗ-1. Т. 30, № 22991; Т. 26, № 19721, 20009.

В конечном итоге в основе территориального расширения лежали прежде всего имперские военно-стратегические и экономические интересы. Однако задача правительства заключалась не только в территориальном увеличении государства, но и в первую очередь в интеграции новых земель в имперское политико-административное пространство. Процесс этот был сложен и длителен. Преобладающее влияние на него оказывало место и значение той или иной окраинной территории в имперском механизме (экономическом, политическом и пр.). Это обстоятельство обусловило появление в процессе освоения окраин элементов имперского регионализма¹²⁶.

Таким образом, при выработке основ окраинной политики по отношению к конкретной территории правительство прежде всего руководствовалось значением региона для государства, а в конечном итоге его статусом в составе империи. Понятие статуса отнюдь не являлось аморфным. Оно определялось целым рядом позиций, объективных и субъективных. Окраины различались по уровню социально-экономического и политического развития, а также по национальному составу.

Более высокий уровень развития, чем в России, отмечался в западных окраинах империи: Финляндии и Польше. Значительно ниже этот уровень был на Кавказе, в Сибири и на Дальнем Востоке.

По национальному составу также можно выделить несколько типов окраин: это те же Финляндия, Польша и Кавказ, где перевес имело нерусское население, а также азиатские окраины (прежде всего Сибирь), где титульная нация государства (русские) впоследствии стала преобладающей над коренным населением.

При определении статуса окраины в составе империи наибольшее значение придавалось таким показателям, как уровень социально-экономического и политического развития окраины, характер ее присоединения (добровольный или насильственный), а также стратегическое значение территории для империи. Именно эти характеристики являлись основ-

¹²⁶ См.: Дамешек И. Л. Сибирь в системе имперского регионализма ... С. 53–77.

ными для выработки направлений имперской окраинной политики по отношению к *каждому конкретному* региону (территории).

Еще одним немаловажным обстоятельством, влияющим на конкретное содержание окраинной политики, являлось сложное переплетение ведомственных и территориальных интересов, а также реальное соотношение сил так называемых централистов и регионалистов в центральном и местном аппарате управления. В определении основ окраинной политики самодержавие постоянно находилось перед выбором: ввести общегосударственную систему управления или предоставить территориям некоторую административную автономию. При этом в случае признания особого статуса любой из территорий империи правительство вынуждено было фиксировать его в законодательном порядке.

Логическим последствием подобной практики стало порождение ситуации, в результате которой мы можем говорить о разных степенях распространения на присоединенных территориях общеимперского законодательства: от сочетания общеимперского, местного и традиционного законодательства (с преобладанием последнего) до полного перехода на унифицированную систему общеимперского законодательства. Одним из следствий подобной ситуации был разный уровень проникновения на окраинах действия учреждений российской администрации. Оба этих признака являлись основными составляющими, определяющими особенности отношений центра и периферийных территорий, с одной стороны, и собственно специфику управления последними, с другой стороны. Несмотря на наличие такой специфики, вертикаль власти на всех окраинах Российской империи была единой. Основными ее элементами являлись:

- 1) органы высшей государственной власти в столице, в подчинении которых были все чиновничьи инстанции на окраинах. Высшая государственная власть инициировала и законодательно оформляла все крупные административные нововведения, однако прямого управления окраинами не осуществляла;

2) центральная территориальная администрация (XVIII в. – территориальные коллегии, XIX в. – территориальные комитеты – первый и второй Сибирский комитет, Польский, Финляндский и Кавказский комитеты);

3) региональная администрация окраины во главе с генерал-губернатором (наместником), осуществляющая непосредственное управление территорией.

Инкорпорация окраинных территорий в единое общеимперское политическое и хозяйственно-экономическое пространство являлась одной из приоритетных задач, стоявших перед российским правительством на протяжении всего рассматриваемого периода. Однако реализация этой цели была сопряжена с целым рядом объективных трудностей, вследствие чего процесс инкорпорации был достаточно длительным. Традиционно начальный этап его был связан прежде всего с властным освоением новой территории, в ходе которого определялись и выработывались формы административного управления каждого конкретного региона (территории). Длительное время в отечественной историографии господствовал тезис о том, что Россия состояла из метрополии и колонии. При этом не учитывалось наличие протекторатов, автономий и других объединений. К сожалению, в современной историографии фактически отсутствует системный подход к решению этого вопроса. Между тем наиболее эффективным методом представляется компаративный подход. Лежащий в его основе сравнительно-исторический метод позволяет выделить общие и особенные черты в реализации окраинной политики Российской империи¹²⁷. Исходя из этого, можно отметить несколько типов управления окраинами в составе Российской империи.

Первым из них является автономия. Следует упомянуть, что смысловое значение этого термина (от греч. «авто» – сам и «номос» – закон) вариативно как в науке, так и в общественной практике. За последние два века этот термин наполнился новым смысловым значением и новыми дефинициями. Фило-

¹²⁷ Российские окраины в имперской стратегии ... Гл. 8. С. 30.

софский словарь трактует это понятие как объективно самостоятельное бытие, определяемое своим разумом и волей. В историко-юридической литературе под автономией традиционно понимается возможность самостоятельного решения вопросов управления конкретной территорией вообще и право на собственное, пускай и ограниченное, законодательство и самоуправление¹²⁸. В то же время историки и правоведы различают два основных типа автономии – административную и политическую (законодательную).

Подобного рода поливариантность смыслового значения этого понятия неизбежно влечет за собой внутривидовую вариативность политико-административных единиц Российской империи, которые по своим характеристикам попадают под определение «автономии».

Традиционно в российской юридической и административной практике такая форма была закреплена законодательно. Отличительной чертой *политической автономии* являлось наличие собственных законодательных органов власти и обладание легитимными прерогативами автономного внутреннего управления. В то же время суверенные права подобных автономий ограничивались общегосударственными институтами. В российских реалиях таким институтом выступала самодержавная власть.

Из российских окраинных территорий к этому типу следует отнести прежде всего Царство Польское (Польшу) до 1831 г. и Великое княжество Финляндское (Финляндию). Парадоксальным представляется то обстоятельство, что обе территории отошли к России в результате военных действий: Финляндия после русско-шведской войны 1808–1809 гг., а Польша по решению Венского конгресса после войны с Наполеоном¹²⁹. И в том, и в другом случае названные окраины получили свой автономный статус благодаря Александру I, который, по воспоминаниям современников, вообще «любил щегольнуть ли-

¹²⁸ Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. СПб., 1890. Т. 1. С. 126; Энцикл. словарь братьев Гранат. М., 1890. Т. 1. С. 26–31; Политология. Словарь-справочник ... С. 8–9.

¹²⁹ ПСЗ-1. Т. 30, № 22991; Т. 23, № 25824.

берализмом». Однако отнюдь не это обстоятельство сыграло решающую роль при выборе системы управления данными территориями. Определяющими факторами послужили более высокий (по сравнению с империей) уровень социально-экономического развития Финляндии и Польши, в том числе наличие представительных органов власти.

Немалый интерес представляет форма политической автономии **Финляндии**, которая была наиболее благополучной российской окраиной.

До 1808 г. Великое княжество находилось в составе Швеции¹³⁰. Положение княжества незначительно отличалось от колониального, более того, в политическом отношении оно не имело ни тени самоуправления. В Финляндии отсутствовали особые национальные законы и учреждения, которые отличали бы ее от Швеции. В правовом и административном отношении она являлась рядовой шведской провинцией, однако на практике Финляндия была более бесправной, чем коренные шведские области. Это выражалось в следующем:

1. Финляндия служила настоящей ареной для войн, ведущихся Швецией, и вследствие этого претерпевала губительные опустошения. Она поставляла шведской армии солдат, а шведскому флоту – матросов, несла тяжкое бремя военных постоев – обеспечения войск транспортом и фуражом.

2. 48 % ежегодно собираемых в Швеции налогов приходилось на долю Финляндии.

3. Финляндия являлась сырьевым придатком Швеции, поставляя ей корабельный лес, топливо, овес, рожь, продукты сельского хозяйства.

4. Финляндия находилась в полной зависимости от Швеции в торговом отношении. Вся оптовая торговля была организована с учетом интересов Швеции (цены и географическое направление). Финляндии было запрещено торговать с другими странами, в особенности с Россией. Вследствие указанных обстоятельств финнам приходилось уступать свои товары шведским перекупщикам по неоправданно заниженным ценам.

¹³⁰ 20 марта 1808 г. Финляндия была присоединена к России // ПСЗ-1. Т. 30, № 22911.

Столь бесправное положение Финляндии в составе Швеции особенно усугубилось в конце XVIII – начале XIX в., когда в связи с развитием денежных отношений и зарождением финской буржуазии оно стало помехой экономическому развитию финского хозяйства в целом. Следствием этого явились зародившиеся к началу XIX в. в Финляндии ростки недовольства шведским владычеством и основанные на нем планы освобождения из-под шведской эгиды. Указанное обстоятельство служило основной причиной того воодушевления, с которым финны встретили выход своей страны из состава Швеции и присоединение ее к России¹³¹. При этом следует отметить, что присоединение Финляндии к России в 1809 г. было обусловлено как историческими причинами, так и военно-стратегическими соображениями.

Возрастание международной напряженности в районе Балтики с конца XVII в., три войны в течение XVIII столетия в непосредственной близости к столице, наступление в начале XIX в. благоприятной для Российского государства внешнеполитической ситуации – совпадение этих причин заставило Россию пойти на присоединение Финляндии к империи¹³².

16 марта император Александр I уведомил иностранные державы особой декларацией, где сообщалось, что «отныне часть Финляндии, которая доселе именовалась шведскою... признается областью, российским оружием покоренною, и присоединяется к Российской империи»¹³³. Несколькими днями позже – 20 марта – император подписал манифест «О покорении Шведской Финляндии и о присоединении оной навсегда к России». Документ гласил: «Страну сию, оружием нашим... покоренную, Мы присоединяем отныне навсегда к Российской Империи, и вследствие того повелеваем <...> принять от обывателей ее присягу на верное Престолу Нашему подданство»¹³⁴.

¹³¹ Похлебкин В. В. СССР – Финляндия. 260 лет отношений 1713–1973. М., 1975. С. 30–32.

¹³² Финляндская окраина в составе Русского государства. СПб., 1910. С 26; Арсентьев К. Статистические очерки России. СПб., 1848. С. 56.

¹³³ ПСЗ-I. Т. 30, № 22899.

¹³⁴ ПСЗ-I. Т. 30. № 22911.

Присоединив Финляндию к империи, Александр I предоставил ей статус политической автономии. На практике этот статус имел форму «несуверенного государства, подчиненного России и неразрывно связанного с имперской короной». По основным признакам внутреннего устройства Финляндия представляла собой форму политической автономии¹³⁵.

Эта автономия имела ряд ограничений, проявлявшихся прежде всего в сфере высшего управления. Российский император одновременно являлся великим князем Финляндским. Кроме этого, финский парламент должен был координировать свою деятельность с центральным правительством посредством особого министра (статс-секретаря). Председателем финляндского сейма являлся назначаемый императором генерал-губернатор, который вместе с тем контролировал исполнительную власть в княжестве¹³⁶.

Таким образом, финская автономия не имела аналогов в практике взаимоотношений России с другими ранее инкорпорированными самостоятельными территориями (Казанское, Астраханское, Сибирское, Крымское ханства, Молдавия и др.). Политико-административная система Финляндии представляла собой довольно сложный механизм, сочетавший черты буржуазного парламентаризма с пережитками сословно-феодального строя¹³⁷. При этом финская автономия формировалась отнюдь не на нормах шведского законодательства, а на основе целого ряда последующих актов, определивших структуру и компетенцию органов управления окраинной, равно как и их отношение к самому императору¹³⁸.

После Польши политический статус Финляндии был вторым в империи. После же известных польских событий 1863 г. и ликвидации польской автономии стал самым высоким в империи. Особый административный статус обеих окраин в составе империи подчеркивался их бюджетной автономией, за-

¹³⁵ Российские окраины в имперской стратегии ... Гл. 8. С. 38.

¹³⁶ Финляндия. СПб., 1898. С. 91–99.

¹³⁷ Российские окраины в имперской стратегии ... Гл. 8. С. 38.

¹³⁸ Аверин Б. Указ. соч. С. 8; Дусаев Р. Н. Государственно-правовой статус Великого Княжества Финляндского, 1809–1917 гг. // Правоведение. 1975. № 2. С. 110–118.

конодательно оформленной конституциями 1809 и 1815 гг. соответственно. Более того, именно собственный бюджет составлял одну из важнейших основ политической автономии Финляндии и Польши. Подобная самостоятельность предполагала сохранение национального бюджетного и налогового законодательства, а также независимость финансового управления обеих территорий от российского министерства финансов¹³⁹.

В этой связи следует отметить, что одной из отличительных черт российской колонизационной политики была ее нестяжательность – Россия вкладывала в развитие окраин больше средств, чем получала¹⁴⁰.

Дальнейшее развитие финской государственности в русле преобразований Александра II неизбежно вело к расширению ее автономии. Вполне прогнозируемым последствием развития ситуации могло стать столкновение интересов центра и окраины. Стремясь избежать финского сепаратизма, имперский центр предпринимает ряд мер, направленных на ограничение автономного статуса княжества. С начала 90-х гг. Александр III переходит к открытой политике ликвидации автономного статуса Финляндии.

Революционные события 1905–1907 гг. благотворно отразились на положении окраины: самодержавие было вынуждено идти на уступки, утвердив новый Сеймовый устав: революция 1905 г. восстановила все автономные права Великого княжества Финляндского¹⁴¹.

Таким образом, Финляндия представляет особый образец политической автономии в составе империи. Она обладала собственным парламентом, монетной, почтовой и таможенной системами. В этом виде Финляндия являет собой весьма удачный образец регионалистской политики. В то же время имперское правительство, расширяя автономный статус окраины, стремилось управлять ею так же, как и рядовыми российскими

¹³⁹ Ананьич Б., Правилова Е. Имперский фактор в экономическом развитии России 1700–1914 // Российская империя в сравнительной перспективе: сб. ст. / сост. М. Баталина, А. Миллер. М., 2004. С. 4.

¹⁴⁰ Коржихина Т. П., Сенин А. С. История российской государственности ... С. 30.

¹⁴¹ Корево Н. Сеймовый устав для великого княжества ... С. 118.

ми территориями, не имевшими особого статуса. Столкновение двух различных начал политики – централистского и регионалистского – было неизбежно. В конечном итоге Великое княжество Финляндское в своем развитии повторило путь других политических образований в составе Российской империи.

Самую большую автономию (с юридической точки зрения) в составе России имела **Польша** (до восстания 1831 г.). В отличие от финляндской, польская автономия была закреплена конституционно. Равно как и финская окраина, Польша никогда не являлась колонией Российской империи. Прежде всего это определялось тем обстоятельством, что указанные регионы по своему социально-экономическому развитию не уступали центральным великорусским губерниям. Однако в большей степени это относилось к Финляндии, нежели к Польше, ситуация в которой представлялась для имперского правительства несколько сложнее. Объяснялось это естественным постоянным стремлением поляков вернуть свою независимость.

После третьего раздела в 1795 г. Польша, как единое и независимое государство, перестала существовать. Между тем политические события в Западной Европе, непосредственно следовавшие за третьим разделом бывшей Речи Посполитой, невольно направили взгляды поляков на Францию, которая в этот период вела войну с Пруссией и Австрией и имела крайне натянутые отношения с Россией.

В республиканской Франции поляки видели защитницу своей погибавшей страны¹⁴². Однако с низложением Наполеона Польша потеряла надежду вернуть свою независимость. Несмотря на это обстоятельство, как отмечал М. Погодин, она выявила неисчерпаемую живучесть своей нации и тем самым демонстративно указала на необходимость нового разрешения польского вопроса¹⁴³.

Это решение находилось теперь в руках России. Уже в трех первых разделах 1772–1795 гг. на долю Российского государ-

¹⁴² Друнин В. П. Польша, Россия и СССР. Л., 1928. С. 98.

¹⁴³ Погодин М. Польский вопрос. Собрание рассуждений, записок и замечаний. 1831–1867 гг. М., 1867. С. 37.

ства пришлось около трех четвертей территории и свыше половины населения бывшей Речи Посполитой. Теперь же, после того как Россия заняла княжество Варшавское, она владела 9/10 прежней Польши.

Основываясь на этом фактическом владении польскими землями, Александр I решил образовать соединенное с Россией Царство Польское, в состав которого должны были войти все подвластные России польские земли, то есть большая часть территории прежней Польши.

На Венском конгрессе (1814–1815 гг.), созванном после низложения Наполеона, польский вопрос был одним из наиболее важных и трудных. При его решении столкнулись интересы Пруссии, Австрии, Англии и России. Конгресс противился даже конституционной организации Царства Польского. В итоге восторжествовала русская дипломатия.

В результате произошел в сущности новый, четвертый раздел Польши, по которому Россия, оставляя за собой польские земли, полученные по предыдущим разделам, приобрела большую часть княжества с городом Варшавой, названного Царством Польским. Вместе с тем в территориальном отношении Конгресс пошел на значительные уступки: Россия была вынуждена отдать Пруссии около 1/4 княжества Варшавского и выделить Краков. В этом виде польский вопрос вошел в трактаты, заключенные в Вене с согласия Англии, между тремя державами – Россией, Австрией и Пруссией – 3 мая 1815 г.¹⁴⁴

Отныне Польше была уготована участь быть «в неразрывной связи и во владении... императора Всероссийского и наследников его на вечные времена». Император же «сообразно с существующим обычаем и порядком» получал титул царя (короля) Польского. Поляки получали гарантию иметь народных представителей и национальные государственные учреждения согласно «с образом существования, который правителем будет признан полезней – и приличнейшим для них»¹⁴⁵.

¹⁴⁴ ПСЗ-I. Т. 23, № 25824.

¹⁴⁵ Там же; Студницкий В. Польша в политическом отношении, от разделов до наших дней. СПб., 1907. С. 20; Аскенази Ш. Указ. соч. С. 17–19; Друнин В. П. Указ. соч. С. 101.

Александр I великодушно даровал Польше политическую автономию. Именно благодаря Александру польская окраина получила конституцию, которая являлась наиболее прогрессивной по тем временам конституционной хартией в Европе; в России же она считалась верхом либерализма¹⁴⁶.

Сам факт создания Королевства Польского и его довольно прогрессивная для своего времени конституция встретили одобрение со стороны значительной части польского общества. В то же время в его образованной части – среди шляхты, буржуазных слоев и интеллигенции – было немало недовольных, считавших более правильной прусскую либо профранцузскую ориентацию. Однако, несмотря на это, в конституции поляки видели базу дальнейшего развития польской государственности¹⁴⁷. Между тем конституция Царства Польского вместе с автономией окраины провозглашала ее неразрывную политическую и династическую связь с Россией: Александр I стал царем Царства Польского¹⁴⁸.

Таким образом, Польша, будучи окраиной Российской империи, фактически являлась государством со своей конституцией, парламентом, армией, казной и *воеводствами* (не губерниями, как в большинстве окраин), возглавляемыми самими поляками¹⁴⁹. Российский император, являвшийся одновременно польским королем, признавался главой исполнительной власти, однако законодательные функции он должен был осуществлять совместно с сеймом. Во время отсутствия императора его замещал наместник. При этом «польский наместник» обладал значительно большей компетенцией, нежели имперский генерал-губернатор. Фактически наместник являлся полномочным представителем императора в этой окраине.

Польское восстание 1830 г. повлекло за собой упразднение конституции и как следствие этого потерю значительной части политической автономии. Взамен отмененной конститу-

¹⁴⁶ Кулаковский П. А. Польский вопрос в прошлом и настоящем. СПб., 1907. С. 21. (Б-ка Окраин России; № 3); Погодин М. Указ. соч. С. 44–46, 117.

¹⁴⁷ История Польши. М., 1954. Т. 1. С. 409; Краткая история Польши. М., 1993. С. 96–97.

¹⁴⁸ Лохвицкий А. Обзор современных конституций. СПб., 1862. Ч. 1. С. 232.

¹⁴⁹ История Польши ... С. 495.

ции в феврале 1832 г. был принят «Органический статут», согласно которому Царство объявлялось частью России. Основная его идея заключалась в административном слиянии Царства Польского с империей и установлении такого порядка, который бы исключал повторение подобных восстаний. Фактически Польша перешла на положение территории с административной автономией. Таким образом, польская автономия представляет собой пример трансформации конституционно-монархического устройства в обычную административную автономию¹⁵⁰.

Сохранение определенной автономии в окраине было продиктовано стремлением имперского правительства децентрализовать его управление в целях усиления местной власти и повышения ее эффективности¹⁵¹. Таким образом, «Органический статут», заменявший собой конституцию 1815 г., оказался также достаточно либеральным. Однако не был реализован, так как в Польше продолжалось революционное брожение, готовились новые выступления. В этой связи в 1834 г. император Николай вводит в Польше военное положение. Польским наместником был назначен фельдмаршал И. Ф. Паскевич, только что вернувшийся с Кавказа. Исходя из своего кавказского опыта, он стремился силой не допустить второго восстания... Все это отодвигало реализацию статута 1832 г. на неопределенное время¹⁵².

Вступление на престол Александра II символизировало собой наступление эпохи общей либерализации внутренней политики империи. В начале 60-х гг. предпринимались определенные попытки вернуть Польше политическую автономию. Заметим, что в основе их лежало стремление имперского правительства не допустить перерастания начавшихся в Варшаве беспорядков в очередное восстание. В этих целях в Петербурге разрабатывался проект будущего управления Царством Поль-

¹⁵⁰ Российские окраины в имперской стратегии ... Гл. 8. С. 22.

¹⁵¹ Аверин М. Б. Указ. соч. С. 13.

¹⁵² Национальные окраины Российской империи. Становление и развитие системы управления. М., 1997. С. 32–33; Лысенко Л. М. Губернаторы и генерал-губернаторы Российской империи (XVIII – начало XX в.). 2-е изд., испр. и доп. М., 2001. 358 с.

ским, в частности, по указу от 27 мая 1862 г. восстанавливалась внутренняя автономия Царства Польского, как это было по конституции 1815 г.¹⁵³

Однако эти меры были явно недостаточны. Вспыхнувшее в январе 1863 г. польское восстание было жестоко подавлено. В отношении окраины был взят курс на ее скорейшую инкорпорацию с империей. В конце концов именно восстание спровоцировало курс на унификацию и русификацию края. Происходит отмена наместнической формы правления вместе с административно-территориальной автономией края: в 1866 г. была введена общеимперская система управления краем, в 1874 г. упразднена должность наместника. На практике это означало полное уничтожение былой автономии, равно как и названия Царства Польского. Отныне в официальных документах оно именовалось Варшавским генерал-губернаторством.

Наиболее сложной российской окраиной в плане определения типологии модели управления является Кавказ. Разновременность присоединения территорий Кавказа к России, а также формы, в которых оно осуществлялось, предопределили и многообразие моделей управления. Этот регион был наиболее многонациональной окраиной империи, а его полиэтничность и многоукладность выступали важными факторами в процессе формирования местной административно-политической системы. Таким образом, здесь имели место смешанные формы (а точнее несколько моделей) управления.

Модель административного управления, создававшаяся на каждой вновь приобретенной территории, предполагала учет местных особенностей, принципов административного устройства внутренних губерний России, на ней сказывались личные качества главы административной власти на Кавказе. В частности, в Закавказье в процессе его присоединения к России сложилось несколько форм управления: комендантская (военно-народная), губернская, областная, совмещавшихся с более мелкими и локальными административно-территориальными – округами, магалами и пр. Кавказ на протяжении всей его исто-

¹⁵³ Российские окраины в имперской стратегии ... С. 36.

рии в XIX – начале XX в. оставался либо очагом волнений, либо театром военных действий, а это означает, что военная функция административно-политической системы здесь оказывалась подчас приоритетной.

На большей части окраины была распространена административная автономия. Выступая в качестве одного из способов децентрализации государственной власти в унитарном государстве, она предусматривала определенную степень самостоятельности территории¹⁵⁴.

Отличительной чертой *административной автономии* в составе Российской империи являлось наличие особых прав по устройству своей территории, с верховной администрацией метрополии (империи) и смешанной администрацией среднего и низшего звена.

В конце XVIII – начале XIX в. большая часть территорий Северного Кавказа и Закавказья вошла в состав Российской империи, признав себя вассалами. Это обстоятельство позволяет рассматривать форму управления этой окраиной как протекторат. Протекторат представляет собой полуколониальную форму зависимости, при которой формально сохранялась государственность, но за протектором признавались широкие права и полномочия на вмешательство во внутренние дела зависимого государства¹⁵⁵. В пользу протектората говорит то обстоятельство, что на Кавказ смотрели как на колонию России, основная задача которой состояла в обеспечении сырьем развивающейся текстильной промышленности. Активизация политики царизма на Кавказе была вызвана стремлением обеспечить развитие отечественной промышленности и торговли за счет расширения рынков сбыта и освоения источников сырья на окраинах империи¹⁵⁶.

Постепенно на ханства стали распространяться общеимперские законы и административные учреждения¹⁵⁷.

¹⁵⁴ Политология. Словарь-справочник ... С. 8–9.

¹⁵⁵ Там же. С. 230–231.

¹⁵⁶ Эсадзе С. Историческая записка по управлению Кавказом. Тифлис, 1907. Т. 1. С. 57.

¹⁵⁷ ПСЗ-1. Т. 15, № 13368.

Тем не менее на основных командных должностях находились представители коренного населения. Состав кавказской администрации был, по оценке современников, «совершенно исключительный», поскольку «ни по одному ведомству» здесь не было «хотя бы полурусской власти»¹⁵⁸. Де-факто в крае складывалось самоуправление. Таким образом, форма правления, которая утвердилась в регионе, была даже не протекторной, так как протекторат – это значительно больший контроль над местным самоуправлением. В кавказском же случае нельзя сказать, что поддавалось контролированию, а что – нет¹⁵⁹. Тем не менее попытка распространения на окраину общеимперского законодательства и управления встретила на Северном Кавказе сопротивление знати и широких народных масс, вылившееся в конечном итоге в Кавказскую войну. Война была одним из самых сложных и драматичных событий истории региона.

Основные очаги ее были сосредоточены в труднодоступных горных и предгорных районах на Северо-Восточном и Северо-Западном Кавказе, окончательно покоренных Российской империей только к концу второй трети XIX в. Ее основным ареалом оказались земли Северного и Среднего Нагорного Дагестана и Чечни. В итоге именно война способствовала длительному сохранению в крае административных автономий¹⁶⁰.

В то же время в мусульманском Азербайджане, после его инкорпорации в Россию, с начала XIX в. до 40-х гг. даже при ликвидации отдельных ханств сохранялась старая административная и податная система. Подобная ситуация обуславливалась стратегическим значением Азербайджана, с одной стороны, и соответствующим уровнем его социально-экономического развития, с другой¹⁶¹. В большинстве ханств была введена система военно-народного управления – одна из

¹⁵⁸ Шавров Н. Русская колонизация на Кавказе // *Вопр. колонизации*. СПб., 1911. Т. 8. С. 65.

¹⁵⁹ Дамешек И. Л. Сибирь в системе имперского регионализма ... С. 52.

¹⁶⁰ Лысенко Л. М. Указ. соч. С. 156.

¹⁶¹ Киняпина Н. С. Административная политика царизма на Кавказе и в Средней Азии в XIX в. // *Вопр. истории*, 1983. №. 4. С. 42.

разновидностей рассматриваемой модели управления окраинами (административной автономии).

Характерными чертами военно-народного управления являлись неразрывность (комбинирование) военной и гражданской власти; наличие выборных лиц из числа местного (коренного) населения во всех уровнях местного управления (за исключением дел, имеющих политический характер); сохранение в рамках местного законодательства обычного (традиционного) права.

Мусульманские ханства переименовывались в «провинции», которые управлялись военно-окружными начальниками (комендантами из числа полковников или генералов российской армии) и подразделялись на магалы¹⁶².

Комендант имел те же полномочия, что и хан, за исключением права выносить смертельный приговор. Он утверждал в должности местного главу мусульманского духовенства, чиновников администрации провинции.

Подобное комендантское управление, основанное на методах управления азербайджанских ханов XVIII в., фактически ничем не отличалось от системы ханского управления. Оно просуществовало до 1841 г. – до введения нового учреждения для управления Закавказским краем¹⁶³.

Во второй половине XIX в. на Кавказе сохранялась тенденция привлечения местного населения в введенные Россией новые административно-управленческие структуры. Связано это было прежде всего с деятельностью двух кавказских наместников М. С. Воронцова (1845–1854) и Н. Н. Муравьева (1854–1856)¹⁶⁴. Подобная практика способствовала определенному повышению эффективности управления окраиной. В

¹⁶² Магал (от араб. – «махалл») – в данном случае участок. См.: Дамешек И. Л. Управление окраинами в Российской империи (Закавказье и Финляндия в первой половине XIX в.) // Вестн. Евразии. 2003. № 1(20) С. 174.

¹⁶³ Лурье С. В. Русское колониальное сознание и этнополитическая реальность Закавказья // Восток. 1993. № 3. С. 54–55; Эсадзе С. Указ. соч. С. 65; Колониальная политика русского царизма в Азербайджане. М.; Л., 1936. Т. 1. С. 7–10; ПСЗ-II. Т. 15, № 13368.

¹⁶⁴ Б-ка РГИА. Печ. зап. № 263. Историческая справка о ходе организации гражданского управления Кавказского края. С. 15; РГВИА. Ф. 38. Оп. 7. Д. 281. Л. 3–3об, 17–23.

этот период многие горцы высших сословий стремились получить должность как в центральных, так и региональных (местных) административных органах управления. Престижными были должности начальника округа, участка, старшины в сельском управлении. Основными требованиями, предъявляемыми российской администрацией, было знание русского языка и лояльное отношение к России. Тем, кто хотел делать серьезную карьеру в российских государственных или военных структурах, особенно центральных, негласно ставилось и другое условие – принятие православия. Специально для подготовки профессиональных чиновников из числа местных жителей 11 июня 1849 г. было утверждено «Положение о воспитании кавказских и закавказских уроженцев на счет казны в высших и специальных учебных заведениях Империи»¹⁶⁵.

На Северном Кавказе ликвидация автономий происходила в 60-е гг., после окончания Кавказской войны. Главная задача, стоявшая перед кавказскими наместниками, заключалась в скорейшем и по возможности полном инкорпорировании окраины в империю. Именно этим обстоятельством было обусловлено проведение ряда реформ системы управления территорией, разработанных в контексте единой имперской административной системы¹⁶⁶.

Третья модель окраинного управления – управление с общеимперской государственной администрацией на всех уровнях.

Характерной чертой этой модели является наличие имперской (русской) администрации на всех уровнях местного управления: генерал-губернатор (наместник) – губернатор (гражданский или военный) – уездный начальник. Наличие на присоединенной территории исключительно общеимперской административной и законодательной системы означало полную инкорпорацию окраины в империю. Примером такой модели служит азиатская окраина империи (Сибирь, а впоследствии и Дальний Восток). Изначально на эту территорию была

¹⁶⁵ ПСЗ-II. Т. 24. Отд. 1. № 23307.

¹⁶⁶ Б-ка РГИА. Печ. зап. № 263. Историческая справка ... С. 25; Протоколы Комиссии по составлению проекта Положения...; ПСЗ-III. Т. 2. Отд. 1. № 638.

распространена общеимперская система административно-территориального деления управления во главе с воеводой, а впоследствии губернатором и генерал-губернатором. В результате административных реформ первой четверти XIX в. в административном отношении Сибирь состояла из двух генерал-губернаторств: Западно-Сибирского и Восточно-Сибирского¹⁶⁷.

Стремление к дальнейшей унификации страны в контексте единой общеимперской административной системы обусловило ряд преобразований на азиатской окраине. В самом начале 80-х гг. Западно-Сибирское генерал-губернаторство было упразднено, а Тобольская и Томская губернии подчинены непосредственно «подлежащим министерствам»¹⁶⁸. Однако одновременно с этим было учреждено Степное генерал-губернаторство, объединившее Акмолинскую, Семипалатинскую и Тургайскую области, а незадолго до этого в 1839 г. административный центр генерал-губернаторства был перенесен из Тобольска в Омск, который и стал столицей нового административного образования. Тогда же было образовано Приамурское генерал-губернаторство, включившее Забайкальскую, Амурскую и Приморскую области, а в ведении генерал-губернатора Восточной Сибири остались Иркутская, Енисейская губернии и Якутская область¹⁶⁹.

Представленные основные модели окраинного управления Российской империи отличались вариативностью и стремлением по возможности учитывать местную специфику инкорпорируемых территорий. Несмотря на обозначенное многообразие, система окраинного управления имела ряд общих черт (компонентов). Прежде всего это существование главы местной администрации в лице наместника или генерал-губернатора. Пользующийся личным доверием императора, он обладал широкой компетенцией и определенной долей автономии для решения на месте большинства возникавших

¹⁶⁷ ПСЗ-I. Т. 38, № 28892, 29125.

¹⁶⁸ ПСЗ-III. Т. 2, № 886.

¹⁶⁹ Там же. Т. 4, № 2524.

вопросов. Второй особенностью этой системы являлось использование местных обычаев, прежде всего местных институтов управления и судебной системы, а также активное привлечение национальной элиты к делам управления окраины (на местном уровне). Третьей существенной особенностью было стремление к унификации системы управления всеми окраинами в целях их полной инкорпорации в империю.

Таким образом, Российская империя начала XIX – начала XX в. представляла собой континентальное многонациональное государство, раскинувшееся на огромной территории от Балтики до Тихого океана. Характерными чертами российской окраинной политики были ее поливариантность и значительная гибкость, что в конечном итоге обусловило столь длительное и стабильное существование самой империи.

1.2 ИМПЕРСКАЯ МОДЕЛЬ УПРАВЛЕНИЯ ОКРАИНАМИ

Российская модель управления окраинами формировалась и развивалась параллельно с процессом складывания территории государства. В первой половине XIX в. в числе исторически сложившихся существенных особенностей России следует отметить ее гигантскую территорию, объединяющую два континента – Европу и Азию¹⁷⁰.

В отличие от многих единых государств в Европе, которые складывались и развивались как государства мононациональные, Россия всегда была многонациональной. Уже в Древней Руси восточнославянское население было тесно связано с другими этническими группами. По мере формирования территории единого Российского государства во главе с Москвой мно-

¹⁷⁰ Преображенский А. А. Об исторической роли окраин позднефеодальной России в свете дореволюционных трудов В. И. Ленина // Актуальные проблемы истории России эпохи феодализма. М., 1970. С. 368.

гонациональный характер все более усиливался¹⁷¹. Роль объединителя различных народов в одном государстве сыграл русский народ.

Народы России принадлежали к различным расам и языковым группам, находились на разных ступенях развития, отличались вероисповеданием и психологией. Огромная территория России сложилась в результате противоречивого процесса. Земли, вошедшие в состав этого государства, характеризовались не только многообразием климата и ландшафта, но и разным уровнем хозяйственного освоения. Территории Российской империи существенно отличались между собой по уровню экономического развития.

Региональные особенности управления отдельными, подчас весьма разнообразными территориями огромного государства вырабатывались правительством по мере их вхождения в состав России и упрочения власти и авторитета центрального правительства. Известный отпечаток на этот процесс накладывали и субъективные взгляды государственных деятелей каждой эпохи.

Некоторые современные исследователи склонны видеть зачатки региональных подходов в управлении конкретными территориями уже в период существования Древнерусского государства¹⁷². Действительно, отдельные особенности политических взаимоотношений Киева и Новгорода в XI–XIII вв. имели место. Однако вряд ли в этом следует видеть осознанную политику киевских князей. Скорее, такая политика была вынужденной мерой, обусловленной слабостью киевских правителей и рядом иных объективных обстоятельств.

Здесь следует отметить, что понятие «окраина» давно присутствует в российской административной практике, однако внутреннее содержание его менялось. Изначально подразумевалась как бы его историчность. В XI–XII в. новгородская знать, включавшая Югорскую землю в Зауралье в состав Вели-

¹⁷¹ Сахаров А. М. Образование и развитие Российского государства в XIV–XVII вв. М., 1969. С. 211.

¹⁷² Абдулатипов Р. Г., Болтенкова Л. Ф., Яров Ю. Ф. Феодализм в истории России. М., 1992. Кн. 1. С. 26–31.

кого Новгорода, подразумевала под ней прежде всего пограничную территорию, трактуя ее как границу между Новгородом и иным государством¹⁷³. Однако по мере усиления борьбы Московской Руси с монголо-татарским игом московские власти начинают вкладывать в понятие «окраина» не только географический, но и известный политический акцент. В XV–XVI вв. правительства Ивана III и Василия III, «прибирая к рукам» волости Великого Новгорода, вводили во вновь присоединенных территориях дань в пользу великого Московского князя, рассматривали окраинную «Сибирскую землю» как вновь установленную границу между русским государством и сибирским ханством¹⁷⁴.

Инициатива объединения русских земель могла исходить только из центра, которым, по мнению московских дьяков, бесспорно, являлась Москва. Киев, расположенный на окраине государства, объединительным центром выступать уже не мог. Так постепенно выработывалась идеология взаимоотношений и понятий «центр» и «периферия», «окраина». Именно в этот период российской истории под окраиной стали пониматься земли не только удаленные от «центра», но и находящиеся в подчиненном к нему положении. Эта идеология нашла законодательное закрепление в судебниках 1497 и 1550 гг. Первое же официальное употребление термина «окраина» относится к эпохе Ивана Грозного, который в 1582 г. своим указом предписывал ссылать преступников в «украинные города Севск, Курск и другие»¹⁷⁵. С учетом того обстоятельства, что засечная черта на юге России начала складываться только в XVII в., становится ясным, что в тот период Курск действительно находился «у края» Русского государства, являлся его границей, рубежом между Россией и многочисленными ордами еще непокоренных кочевников. Правительство сознавало «подвижность» такого рубежа, который как бы отодвигался от

¹⁷³ Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М. ; Л., 1949. С. 9; Памятники русского права. Вып. 2. М., 1953. С. 136–139.

¹⁷⁴ Устюжский летописный свод. М. ; Л., 1954. С. 94.

¹⁷⁵ Ссылка в Сибирь. Очерк ее истории и современного положения. СПб., 1900. Прил. 1. С. 4–13.

центра по мере расширения территории Российского государства, колонизации окраин. В свою очередь, присоединение новых обширных территорий, достижение естественных границ рассматривалось правительством как необходимое обеспечение гарантий безопасности, осознание того, что с данной окраины России опасность не грозит¹⁷⁶.

Наступление российской цивилизации на окраины приводило к отмиранию самой идеи «особенных» правил для данной территории. Однако на новых землях «особенные порядки устанавливались вновь»¹⁷⁷.

По мере завершения объединения русских земель в конце XV – начале XVI в. Москва все отчетливее понимает, что управлять обширным государством с помощью архаичных институтов и учреждений становится невозможным. Поэтому в процессе становления и укрепления самодержавия во внутренней политике начинает четко прослеживаться тенденция на ликвидацию остатков былой самостоятельности некоторых пограничных и окраинных территорий¹⁷⁸.

В последующий период русской истории, в XVII в., в условиях совершенствования модели управления и усложнения функций государственного аппарата, в стремлении к политическому единству огромного, но весьма разнообразного по характеру социального устройства и этническому составу населения государства во внутренней политике правительства можно отчетливо наблюдать тенденцию к административно-финансовой унификации и в то же время необходимости учета территориальных и национальных особенностей окраин империи.

¹⁷⁶ Подробнее о значении фактора «рубежа» в истории см.: Агеев А. Д. Американский «фронт» и сибирский «рубеж» как факторы цивилизованного разлома // Американский и Сибирский фронт: материалы Междунар. науч. конф. 4–6 окт. 1996 г. Томск, 1997. С. 30–36; Он же. Движение России на Восток и США на Запад: Сходства и оппозиции (методологический аспект) // Взаимоотношения народов России, Сибири и стран Востока: история и современность: докл. Второй междунар. науч.-практ. конф. 11–14 авг. 1997 г. Кн. 2. Москва – Иркутск – Тэгу, 1997. С. 18–23; Резун Д. Я. Фронт в истории Сибири и Северной Америки в XVII–XX вв.: общее и особенное. Новосибирск, 2005. 128 с.

¹⁷⁷ Политическая история: Россия – СССР – Российская Федерация. М., 1996. Т. 1. С. 338.

¹⁷⁸ Российское законодательство X–XX вв. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. М., 1985. Т. 2. С. 179–180.

В качестве примера укажем на восток страны, где эти противоречия проявились в правительственном подходе по отношению к вопросам землевладения государства и коренного населения. Со времени вхождения Сибири в состав России она стала предметом эксплуатации, организованной самой центральной властью. Правительственная позиция в отношении коренного населения определялась на первых порах фискальными интересами. Объявив себя сувереном и собственником земли, московские власти вместе с тем стремились сохранить значительную часть сибирских территорий в пользовании местного населения, обеспечивая этой мерой выполнение ими основной обязанности – уплаты ясака пушниной. Поэтому центральная власть по мере возможности пыталась не нарушать традиционных форм землепользования аборигенов и не допускать столкновений коренного населения и колонистов из-за земли¹⁷⁹.

Аналогичные тенденции в правительственной политике можно отметить и на примере Калмыкии, где с самого начала установления официальных отношений с Россией в правительственном курсе прослеживаются «федеративные принципы»¹⁸⁰.

В истории абсолютистской российской монархии XVIII в. ознаменовался попытками ликвидации остатков былой самостоятельности пограничных и окраинных земель. В Екатерининскую эпоху на Украине была осуществлена отмена гетманства, в Прибалтике учрежден «особый прибалтийский порядок», олицетворяющий автономные права Эстляндии и Лифляндии¹⁸¹. В Сибири были существенно урезаны права Сибирского приказа, а в 1763 г. последний был окончательно упразднен¹⁸². Однако правительство было вынуждено сохранять некоторую децентрализацию власти. На Украине это выразилось в попытках учреждения Малороссийской коллегии

¹⁷⁹ Буцинский П. Н. Заселение Сибири и быт первых ее насельников. Харьков, 1889. С. 330–332.

¹⁸⁰ Максимов К. Н. Калмыкия – субъект Российской Федерации. М., 1995. С. 15–19.

¹⁸¹ Подробнее см.: Милов Л. В. Управление окраинами империи // История России. С начала XVIII до конца XIX в. М., 1996. С. 226–234.

¹⁸² История Сибири. Л., 1968. Т. 2. С. 307–308.

во главе с П. А. Румянцевым, в Прибалтике – в организации особой системы крестьянского налогообложения, на востоке страны – в многочисленных административных преобразованиях, предоставлении сибирским губернаторам права самостоятельного принятия ряда решений, как будет «удобно по местным условиям»¹⁸³.

В конце XVIII в. после подавления крестьянской войны под руководством Е. И. Пугачева внутренняя политика правительства характеризуется значительным укреплением дворянского аппарата управления, унификацией системы и методов административно-политического контроля за окраинами. По существу, окраинная политика с этого времени становится важной частью общероссийской системы управления.

В первой половине XIX столетия формирование основных направлений окраинной политики находится в неразрывной связи с общими принципами политики государства¹⁸⁴. Они напрямую зависели «от того, в какой мере представлялись разрешенными в коренных областях государства те трудности», которые были «неразлучны с постановкой управления слагающегося государства»¹⁸⁵.

Первая половина XIX в. была отмечена дальнейшим увеличением территории Русского государства. В течение этого периода времени к России отошли почти все Закавказье (без Аджарии и Батума), Финляндия и значительная часть Польши. За счет этих приобретений территория Российского государства увеличилась примерно на 1/5 и составила почти 18 млн квадратных верст. При этом общая численность населения страны превысила к середине XIX в. 70 млн чел.

Конечно, не все приобретенные за это время территории имели для России равное стратегическое и экономическое значение. Однако нельзя оставить без внимания то немало-

¹⁸³ ПСЗ-I. Т. 7, № 4916.

¹⁸⁴ Киняпина Н. С. Внутренняя политика царизма в первой половине 19 в. (обзор) // Вопр. истории. 1968. № 9. С. 38.

¹⁸⁵ Прутченко С. М. Сибирские окраины. Областные установления, связанные с Сибирским учреждением 1822 г., в строе управления русского государства. Историко-юридические очерки. СПб., 1899. Т. 1. С. 6.

важное обстоятельство, что за счет присоединения Финляндии и Кавказа удлинялась береговая линия империи и расширялись возможности ее морских сообщений с другими странами. Поставщиком сырья для российской промышленности могли стать и некоторые районы Закавказья с их тузовыми садами, плантациями марены и хлопчатника. Наконец, расширение границ империи в южном и юго-восточном направлениях обеспечивало рост площадей плодородных целинных земель, освоение которых позволило надеяться на быстрое увеличение продукции сельского хозяйства¹⁸⁶.

Присоединением Сибири к Российскому государству, собственно, закончилось формирование его территории, и начался процесс имперского строительства. Однако и в начале XIX в. в правительственных кругах на этот регион продолжали смотреть как на колонию – «Перу и Мексику наше»¹⁸⁷. В то же время предшествующий опыт формирования региональных особенностей внутривластного курса вынуждал правительство с особой осторожностью относиться к выработке основ этой самой политики, дабы избежать «охлаждения чувств» русских и коренных жителей империи к метрополии¹⁸⁸. Несмотря на отличие типов окраин и колоний, в каждом отдельном случае руководство страны пыталось учитывать опыт своей деятельности в конкретном регионе.

В первой половине XIX в. в плане разработки модели окраинной политики наибольшее внимание правительства привлекали Кавказ, Финляндия, Польша, Сибирь. Однако целостной доктрины окраинной политики ни в эпоху Александра I, ни в период 30-летнего царствования Николая I выработано не было. Имперские амбиции толкали сановный Петербург на введение общероссийской системы управления на вновь присоединенных территориях. Это вело к быстрому и, как казалось, окончательному закреплению окраинных земель в со-

¹⁸⁶ История России с древнейших времен до наших дней : в 12 т. М., 1967. Т. 4. С. 357–358.

¹⁸⁷ Ядринцев Н. М. Экономическое значение Сибири. СПб., 1861. С. 15.

¹⁸⁸ Мы разделяем мнение Л. М. Горюшкина на этот счет. Подробнее см.: Горюшкин Л. М. Аграрные отношения в Сибири ... С. 77–78.

ставе империи и, как следствие, повышению международного авторитета правящей династии.

При выработке доктрины окраинной политики правительство пыталось руководствоваться тремя принципами: увеличение налоговых поступлений, удобство управления и безопасность границ. Однако реализация только одного из названных принципов – доходности края – применительно к столь различным по уровню экономического развития и другим параметрам территориям, как Польша и Сибирь, Кавказ и Финляндия, со всей очевидностью свидетельствовала о невозможности проведения единых мероприятий.

Включение в состав Российской империи территорий с иноязычным населением каждый раз ставило перед правительством проблему включения его в общую правовую и административную систему¹⁸⁹.

Постоянная борьба в правительственных сферах между сторонниками жесткой унификации управления окраинами, с одной стороны, и приверженцами идеи особого статуса окраинных территорий, с другой, порождала непоследовательность и противоречивость этой политики. Весьма показательным в этом плане является опыт разработки положения об управлении Кавказом.

Кавказский регион имел для России как экономическое, так и стратегическое значение. На Кавказ смотрели как на колонию империи, сырьевую базу для развивающейся русской промышленности. Однако стратегическое значение региона для России преобладало над экономическим: Кавказский хребет защищал южные границы империи, а Закавказье служило плацдармом для движения России в Персию, Турцию и Иран. Вследствие указанных обстоятельств перед российским правительством встала задача интегрировать край в империю, слить его с Россией в одно целое. Варианты осуществления поставленной цели обсуждались в различных правительственных комитетах и на заседаниях Государственного совета

¹⁸⁹ Дякин В. С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX в.) // *Вопр. истории.* 1995. № 9. С. 131.

на протяжении первой половины столетия. Если проект 1831 г. предусматривал возможность распространения на окраинные территории империи общероссийской системы управления¹⁹⁰, то межведомственная комиссия барона Гана в 1837 г. высказалась на этот счет гораздо осторожнее, считая целесообразным «определить в подробности начала управления, наиболее соответствующие для каждой из провинций». Спустя два года министр финансов Н. М. Канкрин вообще выступил против представления о Закавказье как составной части России, предложив рассматривать его как колонию¹⁹¹.

В конечном итоге цель была достигнута, но не сразу, а постепенно – в четыре приема: реформами 1801, 1805, 1811 и, наконец, 1840 (реформа барона Гана) гг.¹⁹² В значительной степени, наряду с постепенностью реформирования, этому способствовала также практика учета местных этнических, религиозных и иных традиций Кавказского региона.

Между тем «гановская» система управления, которая, казалось, обеспечивала инкорпорацию окраины в имперскую политико-административную систему, не выдержала проверки временем и вскоре «превратилась в груды развалин»¹⁹³. Уже спустя два года после ее принятия российское правительство вынуждено было признать полный провал реформы 1840 г.: административная унификация не означала унификации ментальной. В то же время важность завершения инкорпорации окраины обусловила активные действия имперского правительства по поиску оптимального решения стоящих перед ним задач. В рамках реализации последних был предпринят ряд мероприятий, основанных на принципах регионализма. Они нашли свое выражение в кардинально новых административных учреждениях по делам кавказской окраины, основанных в середине 40-х гг. XIX в.: особого Временного VI отделения Соб-

¹⁹⁰ Колониальная политика Российского правительства в Азербайджане. М. ; Л., 1936. Ч. 1. С. 231–232.

¹⁹¹ Эсадзэ С. Историческая записка по управлению Кавказом. Тифлис, 1907. Т. 1. С. 75, 82.

¹⁹² ПСЗ-I. Т. 26, № 20007; Т. 28, № 21753; Т. 31, № 24597; ПСЗ-II. Т. 15, № 13368.

¹⁹³ Иваненко В. Н. Гражданское управление Закавказьем от присоединения Грузии до наместничества вел. кн. Михаила Николаевича. Исторический очерк. Тифлис, 1901. С. 307.

ственной Его Императорского Величества канцелярии, Комитета по делам Закавказского края и Кавказского наместничества¹⁹⁴. Правительство Николая I отчетливо понимало, что наличие унифицированной административно-политической системы было явно недостаточным условием для создания единого имперского государства. Основным объединяющим фактором в сложившейся ситуации должна была выступать «облеченная доверием Верховной власти сильная местная центральная власть, с обширными полномочиями и достаточными средствами, чтобы внушить уважение к ее цивилизующей миссии». Именно таким «средством к объединению» должно было стать наместничество¹⁹⁵.

Удаленность Кавказа от центра страны, его стратегическая и экономическая важность для империи обуславливали широкие полномочия главы кавказской администрации, которые простирались фактически до министерского уровня¹⁹⁶. В то же время имперское правительство ясно представляло возможные негативные последствия столь широких властных полномочий наместника. Стремясь нивелировать потенциальные негативные последствия фактически чрезвычайной власти, официальный Петербург несколько видоизменяет систему высшего управления окраиной. Это выразилось в упразднении Временного VI отделения Собственной Е. И. В. канцелярии и переименовании с февраля 1845 г. Комитета по делам Закавказского края в Кавказский комитет¹⁹⁷, с одновременным существенным расширением функций последнего. По замыслу правительства, Комитет должен был в известной степени нивелировать казавшуюся слишком опасной широкую самостоятельность кавказской администрации и не допустить отрыва Кавказа от надзора из центра. Таким образом, склады-

¹⁹⁴ Б-ка РГИА. Печ. зап. № 263. Историческая справка о ходе организации гражданского управления Кавказского края. С. 9.

¹⁹⁵ Б-ка РГИА. Печ. зап. № 263. Записка статс-секретаря барона Николаи о преобразовании центрального управления на Кавказе. Окт. 1882 г. С. 5.

¹⁹⁶ Б-ка РГИА. Печ. зап. № 263. Историческая справка ... С. 15.

¹⁹⁷ Институт генерал-губернаторства и наместничества в Российской империи : в 2 т. / под общ. ред. В. В. Черкесова ; науч. ред. Д. И. Луковская, Д. И. Раскин. СПб., 2001. Т. 1. С. 205.

всталась двойственная ситуация: с одной стороны, правительство учреждает в регионе должность с чрезвычайными функциями (наместник), с другой стороны, создает в столице комитет, которому поручает ограничивать эти полномочия. Однако основные усилия всех имперских учреждений на Кавказе были направлены на скорейшее сближение окраины с империей: чтобы «связать с собою этих новых подданных нерасторжимыми узами, чтобы заставить их ... полюбить правительство русского монарха... чтобы, покинув несбыточные мечтания, привязаться к своей новой мачехе, как к родной матери»¹⁹⁸.

Таким образом, если главной целью российской политики на Кавказе была его инкорпорация в империю, то при разработке модели окраинного управления в Финляндском княжестве столичные чиновники руководствовались иными соображениями.

Присоединением Финляндии Россия стремилась достичь двух целей: во-первых, прочно гарантировать мир на северо-западе империи, выйдя к морскому побережью и обезопасив себя Ботаническим заливом, как рвом, от любых попыток нападения со стороны Швеции; во-вторых, гарантировать безопасность своей северной столицы, отодвинув от нее как можно дальше государственную границу. Обе указанные задачи носили исключительно оборонительный характер и полностью решались присоединением Финляндии. Заметим, что в исследуемый период времени царское правительство не делало секрета из того, что Финляндия была необходима империи из военно-стратегических соображений. Присоединение Финляндии, по мнению современников этого события, являлось одним из «драгоценнейших приобретений» императора Александра I. Таким образом, Финляндия официально рассматривалась как территория, основное назначение которой – прикрывать Россию и особенно ее столицу с запада, служить гигантской оборонительной полосой. В то же время бывшая шведская провинция получила автономный статус Великого княжества Финляндского. Она приобрела привилегированное

¹⁹⁸ Иваненко В. Н. Указ. соч. С. 348.

положение, причем не только по сравнению с другими национальными окраинами России, но и в первую очередь по сравнению с коренными областями империи. Такое положение новой окраины объяснялось довольно просто: чтобы привлечь бывших шведских подданных на свою сторону, царское правительство пошло на ряд уступок. Русские власти сохранили в княжестве сословное собрание (сейм) и оставили в силе шведскую законодательную систему. Находясь в составе Российской империи, Финляндия была абсолютно автономна – как в политическом, так и в экономическом плане: ее бюджет не сливался с общероссийским, общим с империей у нее оставался лишь глава государства – монарх.

Поливариантность российской окраинной политики можно наблюдать и на примере Польши. На Венском конгрессе 3 мая 1815 г. фактически произошел новый, четвертый раздел Польши. В результате Россия, удерживая за собой польские земли, полученные ею по предыдущим разделам, получила большую часть княжества с городом Варшавой под названием Царства Польского. Захватив большую часть Польши, Александр I и его преемники сделали фактически вершителями судеб польского народа вплоть до начала XX в.¹⁹⁹

В декабре того же 1815 г. Царство Польское получило конституцию, в соответствии с которой польскому народу гарантировались представительство на двухпалатном сейме и национальные государственные учреждения, согласно «с образом существования, который правителем будет признан полезнейшим и приличнейшим для них»²⁰⁰. В конституции поляки видели базу дальнейшего развития польской государственности. Фактически в период 1815–1830 гг. Польша являлась автономной провинцией Российской империи. Кроме общего монарха, русского закона о престолонаследии, Царство Польское имело с Россией лишь общие органы для внешних сношений: Министерство иностранных дел и консулов. При этом трак-

¹⁹⁹ Друнин В. П. Указ. соч. С. 102.

²⁰⁰ ПСЗ-II. Т. 23, № 25824.

таты, заключенные Россией, только тогда были обязательны для Царства Польского, когда в них о том особо оговаривалось²⁰¹.

Польское восстание 1830–1831гг. положило конец конституции 1815 г. – ее упразднили. Взамен 26 февраля 1832 г. явился в свет «Органический статут», согласно которому Царство объявлялось частью России, упразднялись сейм и польское войско. Старое административное деление на воеводства было заменено делением на губернии. По сути это означало принятие курса на превращение Царства Польского в русскую провинцию – на территорию Королевства распространялись действовавшие во всей России монетная система, система мер и весов.

С определенными проблемами сталкивалось самодержавие и при выработке региональной политики в Сибири. Блеск первых пудов сибирского золота привел к возрождению в правительственных кругах интереса к этой восточной окраине, заставил предпринять усилия по улучшению ситуации в области управления, налоговых поступлений и др. Однако проекты хозяйственного развития края 20–40-х гг. XIX в. были, как и в случае с Кавказом, весьма противоречивы. Применительно к Сибири единство взглядов проявлялось лишь в понимании значения переселения служилого и земледельческого населения в Зауральский край как основного средства обеспечения военно-стратегического присутствия России на Востоке.

Таким образом, в первой половине XIX в. правительство не смогло выработать универсальную модель управления окраинами. Политика унификации этой системы наталкивалась на неприятие и явную оппозицию противников такого подхода. На практике самодержавие было вынуждено учитывать различное геополитическое и экономическое значение окраинных территорий для судеб государства. Исходя из этого, понимались и определялись конкретные подходы к организации управления и административного устройства окраин империи.

Модернизация системы управления окраинами была продолжена уже в пореформенную эпоху. Буржуазные преобразо-

²⁰¹ Студницкий В. Указ. соч. С. 26.

вания 60–70-х гг. привели не только к изменению экономической основы административно-территориальной политики, но и потребовали существенного обновления всей программы по выстраиванию взаимоотношений центра и периферии. В этой связи остро стали проблемы взаимодействия центральных органов власти (министерства, комитеты и т. д.) с органами управления на местах (наместничества, генерал-губернаторы), определения их компетенции и полномочий, соотношения территориальных и отраслевых функций органов управления. Данный период хронологически совпал с активизацией внешней политики России, особенно на среднеазиатском и дальневосточном направлениях. Однако усилия и мероприятия России на отмеченных векторах внешней политики не могут быть поняты без учета противодействия ей таких государств, как Англия, Франция, США и Япония²⁰². Ко всему сказанному следует добавить еще одно обстоятельство – это восстание в Польше 1863 г., ставшее, бесспорно, своеобразной гранью в развитии национальной политики империи. Жесткое подавление восстания и массовые репрессии, обрушившиеся на поляков, стали лишь перовой фазой реализации той новой концепции национальной политики государства, которая именно в это время

была сформулирована редактором «Московских ведомостей» М. Н. Катковым, вскоре усвоена правительством и несколько позже заложена в идеологию и практику контрреформ 80–90-х гг. С этого времени стремление к национально-государственной консолидации становится всеобщим, что нашло отражение в трансформации окраинной политики, направленной на всемерное «втягивание» окраин в общероссийскую экономическую, административно-политическую и социокультурную систему.

Между тем система окраинного управления, разрабатывавшаяся для условий первой половины XIX в., уже не соответствовала изменившимся внутри- и внешнеполитическим ре-

²⁰² См., например: История Дальнего Востока СССР в эпоху феодализма и капитализма (XVII в. – февраль 1917 г.). М., 1991. С. 218–222; История внешней политики России. Вторая половина XIX в. М., 1999. С. 131–144.

лиям второй половины столетия. Эта ситуация была в равной степени характерна для всех российских окраин: Кавказа, Финляндии, Польши и Сибири. Однако наиболее рельефно она проявилась на Кавказе.

На протяжении XIX – начала XX в. окраинная политика была отражением основных целей и задач, стоявших перед имперским правительством. С изменением направлений в общегосударственной политике рельефно смещались и акценты в политике окраинной. Так было в период 50–60-х гг., когда основные усилия на Кавказе были направлены не на его инкорпорацию, а на его «умиротворение»: интеграция без властного покорения была просто невозможна. Лишь после завершения борьбы с Шамилем задача «умиротворения» была успешно выполнена, и только после покорения Восточного Кавказа был предпринят ряд мер по инкорпорации – административной и идеологической – новой территории в общеимперское пространство (реформы 1859, 1860 гг.). Продуманность политики и ее последовательность принесли определенный эффект²⁰³.

При этом пик правительственных мероприятий по тотальной привязке Кавказа к империи приходится на время Великих реформ. В данном случае инкорпорация подразумевалась, прежде всего, политико-административная. Структурная идентификация по общеимперскому образцу охватила все стороны жизни окраины²⁰⁴.

Эпоха контрреформ начала 80-х гг. характеризовалась изменением имперских подходов к управлению всеми российскими окраинами. По характеристике Марка Раева, «правительство Александра III вступило на путь воинствующего шовинизма», когда в остзейских губерниях, в Польше, на Кавказе, даже в Финляндии началась политика беспощадной русификации²⁰⁵. Кавказ должен был стать рядовой административно-территориальной единицей империи. Наместничество, как

²⁰³ Б-ка РГИА. Печ. зап. № 2941. Материалы по истории и управлению Кавказским краем. С. 24.

²⁰⁴ Национальные окраины Российской империи ... С. 88.

²⁰⁵ Раев М. Понять дореволюционную Россию (Государство и общество в Российской империи). Лондон, 1990. С. 225.

особая региональная форма управления, и Кавказский комитет были ликвидированы. Упразднение наместничества вовлекло Кавказ в орбиту общероссийской политики и имперского законодательства. На окраину механически распространялись все законоположения для внутренних губерний. Все мероприятия правительства направлялись на укрепление режима.

Отсутствие сильной власти на Кавказе сказалось негативно на всех сферах общественной жизни края. Его отдаленность от Петербурга при фактическом нежелании столичных чиновников заниматься текущими делами подведомственного региона не способствовала функциональному управлению Кавказом. Дезинтеграция вела к хаосу, грозившему прочности имперской власти. В условиях бурного общественного подъема, вызванного целым комплексом внутренних и внешних факторов, правительство было вынуждено принять решение о восстановлении в 1905 г. Кавказского наместничества.

Политическая благонадежность финнов «защищала» княжество от пристального внимания российского правительства. Подобный статус-кво окраины сохранялся вплоть до 1863 г. Эпоха Великих реформ, принесящая Кавказу тотальную унификацию с империей, Финляндии, наоборот, принесла этап очередных расширений привилегий. Это не было щедрым жестом в знак благодарности имперских властей за верноподданнические настроения на данной окраине. В основе этого лежали стремления Петербурга сохранить таковые, не допустить распространения в Финляндии польских революционных настроений. Ради этого Александр II согласился на созыв в 1863 г. Сейма – главного символа финской автономии и принятие нового Сеймового устава 1869 г., получившего силу основного закона²⁰⁶. Оба мероприятия символизировали собой начало очередного цикла реформ, укрепившее автономный статус Великого княжества. При этом буржуазные реформы Александра II фактически не коснулись Финляндии. Единственной

²⁰⁶ Суни Л. В. Очерк общественно-политического развития Финляндии, 50–70-е гг. XIX в. Л., 1979. С. 64–65, 74–75; Сборник постановлений Великого княжества Финляндского. 1863. № 22. С. 1; Там же. 1869. № 11.

из числа крупных российских реформ, распространившихся на эту территорию, была военная реформа, в результате которой Финляндия в 1878 г. получила право на формирование своих национальных войск, комплектовавшихся исключительно из местных уроженцев и подчинявшихся генерал-губернатору²⁰⁷.

В результате преобразований финляндская автономия к началу 80-х гг. XIX в. достигает своего пика. Таким образом, Финляндия представляла собой форму политической автономии в составе Российского государства²⁰⁸. Данное обстоятельство кардинальным образом отличало статус Финляндии от любой другой окраины империи²⁰⁹.

Тем не менее контрреформы 80–90-х гг. нашли свое отражение и в мероприятиях окраинной политики. В отношении Финляндии они проявились в ограничении политических привилегий княжества. Официальный Петербург не желал мириться с автономией окраины, которая шла вразрез с имперской стратегией, направленной на унификацию государства. Однако вплоть до конца 80-х гг. имперское правительство воздерживалось от активных действий, направленных на ограничение финляндской автономии²¹⁰. Было решено приступить к постепенному введению общеимперской системы управления в княжестве посредством слияния отдельных частей управления с общегосударственными и созданию административного механизма, защищавшего имперские интересы в крае. Первым и, пожалуй, наиболее ярким проявлением этого стал почтовый манифест от 31 мая 1891 г. (финская почта поступала в полное подчинение к министру внутренних дел империи, при этом обязательным условием для почтовых ра-

²⁰⁷ Юссила О. Политическая история Финляндии 1809–1995 (пер. с фин.). М., 1998. С. 61–62.

²⁰⁸ Национальные окраины Российской империи ... С. 192.

²⁰⁹ Аверин М. Б. Польша и Финляндия в составе Российской империи: становление и развитие буржуазных систем (середина 60-х гг. XIX в. – 1914 гг.) Самара, 2001. С. 9–10.

²¹⁰ Административно-территориальное устройство России. История и современность. М., 2003. С. 190.

ботников было знание русского языка). Этот манифест стал первым актом начала русификации княжества²¹¹.

Затем последовал целый ряд мероприятий по ограничению политических привилегий региона, с одной стороны, и увеличению имперского влияния в нем, с другой. К таковым относится упразднение комитета финляндских дел в 1891 г. и постепенное введение русского языка в делопроизводство официальных учреждений²¹². Однако объективно подобные действия официального Петербурга лишь незначительно ограничивали самостоятельность княжества. Принципиальную важность имела проблема определения позиции высших правительственных кругов империи в отношении государственно-правового статуса Финляндии. Сформулирована она была лишь к осени 1890 г. По мнению правительства, статус Финляндии в составе империи определялся прежде всего самим фактом ее завоевания, что уже исключало возможность создания на территории княжества какого-либо самостоятельного государства. Таким образом, был взят курс на ограничение, а точнее на полную ликвидацию автономного статуса Финляндии. Дальнейшее наступление империи на финляндскую автономию выразилось в высочайшем манифесте от 3 (15) февраля 1899 г., в соответствии с которым при рассмотрении законопроектов, имеющих общеимперский характер, финляндскому Сейму принадлежала лишь законосовещательная роль, при этом отрицательное заключение Сейма никоим образом не могло воспрепятствовать распространению этого закона на территории Финляндского княжества²¹³. Так, с конца XIX в. дарованные Финляндии «свободы» стали подвергаться самым явным ограничениям.

Последовавшие за манифестом несколько лет (до 1903 г.) явились для Финляндии временем тотального наступления на ее привилегии. В финской историографии это время получило

²¹¹ Сборник постановлений Великого княжества ... 1890. № 15; Юссила О. Политическая история Финляндии ... С. 73.

²¹² Сборник постановлений ... 1891. № 27. С. 1–3.

²¹³ Материалы по финляндскому вопросу. Высочайший Манифест от 3(15) февраля 1899 г. Берлин, 1901. С. 9.

название «первого периода угнетения»²¹⁴. Подобный подход имел своей целью полную инкорпорацию княжества в империю, что соответствовало общему курсу российского правительства.

Однако революция 1905 г. восстановила все автономные права Великого княжества Финляндского, а измененный Сеймовый устав, принятый 20 июля 1906 г., законодательно закрепил всеобщее прямое избирательное право населения финской окраины²¹⁵.

Значительно сложнее ситуация развивалась в Польше. Поляки стремились к автономии. К середине XIX столетия в польском обществе все большую популярность приобретает идея всенародного восстания, что позволило бы «вернуть независимость» в границах 1772 г. В январе 1863 г. в Польше началось восстание. Однако оно только усугубило положение поляков, став причиной повсеместного уничтожения национальных административных учреждений. Более того, тотальная русификация российских национальных окраин начала ярко проявляться только после второго польского восстания.

После восстания 1863 г. перед имперским правительством встала задача инкорпорации Польши в Россию. При этом, так же как и в Кавказском регионе, инкорпорация подразумевалась прежде всего политико-административная²¹⁶. Для разработки системы структурной идентификации окраины по общеимперскому образцу 25 февраля 1864 г. был учрежден Комитет по делам Царства Польского²¹⁷. Реформы, инициированные комитетом, затронули фактически все сферы государственной жизни окраины, и прежде всего административную. Польские центральные учреждения упразднялись, а подведомственные им отрасли управления переходили в компетен-

²¹⁴ Новикова И. Н. Особое государство или провинция империи: проблема государственно-правового статуса Финляндии в российско-финляндских отношениях XIX в. // *Пространство власти: исторический опыт России и вызовы современности*. М., 2001. С. 280.

²¹⁵ Корево Н. Сеймовый устав для великого княжества ... С. 118.

²¹⁶ Национальные окраины Российской империи ... С. 88.

²¹⁷ ПСЗ-II. Т. 41. № 43924.

цию соответствующих имперских министерств²¹⁸. Одновременно с этим на Царство распространялась судебная реформа, однако присоединение судебной части Царства к ведомству министерства юстиции произошло лишь в 1875 г. и с введением новых судебных учреждений с 1 июля 1876 г. упразднялась Комиссия юстиции Царства²¹⁹.

Таким образом, был взят курс на ликвидацию польской обособленности. В основе его лежало стремление не допустить повторения польского восстания. Однако определяющим фактором в этом процессе стало общее социально-политическое и экономическое развитие империи в целом и ее окраин, выдвинувшее на повестку дня проблему модернизации административной системы. Подобного рода модернизация предполагала унификацию административной и законодательной системы страны.

Между тем наместническая форма правления, основанная не на общеимперском законодательстве, выделяла этот регион из других национальных окраин с генерал-губернаторской формой правления²²⁰. Следуя курсу на унификацию системы управления, в результате представлений Комитета по делам Царства Польского в 1874 г. наместническое управление в Польше было заменено генерал-губернаторским²²¹.

В 80-х гг. XIX в. в Царстве Польском, в соответствии с общеимперским курсом на стандартизацию форм управления и государственно-административной структуры, происходила дальнейшая ликвидация остатков автономии²²². В Польше шла повсеместная русификация, зачастую инициированная представителями местной власти²²³. Это имело определенный эффект – политическая обстановка в крае стала заметно спокойнее²²⁴.

²¹⁸ Там же. Т. 55. Отд. 1. № 53025; Аверин М. Б. Указ. соч. С. 13.

²¹⁹ РГИА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 1474. Л. 323. Д. 1189. Л. 44–45.

²²⁰ Градовский А. Г. Исторический очерк // Учреждение генерал-губернаторства в России. Собр. соч. СПб., 1899. С. 327.

²²¹ ПСЗ-II. Т. 55, № 53025а.

²²² Зайончковский П. А. Указ. соч. С. 120; РГИА. Ф. 1283. Оп. 3. Д. 239. Л. 253–254.

²²³ Корнилов А. А. Русская политика в Польше со времен разделов до начала XX в. Пг., 1915. С. 85.

²²⁴ Аверин М. Б. Указ. соч. С. 66–67; РГИА. Ф. 560. Оп. 26. Д. 106. Л. 13–16.

Отметим, что окраинная политика Российского государства прошла длительный путь развития и эволюции. Она формировалась параллельно с государством. Становление и развитие последнего характеризовалось многообразием форм политического взаимодействия и поливариантностью вхождения в состав формирующейся империи регионов и населяющих их народов. По мере складывания территории государства, включения в его состав различных по уровню экономического развития, природно-климатических условий и иных факторов территорий окраинная политика выходит из административной, финансовой плоскости и приобретает многомерное звучание.

В рассматриваемый период времени правительственная политика в отношении окраин империи формировалась и развивалась как составная часть внутренней политики самодержавия в целом. По сути, она была производной от внутривнутриполитических и внешнеполитических задач, решаемых центром. Несмотря на неоднократные попытки, правительству не удалось сконструировать единую модель окраинной политики. В основе таких явлений лежали различия взглядов правительственных чиновников на судьбы окраинных земель в составе России и геополитические особенности самих территорий. Поэтому на примере западных и юго-западных окраин – Финляндии, Польши, Кавказа – можно наблюдать поливариантность российской политики по отношению к окраинным территориям, ее достаточную гибкость: от абсолютной унификации с Россией до предоставления полной автономии. При этом российские автономии не были едины в своей внутренней структуре. Финляндия представляла собой форму политической автономии в составе Российского государства, польская автономия являла пример трансформации конституционно-монархического устройства в обычную административную автономию²²⁵.

Подобные подходы к организации системы управления окраинами свидетельствовали о понимании российским пра-

²²⁵ Российские окраины в имперской стратегии ... С. 230.

вительством различий в экономической жизни, степени заселения и менталитете населения отмеченных территорий. Между тем система окраинного управления, разрабатываемая для условий первой половины XIX столетия, во второй половине XIX в. уже не соответствовала изменившимся внутри- и внешнеполитическим реалиям. Имперское правительство вынуждено было предпринимать активные усилия по поиску оптимальных решений возникающих задач. Эпоха контрреформ начала 80-х гг. охарактеризовалась изменением имперских подходов к управлению всеми российскими окраинами. Одним из направлений внутривнутриполитической деятельности российского правительства в период конца XIX – начала XX вв. было завершение инкорпорации окраин в империю. Ее осуществление предполагалось посредством постепенной «русификации-унификации» окраин с остальной территорией государства. Единая Россия должна была стать унифицированной не только в административном, но и в культурном, а значит, языковом смысле²²⁶. В остзейских губерниях, в Польше, на Кавказе, даже в Финляндии началась политика беспощадной русификации²²⁷.

Русский язык становится обязательным в административных учреждениях, а местные чиновники постепенно замещаются русскоговорящими.

В отличие от первой половины века, когда в основе окраинной политики лежали принципы регионализма, со второй половины столетия в основе имперских подходов к управлению окраинами преобладающим стал жесткий централизм, подразумевающий унификацию и стандартизацию форм управления и государственно-административной структуры.

²²⁶ Дякин В. С. Указ. соч. С. 133.

²²⁷ Раев М. Указ. соч. С. 225.

1.3

«БОГАТАЯ БАРЫНЯ И ДАЛЬНЕЕ ПОМЕСТЬЕ». О МЕСТЕ СИБИРИ В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОЦЕССАХ ИМПЕРИИ

Изучению проблемы взаимоотношения России и Сибири (центра и региона, метрополии и колонии), особенностей ясачной политики необходимо предпослать рассмотрение места Сибири в экономических процессах империи. Постановка вопроса о том, какими ресурсами, в том числе трудовыми, экономическими и социальными, обладал регион, позволит более отчетливо представить мотивы и параметры деятельности имперского центра, формирование региональных особенностей имперской идеологии и практики.

Присоединение Сибири к России является, бесспорно, одним из выдающихся событий отечественной истории XVII в. Имея в виду именно это обстоятельство, М. Я. Гефтер отмечал, что Россия только тогда стала Россией, «когда вобрала в себя Сибирь». Именно с Сибирью Россия стала тем огромным пространством, которое называется Евразией²²⁸. Дальнейшие взаимоотношения центра и вновь присоединенных восточных территорий в немалой степени определялось характером присоединения этих земель к России. Отечественные и зарубежные исследователи истории России едины в том мнении, что именно отмеченное обстоятельство выступало весьма весомым аргументом при выстраивании политики центра на окраинах государства²²⁹. Разделяя точку зрения датского историка О. Г. Кристенсена о том, что в России «в восточном направлении приращение земель носило характер колонизации»²³⁰, следует в то же время отметить, что применительно к Сибири более обоснованным представляется вести речь о со-

²²⁸ Цит по: Ремнев А. В. Самодержавие и Сибирь. Омск, 1995. С. 15; Гефтер М. Я. Из тех и этих лет. М., 1991. С. 383.

²²⁹ Миронов Б. Н. Указ. соч. Т. 1. С. 30; Кристенсен О. Г. История России в XVII в. М., 1989. С. 134.

²³⁰ Кристенсен О. Г. Указ. соч. С. 134.

четании методов колонизации как освоения пустопорожних земель и прямой экспансии, под которой автор понимает захват чужой территории. Продвигаясь на восток, русское государство решало двуединую задачу: с одной стороны, расширение территории, несомненно, способствовало упрочению границ на восточном побережье. С другой, Сибирь манила к себе и своими немалыми естественными ресурсами – пушниной, солью, рыбой. Отмеченное обстоятельство в сочетании с природно-географическими и этническими особенностями региона предопределили «в известном смысле умеренный», мягкий характер колонизации, «мягкое» отношение к местным народностям²³¹. Последние рассматривались как данники московского царя, т. е. подданные государства, и наряду с русскими крестьянами должны были нести определенные податные обязанности на его содержание. Это обстоятельство принципиально отличало колонизационную политику России в Сибири от политики США по отношению к индейцам, которые не платили налоги и в соответствии с конституцией США не считались гражданами государства²³².

Начавшаяся одновременно с этим промысловая и земледельческая колонизация Сибири своим важнейшим следствием имела инкорпорацию Зауралья в систему экономических, административных и социокультурных связей империи. Историю хозяйственного освоения этой огромной территории можно проследить по датам основания сибирских городов: Тюмень (1586), Тобольск (1587), Томск (1604), Кузнецк (1618), Енисейск (1619), Красноярск (1628), Якутск (1630), Илимск (1630), Верхолениск (1632), Иркутск (1661), Верхнеудинск (1666), Чита (1653) и т. д. Принципиально важным моментом в ходе хозяйственного освоения, наряду со строительством острогов и крепостей, стало возникновение земледельческих центров, превращение земледелия из сопутствующего про-

²³¹ Кристенсен О. Г. Указ. соч. С. 143.

²³² Агеев А. Д. Сибирь и Американский Запад ... С. 80; Дамешек Л. М. Проблема интеграции коренных народов Сибири в имперскую систему России XVIII – начала XX в. // Сибирское общество в контексте модернизации XVIII–XX вв.: материалы Всерос. науч. конф. Новосибирск, 22–23 сент. 2003 г. Новосибирск, 2003. С. 91.

мысла в самостоятельную отрасль хозяйства²³³. Строительство Московского почтового тракта позволило установить регулярные по тем временам отношения с центром, усилило поток новых переселенцев в лесостепные районы, способствовало укреплению безопасности проживающего населения.

В организации административно-территориального устройства восточных территорий московские, а затем и петербургские власти использовали схемы, уже апробированные в центре страны. В XVIII в. управление Сибири при некоторой специфике приобрело формы и содержание, характерные для централизованного государства. В XIX в. Сибирь вступила как неразрывная составная часть России. В административном отношении она составляла единое генерал-губернаторство, однако в 1822 г. в результате преобразований М. М. Сперанского была разделена на Западно-Сибирское и Восточно-Сибирское с административными центрами соответственно в Тобольске (с 1839 г. в Омске) и Иркутске. Западно-Сибирское генерал-губернаторство включало в себя Тобольскую и Томскую губернии, Восточно-Сибирское – Енисейскую и Иркутскую губернии и Якутскую область²³⁴. Небезынтересно отметить, что границы вновь образованной Енисейской губернии и Якутской области практически совпадали с границами современных Красноярского края и Республики Саха (Якутия), а вот территория Иркутской губернии простиралась от границ нынешнего Красноярского края до побережья Тихого океана на востоке. В территориальном отношении это была одна из самых больших административных единиц империи.

Дальнейший процесс властного освоения сибирских территорий империей сопровождался существенными изменениями в административно-территориальном устройстве азиатских окраин. В этом смысле пик нововведений приходится на середину XIX столетия. В период пребывания Н. Н. Муравьева на посту генерал-губернатора (1841–1861 гг.) из восточных округов Иркутской губернии – Верхнеудинского и Нерчинско-

²³³ Шерстобоев В. Н. Илимская пашня. Иркутск, Т. 1. 1949. 595 с.; Т. 2. 1957. 673 с.

²³⁴ ПСЗ-II. Т. 38, № 29125.

го – в 1851 г. была образована Забайкальская область с центром в Чите²³⁵. В этом же году Камчатское приморское управление получило статус области²³⁶, а в 1858 г. была образована новая административная единица – Амурская область, в состав которой вошли все земли по левому берегу Амура²³⁷. Все три области Дальневосточного региона в управленческом отношении были подчинены генерал-губернатору Восточной Сибири. Таким образом, накануне эпохи Великих реформ территория Азиатской России в административном отношении делилась на четыре губернии – Тобольскую, Томскую, Енисейскую, Иркутскую и четыре области – Якутскую, Забайкальскую, Амурскую и Приморскую²³⁸.

Однако на этом административное переустройство Зауральского края не закончилось. Активизация дальневосточной и среднеазиатской политики России отчетливо показала, что существующее административно-территориальное устройство не отвечает новым политическим и экономическим реалиям, стратегическим интересам государства. Фактор отдаленности наряду с необходимостью усиления экономического присутствия настоятельно диктовал потребность усиления административной власти на местах. Именно поэтому в 1882 г. было учреждено Степное генерал-губернаторство с центром в Омске, объединяющее Акмолинскую, Семипалатинскую и Тургайскую области. Одновременно с этим было упразднено генерал-губернаторство Западной Сибири, а губернии Тобольская и Томская подчинены министерству внутренних дел на «общем основании»²³⁹.

²³⁵ ПСЗ-II. Т. 26, № 25394.

²³⁶ Там же. № 24811.

²³⁷ Там же. Т. 33, № 33862.

²³⁸ Об административных преобразованиях на Дальнем Востоке см.: Амурская область: опыт энциклопедического словаря. Благовещенск, 1989. С. 7–9; История Дальнего Востока СССР ... С. 59–64, 128–133, 226–231; Дамешек И. Л. Крайняя политика как фактор инкорпорации сопредельных территорий Российской империи (XVIII – начало XX в.) // Вестн. Бурят. науч. центра Сиб. отд-ния РАН. Улан-Удэ, 2011. С. 144–150, 153–156; Ремнев А. В. Россия Дальнего Востока ... 542 с.

²³⁹ ПСЗ-III. Т. 2, № 886.

Спустя два года, в 1884 г., было учреждено Приамурское генерал-губернаторство с центром в Хабаровске, включавшее Забайкальскую, Амурскую и Приморскую области²⁴⁰. Таким образом, произошло конституирование административно-территориального отделения Дальнего Востока от собственно Сибири. Нерешенным вплоть до начала XX в. оставался лишь вопрос о Забайкальской области, которая неоднократно «передавалась» из одного генерал-губернаторства в другое, но в конечном итоге вернулась «на круги своя» – в Иркутское генерал-губернаторство.

Территориальные границы исследуемого автором региона в основном сформировались во второй половине XIX в. Это была историко-географическая и политико-административная реальность Российской империи рассматриваемого периода. Неслучайно авторы юбилейного официального издания «Азиатская Россия», посвященного 300-летию юбилею дома Романовых, под понятием «Сибирь» подразумевали территорию названных четырех губерний и двух областей²⁴¹. Разумеется, внутри единого имперского пространства границы были весьма условными, а российский имперский проект в конечном итоге предусматривал поглощение имперским ядром окраин государства, в том числе и превращение сибирских и дальневосточных территорий в Россию²⁴². Однако именно в этих административно-территориальных границах реализовывалась имперская идеология и практика, имевшая конечной целью упрочение единства Российской империи. Расширение империи на восток сопровождалось активной колонизационной политикой на вновь присоединенных землях. Россия как бы росла, крепла за счет новых территорий, а русское государственное ядро, по справедливому замечанию А. В. Ремнева, поглощало имперские окраины²⁴³. Важная роль в этом процессе

²⁴⁰ Там же. Т. 4, № 2524.

²⁴¹ Азиатская Россия. СПб., 1914. Т. 1. С. 44.

²⁴² Этому сюжету А. В. Ремнев посвятил специальную статью. См.: Ремнев А. В. Географические, административные и ментальные границы Сибири (XIX – начало XX в.) // Проблемы истории местного управления Сибири XVI–XXI : материалы Пятой всерос. науч. конф. 26–27 нояб. 2003 г. В 2 т. Т. 2. Новосибирск, 2003. С. 24–33.

²⁴³ Там же. С. 31.

отводилась русским православным переселенцам, которые должны были не только «приохотить» местные народы к занятию земледелием, научить их строительству крепостей и городов, но прежде всего духовно сплотить империю, в том числе и при помощи православия. Вот почему переселенческая политика являлась важной составной частью колониационного процесса и, несмотря на определенные временные колебания, всегда привлекала к себе правительственное внимание.

В нашу задачу не входит специальное изучение переселенческой политики. Такой анализ является темой самостоятельной работы. Кроме того, предшествующие исследователи вопроса внесли немалый вклад в теоретическое осмысление и фактологическое насыщение проблемы²⁴⁴. Задача авторов в данном случае видится в ином: опираясь на уже опубликованные результаты и привлекая новые материалы, показать динамику народонаселения региона и влияние этого процесса на хозяйственное развитие края. Неслучайно в научной литературе отмечается, что «первая предпосылка всякой человеческой истории это... существование живых человеческих индивидов»²⁴⁵.

Для того чтобы объективно оценить демографические процессы, протекавшие в Сибири, необходимо определить общую численность русского и коренного населения на протяжении всего изучаемого периода. Для этого сопоставим данные 7-й ревизии (1816 г.) и материалы первой Всероссийской переписи населения 1897 г. В итоге получается, что за 81 год с 1816 по 1897 г. численность пришлого, главным образом русского, населения возросла с 651 тыс. душ м. п. до 2310 тыс. душ м. п., или на 354,8 %. За этот же отрезок времени

²⁴⁴ В качестве примера приведем лишь некоторые из них: Зябловский Е. Статистическое описание Российской империи в нынешнем ее состоянии. СПб., 1808; Бакаревич М. Н. Статистическое обозрение Сибири. СПб., 1810; Гагемейстер Ю. А. Статистическое обозрение Сибири. СПб., 1854; Азиатская Россия. СПб., 1914; Покшишевский В. В. Заселение Сибири. Иркутск, 1951; Воробьев В. В. Формирование населения Восточной Сибири. Новосибирск, 1975; Скларов Л. Ф. Указ. соч.; Степынин В. А. Указ. соч.; Тюкавкин В. Г. Сибирская деревня ...; Занданова Л. В. Переселение крестьянства в Азиатскую Россию. Иркутск, 1997.

²⁴⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 18. С. 19.

численность коренного населения увеличилась с 220 тыс. душ м. п. до 413 тыс. душ м. п., или на 87,7 %. Таким образом, получается, что темпы прироста пришлого населения в 3,5 раза превышала темпы роста числа коренных жителей. Отмеченное обстоятельство приводило к снижению удельного веса аборигенов в общей массе народонаселения региона с 25 в 1816 г. до 15 % в 1897 г.²⁴⁶ Большая часть переселенцев оседала в районах Западной Сибири. Так, например, в период с 1816 по 1854 г. в Сибирь (в границах начала XIX в.) переселилось около 119 тыс. душ м. п. (58,87 %), в Томской – 40 760 душ м. п. (34,3 %), а на долю Иркутской губернии пришлось лишь 8 093 души (6,81 %)²⁴⁷.

Подобная же ситуация наблюдается и в пореформенные десятилетия. В период с 1861 по 1891 г. в Сибири водворилось примерно 450 тыс. переселенцев, в том числе в Западной Сибири 350 тыс., а в Восточной Сибири – около 100 тыс.²⁴⁸ Объясняется это рядом обстоятельств. Западная Сибирь была расположена ближе к европейской части страны, здесь находились наиболее плодородные земли. В Восточной Сибири активно заселялась Енисейская губерния, особенно Минусинская котловина. Иркутская губерния и Забайкалье в силу отдаленности от «коренных» губерний империи, сложности природно-климатических условий, малопригодных для земледелия, в меньшей степени привлекали внимание переселенцев.

Таким образом, на протяжении всего XIX в. этническая граница проживания русского населения в Сибири постоянно расширялась. Этот процесс особенно усилился в начале XX столетия после строительства Транссибирской железнодорожной магистрали и провозглашения новой переселенческой политики. Если с 1896 по 1906 г. в Сибирь переселилось 1,1 млн человек, то за 1906–1914 гг. – 3 млн чел., что в 2,7 раза больше. Даже с учетом «обратничества» (обратное переселе-

²⁴⁶ Цифровые показатели рассчитаны автором по материалам: Кабузан В. М., Троицкий С. М. Указ. соч. С. 265; Патканов С. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев. СПб., 1912. Т. 1. С. 3.

²⁴⁷ Кабузан В. М., Троицкий С. М. Указ. соч. С. 269.

²⁴⁸ История Сибири ... Т. 2. С. 24.

ние. – *Авт.*) в восточных районах осталось 2 510 998 переселенцев, 235 039 ходоков, всего 2 745 037 человек²⁴⁹. Как и в дореформенный период, основная масса переселенцев (68 %) оседала в Западной Сибири, на долю Восточной Сибири приходилось 32 %.

Отличительной чертой демографической картины Сибири на протяжении всего изучаемого столетия является крайняя неравномерность распределения населения. Если в губерниях Западной Сибири, составляющих 26 % территории региона, разместилось 8,8 млн чел., то в Восточной Сибири на 74 % территории проживало лишь 30 % населения. В 1912 г. средняя плотность населения составила 2,5 чел. на 1 кв. км в Западной Сибири и 0,4 человека на 1 кв. км в Восточной Сибири. Для сравнения укажем, что в 1913 г. в Англии приходилось 130 жителей на 1 кв. км, Германии – 102, США – 8, России – 6²⁵⁰.

Еще одной особенностью демографических процессов в Сибири было явное преобладание сельского населения над городским. Думается, что она отражала характер развития экономических отношений в регионе. Сибирские города, первоначально возникшие как военные и административные центры, к началу XIX в. утратили эти функции и все больше превращались в места сосредоточения промышленности и торговли. В предреформенные годы в Азиатской России насчитывалось около четырех десятков городов, однако все они находились на разных ступенях развития. Лишь в шести из них население превышало 10 тыс. чел. В Западной Сибири это: Тобольск (16 тыс. чел.), Омск (18 тыс.), Томск (15 тыс.), Барнаул (12 тыс.); в Восточной Сибири: Иркутск (28 тыс.), Красноярск (10 тыс.)²⁵¹. Такие, к примеру, города, как Тобольск и Иркутск, стали уже настоящими торгово-промышленными центрами. В то же время в Сибири было немало и «сельских» городов, население которых не превышало 1–3 тыс. чел.: это Ишим, Ялуторовск, Кузнецк в Западной Сибири, Киренск в Ир-

²⁴⁹ История Сибири ... Т. 3. С. 307.

²⁵⁰ Винокуров М. А., Суходолов А. П. Экономика Сибири. 1900–1928. Новосибирск, 1996. С. 67.

²⁵¹ История Сибири : учеб. пособие. Томск, 1987. С. 185–187.

кутской губернии и др. Некоторые города выполняли функцию пограничных форпостов на юго-востоке Азии. В целом же удельный вес городского населения в пореформенной Сибири был вполне сопоставим с этим показателем в Европейской России и находился на уровне 10 %. К концу XIX – началу XX в. в результате интенсивного притока переселенцев в Сибирь, оседавших преимущественно в сельской местности, это соотношение изменилось. Если в Европейской России в 1900 г. удельный вес горожан вырос до 12 %, то в Сибири, наоборот, снизился до 8 %. Накануне Первой мировой войны эти значения составляли соответственно 27 и 13 %²⁵².

Независимо от мотивов и побудительных причин самого переселения, крестьянское движение на восток объективно приводило к изменению этнической картины азиатской периферии, которая в этом отношении все больше напоминала европейскую метрополию. Хотя коренное население традиционно проживало на «своих породных» землях, однако эти лакуны все больше попадали в окружение русских сел и деревень. Дальнейшее нарастание потока переселенцев в начале XX в. породило острый спрос на удобные для занятия сельским хозяйством земли, образовался дефицит пригодных для заселения земель. В этих условиях правительство приступило к землеустройству аборигенов на принципиально новых основаниях. Тем самым был провозглашен курс на ликвидацию сословия «инородцев», слияния их с русским крестьянским населением. Реализация этой идеи, по замыслу ее петербургских творцов, не ограничивалась одной Сибирью. Воплощение на практике проекта «большой русской нации», о котором пишет Л. И. Горизонтов²⁵³, предусматривало постоянное расширение имперского ядра за счет поглощения окраин. Вариации этой

²⁵² Винокуров М. А. Суходолов А. П. Указ. соч. С. 69.

²⁵³ Горизонтов Л. Е. «Большая русская нация» в имперской и региональной стратегии самодержавия // *Пространство власти: исторический опыт России и вызовы современности*. М., 2001. С. 129–151.

политики можно проследить на примере других окраин империи²⁵⁴.

Таким образом, задача хозяйственного освоения Сибири посредством переселений дополнялась и коррелировалась с идеей интеграции окраин в единое экономическое и социокультурное пространство. Тем самым, по замыслу правительства, решалась стратегическая задача окраинной политики – усиления политического единства империи.

Перераспределение трудовых ресурсов между районами старого и нового заселения, несомненно, оказывало плодотворное влияние на хозяйственное освоение новых земель. Прежде всего создавался широкий рынок рабочей силы, резко возрастал спрос на сельскохозяйственную продукцию, активизировались социокультурные процессы. Все это в период перехода от аграрного общества к индустриальному имело немаловажное влияние на характер развития экономики региона. Представляется также, что сам факт опережающих темпов роста сельского населения Сибири по сравнению с Европейской Россией свидетельствует о том, что темпы аграрной колонизации существенно опережали темпы индустриальной²⁵⁵.

Изучение экономического развития Сибири показывает, что со времени присоединения ее к России и вплоть до начала XX в. основные отрасли производства – сельское хозяйство, промышленность, промыслы – развивались весьма однобоко, выступая в качестве поставщиков сырья для европейского центра. Интересы последнего в лице императорского Кабинета, казны, помещиков и фабрикантов защищала экономическая стратегия правительства в регионе, находившая свое выражение в разработке и практическом осуществлении законодательства, в финансовой, в том числе налоговой, политике, во внешнеэкономической деятельности. Такой подход был осно-

²⁵⁴ См.: Бахтурина А. Ю. Институты и структура управления национальными окраинами // Административно-территориальное устройство России: история и современность / под общ. ред. А. В. Пыжикова. М., 2003. С. 169–201.

²⁵⁵ Подобнее об этом см.: Зиновьев В. П. Особенности перехода Сибири от аграрного общества к индустриальному // Сибирское общество в контексте модернизации XVII–XX в.: сб. материалов Всерос. конф. «Сибирское общество в контексте модернизации XVIII–XX вв.». Новосибирск, 22–23 сент. 2003 г. С. 185–193.

ван на признании экономической зависимости окраин от европейского центра, в котором, по меткому замечанию известного мемуариста XIX в. Ф. Ф. Вигеля, всегда смотрели на Сибирь, как богатая барыня смотрит «на дальнее поместье, случайно ей доставшееся...». Задача поместья заключалась прежде всего в том, чтобы исправно платить «оброк золотом, серебром, железом, мехами», а состояние самого поместья мало беспокоило госпожу. По мнению Вигеля, из Сибири и так все придет само собой, а потому не следовало о ней слишком заботиться²⁵⁶.

Именно такого рода воззрения определяли статус и место Сибири в составе империи. Небезынтересно отметить, что Вигель в своих высказываниях довольно точно очертил ориентацию правительственных интересов в Сибири. Для московских, а затем и петербургских царей и императоров Сибирь на протяжении XVII и XVIII столетий оставалась неисчерпаемым поставщиком столь необходимой государству пушнины²⁵⁷. После того как соболь – наиболее ценный объект пушного промысла – был почти повсеместно выбит, на смену пушнине пришли драгоценные металлы.

Начавшаяся в середине XVIII в. сибирская золотодобыча к середине XIX в. выдвинула Россию в число ведущих золотодобывающих государств мира. Этот процесс шел весьма интенсивно. Если в 1831–1835 гг. из 378 пудов золота, добытого в России, доля Сибири составляла 45 пудов, или 11,9 %, то в 1856 и 1860 гг. эти показатели составляли уже соответственно 1343 и 1048 пудов. Иными словами, на сибирскую золотодобычу в масштабах государства приходилось 78 %. Характерно, что основными районами добычи и выплавки цветных металлов были Алтайский и Нерчинский горные округа, принадлежащие императорскому Кабинету²⁵⁸. Накануне отмены кре-

²⁵⁶ Вигель Ф. Ф. Записки. М., 2000. С. 191. Авторы считают необходимым отметить, что в сибиреведческой литературе этот отрывок впервые был использован А. С. Кузнецовым, а затем А. В. Ремневым. См.: Кузнецов А. С. Сибирская программа царизма 1852 г. // Очерки истории Сибири. Вып. 2. Иркутск, 1971. С. 12; Ремнев А. В. Самодержавие и Сибирь. Омск, 1995. С. 17.

²⁵⁷ См.: Павлов П. Н. Указ. соч.

²⁵⁸ Хроленок С. Ф. Золотопромышленность Сибири (1832–1917). Историко-экономический очерк. Иркутск, 1990. С. 27.

постного права на заводах этих округов выплавлялось свыше 95 % общероссийского серебра, свинца и меди²⁵⁹. В пореформенный период в связи с отменой подневольного труда и примитивной технологией производство цветных металлов резко сократилось – свинца в 4 раза, меди в 2 раза. Из горнодобывающей отрасли, получившей сравнительно быстрое развитие в начале XX в., следует отметить соледобывающую и каменноугольную, доля которых в общероссийском производстве составляла соответственно 12 и 14,5 %. Остальные отрасли горнодобывающей промышленности, например добыча слюды, развивались слабо и неритмично. Примером этому является черная металлургия, не выдержавшая конкуренции с капиталистическим производством центра²⁶⁰.

В конце XIX – начале XX в. из этой плоскости выходит обрабатывающая промышленность, особенно те ее отрасли, которые были связаны с обработкой местного сырья. В. А. Скубневский, внимательно изучавший данный процесс, пришел к обоснованному выводу о том, что «наиболее значительный отряд рабочих обрабатывающей промышленности был сосредоточен в пищевом и овчинно-шубном производствах». Соотнося показатели числа занятых рабочих в обрабатывающей промышленности Сибири и «ведущих промышленных районов страны», историк характеризует их как «мизерное», но в то же время «вполне сопоставимое» с аналогичными показателями других окраин государства, например Средней Азии, Кавказа, Закавказья, Дальнего Востока²⁶¹. Думается, что такое совпадение не случайно. Оно было порождено основными принципами экономической политики империи в отношении азиатских окраин государства, которое рассматривало эти территории как сырьевой придаток промышленно развитого центра. В качестве примера сошлемся на исследование З. Д. Костельской, пришедшей к аналогичному выводу на основе изучения экономической политики империи на другой азиатской окраине –

²⁵⁹ Мухин А. А. Рабочие Сибири в эпоху капитализма. М., 1972. С. 119.

²⁶⁰ Рабочий класс Сибири в дооктябрьский период. Новосибирск, 1982. С. 290.

²⁶¹ Скубневский В. А. Рабочие обрабатывающей промышленности Сибири (90-е гг. XIX в. – февраль 1917 г.). Томск, 1991.

в Туркестане. «Царизм, проникнув в Туркестан и захватив в свои руки все политические и экономические командные высоты, быстро превратил страну в аграрно-сырьевой придаток метрополии», – отмечает автор²⁶². Во второй половине XIX – начале XX в. с особой силой проявилась связь между переселением и уровнем развития сельскохозяйственного производства, основной отраслью которого становится земледелие. Хотя последнее по-прежнему сохраняло экстенсивный характер, тем не менее волна переселенцев стала мощным импульсом его развития. Переселенцы принесли в Сибирь собственную земледельческую культуру, новые приемы агротехники и массовое кустарное производство.

В. Г. Тюкавкин, И. А. Асалханов, Л. М. Горюшкин, авторы коллективных работ²⁶³, на основе изучения развития земледелия Сибири конца XIX – начала XX в. приходят к единодушному мнению о резком возрастании товарности земледелия в рассматриваемый период. Это выразилось в общем увеличении посевных площадей, преимущественном росте посевов пшеницы и овса в частности. За период с 1901 по 1913 г. размер посевных площадей в Сибири вырос с 3,6 до 7,1 млн дес., т. е. почти на 170 %²⁶⁴. Преимущественный рост посевов пшеницы за эти же годы составил от 1,4 до 3,5 млн дес. Иными словами, в структуре посевных площадей около половины приходилось на пшеницу, что свидетельствовало о развитии товарного производства.

Рост посевных площадей приводил к увеличению валовых сборов зерна. В Акмолинской, Тобольской, Томской, Енисейской, Иркутской губерниях валовые сборы составили: в 1901–1905 гг. – 158 млн пудов, в 1906–1910 гг. – 204 млн пудов, 1913 г. – 305 млн пудов. Увеличение валовых сборов пшеницы за соответствующие годы выразилось в следующих показателях:

²⁶² Костельская З. Д. Из истории туркестанского края. М., 1980. С. 62.

²⁶³ Тюкавкин В. Г. Сибирская деревня ...; Асалханов И. А. Сельское хозяйство Сибири конца XIX – начала XX в. Новосибирск, 1975; Горюшкин Л. М. Аграрные отношения в Сибири ...; История Сибири ... Т. 3; Крестьянство Сибири в эпоху капитализма. Новосибирск, 1983.

²⁶⁴ История Сибири ... Т. 3. С. 312–313. Проценты подсчитаны автором.

64, 89, 148 млн пудов²⁶⁵. Сибирский хлеб, особенно после завершения строительства Транссиба, буквально хлынул на российский рынок, что составило серьезную конкуренцию помещичьим хозяйствам Европейской России. Однако тарифная политика правительства (челябинский тарифный перелом 1896–1911 гг.), искусственное завышение цен на ввозимый в Европейскую Россию сибирский хлеб снижали конкурентоспособность последнего и, таким образом, сдерживали экспорт. Сохранение помещичьего землевладения в Европейской России накладывало существенный отпечаток на экономическую политику правительства в Сибири. Лишь в 1913 г. тарифный перелом был полностью отменен.

Тенденции, связанные с ростом товарности, происходили и в мясо-молочном скотоводстве. Сибирское маслоделие росло столь стремительно, что за короткий срок обогнало многие известные маслодельческие центры страны. В отличие от хлеба, ввоз масла на территорию Европейской России не облагался пошлинами. В результате прибыли от ввоза масла были столь значительными, что в Сибири началась «масляная лихорадка». Бурными темпами шел процесс перегруппировки стад, приобреталось оборудование для переработки молока, создавались частные и кооперативные маслодельческие заводы²⁶⁶. За два неполных десятилетия XX в. экспорт масла из Сибири вырос до 4,5 млн пудов, что в стоимостном выражении составило 68 млн руб.²⁶⁷ В более ранней своей работе этот же автор приводит следующие показатели: с 1894 по 1907 г. выручка от экспорта масла поднялась с 4 тыс. до 44,5 млн руб. Соответственно рос и вывоз самого масла. За период с 1900 по 1907 г. он составил соответственно 16 и 48 тыс. т²⁶⁸. Значительная часть масла шла на внешний рынок. Например,

²⁶⁵ История Сибири ... Т. 3. С. 312–313.

²⁶⁶ Крестьянство Сибири ... С. 196.

²⁶⁷ Горюшкин Л. М. Экономическое развитие Сибири в конце XIX – начале XX в. Новосибирск, 1990. С. 3–11.

²⁶⁸ Горюшкин Л. М. Сибирское крестьянство на рубеже двух веков. Конец XIX – начало XX в. Новосибирск, 1967. С. 158–159.

только в одном 1913 г. за границу было отправлено 4448,7 тыс. пуд., или 74,1 % произведенного в Сибири масла²⁶⁹.

Отмеченные явления, связанные с развитием различных отраслей сибирской экономики, были невозможны без создания устойчивой системы коммуникаций, соединяющей Сибирь с основными промышленными и финансовыми центрами империи. В этом смысле существенную роль сыграло установление почтовой и телеграфной связи региона с Европейской Россией. Первой по времени была введена почтовая связь. Еще в 1800 г. Павел I учредил особый сибирский почтамт в Тобольске, а в 1804 г. в Иркутске открылась экспедиция почтовых сообщений. В 1830 г. в России были образованы почтовые округа, в том числе и сибирский. В 1862 г. решением правительства округ разделили на Западно-Сибирский и Восточно-Сибирский, а несколько позже, в 1880 г., постановлением начальника Главного управления почт и телеграфов империи был учрежден Иркутский почтово-телеграфный округ, компетенция которого распространялась на все административные образования Восточной Сибири²⁷⁰. Однако гораздо более значимым стало установление телеграфного сообщения Сибири с губерниями Европейской России. В 1863 г. была осуществлена телеграфная связь между Екатеринбургом и Омском, спустя два года телеграф появился в Томске, в следующем – в Иркутске, в 1866 г. телеграф связал Тюмень с Тобольском. Отмечая это событие, автор известной сибирской хроники И. В. Щеглов писал, что «ныне телеграфные сообщения имеются между многими городами Сибири»²⁷¹. Развитие средств связи оказывало значительное влияние на темпы и масштабы инкорпорации Сибири в общероссийские экономические процессы. Тем не менее увеличение товарности хозяйства и тесно связанный с ней рост оборотов внутренней и внешней торговли в большей степени обуславливались не развитием средств связи, а прежде всего путями сообщения. Неслучайно в литературе во-

²⁶⁹ История Сибири ... Т. 3. С. 318.

²⁷⁰ Гольдфарб С. Иркутская почта. Иркутск, 1998. С. 264–267.

²⁷¹ Щеглов В. И. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири. 1032–1882 гг. Сургут, 1993.

проса отмечается, что «возможности и характер торговли в значительной степени определялись состоянием транспорта»²⁷².

Главной экономической артерией, связывающей Сибирь с промышленно развитыми районами Европейской России, оставался Московский тракт. По нему шел основной поток грузов внутренней и внешней торговли. Однако скорость движения поездов была невысокой – от 30 до 55 верст в день в зависимости от качества дороги. При слабой развитости гужевого транспорта стоимость перевозок зачастую превышала стоимость самого товара. Поэтому исключительно важным стало начало технического переворота на транспорте, связанного в первую очередь со строительством сети железных дорог в крае. Основным инвестором в данном случае выступала казна.

Первой из сибирских железных дорог стал маршрут Екатеринбург – Тюмень, сданный в эксплуатацию в 1885 г. Однако в последующие годы строительство железных дорог в Сибири велось очень быстрыми темпами. К 1913 г. в Азиатской России функционировали Амурская, Уссурийская, Китайско-Восточная, Забайкальская, Сибирская, Алтайская и ряд других железных дорог. В этом же году была сдана в эксплуатацию железнодорожная ветка Тюмень – Омск, проходившая по густонаселенным уездам с развитым маслоделием и излишками товарного хлеба, строились Алтайская, Кальчугинская, Кулундинская и Минусинская железные дороги. Всего в 1915–1917 гг. на территории Сибири функционировали Омская (2318 км), Томская (1815 км), Забайкальская (1720 км) железные дороги, принадлежащие казне и являющиеся составными частями Транссибирской железнодорожной магистрали. Кроме того, четыре дороги принадлежали частным акционерным обществам, в том числе Алтайская (750 км), Кальчугинская (245 км), Минусинская (454 км)²⁷³. Эти железные дороги соединяли важные экономические районы с Транссибирской магистралью. Таким образом, в первые 10 лет XX в. в Сибири было построено около 6 тыс. км железных дорог, или около 700 км в

²⁷² Очерки истории Алтайского края. Барнаул, 1987. С. 147.

²⁷³ Рабочий класс Сибири в дооктябрьский период. Новосибирск, 1982. С. 365.

год, и 45 крупных мостов через такие реки, как Иртыш, Обь, Енисей²⁷⁴.

Транссибирская магистраль прочно связывала Сибирь с центром страны. Она являлась основной артерией, по которой в обоих направлениях непрерывно перемещались потоки грузов. Стремительно растущий водный транспорт уступал ей по грузообороту и в основном обслуживал внутренние потребности. К 1917 г. общее число транспортных рабочих Сибири достигло 160 тыс. чел. Из них железнодорожники составляли 118,5 тыс., водники – примерно 40–45 тыс. чел.²⁷⁵

Рассмотрение основных отраслей хозяйства позволяет заключить, что на протяжении всего имперского периода место Сибири в экономике России оставалось неизменным – как поставщика сырья. Правда, само понятие «сырье» менялось. Если на протяжении XVII и первой половины XVIII в. это была пушнина, то затем в связи с истощением пушных запасов, открытием месторождений золота, именно золото стало основной статьей сибирского «экспорта» в Европейскую Россию. Во второй половине XIX и начале XX столетия на первое место по значимости выходит продукция сельского хозяйства – прежде всего масло. Именно это аграрное сырье служило основным источником для работы местной перерабатывающей промышленности и основной статьей внутреннего вывоза и экспорта за границу. Правительственная политика, в том числе и в экономических вопросах, не только учитывала особенности хозяйственного развития региона, но в первую очередь отражала интересы императорского Кабинета, казны и связанных с ними общественных слоев. Неслучайно в начале XX в. именно земельная рента, а не ясак и золото, становится основным источником финансовых поступлений от эксплуатации сибирских земель. Это находило отражение в налоговом законодательстве и практике его реализации²⁷⁶.

²⁷⁴ Винокуров М. А., Суходолов А. П. Указ. соч. С. 262.

²⁷⁵ Мухин А. А. Указ. соч. С. 148.

²⁷⁶ Вопрос о месте Сибири в имперском законодательстве был рассмотрен одним из авторов в ряде статей, в том числе: Дамешек И. Л. Соотношение имперских принципов и регионализма в Российском законодательстве // Гуманитарные науки в Сибири.

Уровень развития региона и его место в экономике государства принято оценивать в цифрах. Поскольку в сибиреведческой литературе уже имеется такого рода анализ, основанный на весьма солидной источниковой базе и грамотной методологии подсчетов, отметим следующее: ко времени крушения монархии население Сибири составляло примерно 7 % от общей массы народонаселения империи. При этом Сибирь давала около шестой части валового производства хлеба и около 2 % стоимости промышленного производства. На долю Сибири приходилось 8,3 % длины железных дорог, 6,5 % числа перевозок, 5,5 % торговых заведений, 4 % наемных рабочих России. В городах проживало 12 % населения. Таким образом, Сибирь имела относительно развитое сельское хозяйство, средний по уровню развития транспорт и весьма слабую промышленность²⁷⁷.

Сер. Отечеств. ист. 2003. № 2. С. 53–55; Дамешек И. Л. Российское законодательство и Сибирь: соотношение имперских принципов и регионализма // Россия и Сибирь: проблемы взаимодействия в региональной политике и исторической ретроспективе : материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 180-летию сиб. реформе М. М. Сперанского. (25–26 февр. 2003 г.). Ч. 1: Пленарное заседание и работа секций. Иркутск, 2004. С. 37–53.

²⁷⁷ Зиновьев В. П. Рабочие Сибири 1907–1917 гг. // Рабочие Сибири в период капитализма. Томск, 1979. С. 5–7.

ГЛАВА 2

«Инородческий вопрос» в сегменте правительственной политики

2.1

РОЛЬ ЭТНИЧЕСКОГО И ПРИРОДНО-ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ФАКТОРА В ОКРАИННОЙ ПОЛИТИКЕ

Рассматривая историко-типологические модели взаимоотношения центра и окраинных регионов России, следует отметить, что длительный и сложный процесс выстраивания этого взаимодействия отражал не только эволюцию идей и концепций развития государственно-политической системы Российской империи в целом. Отношения центра и периферии выстраивались не в безвоздушном пространстве, а в конкретных условиях Российской действительности. Существенное влияние на формирование и развитие имперских процессов в регионах оказывали не только субъективные, но и объективные факторы – этнические и природно-климатические особенности территорий. Эти два понятия, несмотря на известные различия, в то же время тесно связаны между собой и как бы дополняют друг друга. Действие этнического фактора всегда имеет определенную временную, т. е. историческую, и в то же время географическую локализацию. Изолированное изучение этносов вне рамок конкретной природно-географической среды обитания не позволяет в полной мере раскрыть механизм формирования и функционирования подходов государства в отношении той или иной этнической группы. С точки зрения системного представления значимости и места окраин

во внутренней политике империи представляется целесообразным рассмотреть вопрос о роли естественно-географического и этнического факторов в окраинной политике. По своей структуре Российская империя была «составным» государством. В ее состав входили регионы как со значительной степенью автономии, так и с локальным самоуправлением, но сильно интегрированным в административную систему империи. Регионы России в силу их исторической специфики (времени и формы вхождения в состав империи, этнического, конфессионального состава населения и др.) представляли собой различные варианты имперских процессов. Все это порождало поливариантность имперской идеологии и имперской практики в региональном измерении²⁷⁸.

Образование Российской империи проходило на протяжении длительного времени и не было результатом стихийно действующих обстоятельств. Одним из наиболее характерных явлений этой многовековой истории стал процесс «собирания земель». Автору представляется, что термин «собирание земель» вполне применим для оценки правительственной политики по расширению территории не только эпохи образования единого Российского государства, но и более позднего периода. Он довольно активно используется в исторических исследованиях последних лет²⁷⁹. Московские Рюриковичи и петербургские Романовы рассматривали современную им Россию как наследницу земель и идей Киевской Руси. Неслучайно в официальном титуле российского самодержца наряду с землями, вошедшими в состав России в XVI–XVII вв., т. е. после завершения процесса объединения земель, содержалось упоминание Новгородских, Киевский, Псковских, Владимирских и иных территорий, являвшихся собственностью еще Древнерусского государства²⁸⁰. Возникновение теории «третьего Рима» стало идеологическим обоснованием этой убежденности. Одной из форм реализации этой теории была внешняя поли-

²⁷⁸ Ремнев А. В. Имперское пространство России ... С. 317.

²⁷⁹ Агеев А. Д. Указ. соч. С. 94; Миронов Б. Н. Указ. соч. Т. 1. С. 26; Каппелер А. Формирование Российской империи ... С. 1–12.

²⁸⁰ Мурашев Г. Титулы, чины, награды. СПб., 2003. С. 5–7.

тика, со времен Олега и Святослава направленная на укрепление и расширение границ государства. Здесь уместно отметить, что стремление России к расширению своих границ не было каким-то исключительным явлением, характерным только для нее.

Этот процесс можно наблюдать и на примере других «цивилизаций» Европы и США. В большинстве случаев типология данного явления вполне сопоставима. Как правило, для территориального роста того или иного государства характерно многообразие методов – от прямого завоевания до добровольного присоединения и подписания официальных документов.

В Европе период складывания единых государств ознаменовался резким усилением борьбы за новые земли. Существующее до сих пор Британское содружество или, к примеру, Франция с ее заморскими департаментами являются в известной мере наследниками этой борьбы. Не стали исключением и США, территория которых создавалась не только в результате подписания договоров с индейскими племенами, но и путем откровенного насилия, военной экспансии. Сопоставляя процесс формирования территориальных границ на примере европейских государств, США и России, нельзя не прийти к заключению, что зачастую сложно отделить экспансию как насильственное присоединение земель от мирной колонизации – как прежде всего земледельческого освоения, хозяйственного вовлечения в оборот новых территорий. На практике эти процессы тесно переплетались и усиливались интеграционной политикой, направленной на скорейшую ассимиляцию новых территорий с «основным» историческим ядром государства. Поэтому колонизация – отнюдь не всегда насильственное завоевание. Исследователь истории российской имперской государственности Н. И. Цимбаев обоснованно отмечает, что российская колонизация – «это есть хозяйственное и культурное освоение новых территорий, включение народов, там обитающих, в орбиту влияния европейской цивилизации. Не случайно издавна наиболее чтимым святым на Руси был ...Николай Угодник, покровитель путешественников и торгов-

цев»²⁸¹. Однако несомненно, что способы приобретения тех или иных территорий государством оказывали немаловажное влияние на выстраивание впоследствии политической линии взаимоотношений «центра» и «периферии».

Территориальная экспансия России на всех этапах ее истории в первую очередь объяснялась геополитическими факторами, связанными со стремлением обеспечить прочность границ государства. Разумеется, в этом колонизационном движении присутствовали и экономические мотивы. Однако трудно не согласиться с авторами «Истории XIX века» под редакцией профессоров Лависа и Рамбо, с российским историком Б. Н. Мироновым, швейцарским исследователем А. Каппелером и другими, которые хотя и по-разному, но в принципе выражают одну и ту же мысль: в российской внешней экспансии преобладали стратегические внешнеполитические, а не экономические мотивы²⁸². В то время, сознавая всю непрочность и сиюминутность насильственных мероприятий, российские власти вслед за военной экспансией начинали властное, в первую очередь политико-административное освоение новых территорий, затем наступала очередь экономической интеграции. Это было одно из проявлений взаимосвязи между внутренней и внешней политикой, присущих «каждой стране на любом этапе ее истории»²⁸³.

Процесс «оцентрирования границ» завершился лишь во второй половине XIX в., когда окончательно устанавливаются границы империи. Итогом территориальной экспансии стало превращение России в крупнейшее государство мира площадью около 22 млн кв. км, с населением 178 млн чел. (с Финляндией и Польшей к 1914 г.). К осени 1917 г. российская монархия представляла собой унитарное централизованное государство, единство которого обеспечивалось и олицетворя-

²⁸¹ Цимбаев Н. И. Российская имперская государственность к пониманию проблемы // Российская империя: стратегия стабилизации и опыты обновления. Воронеж, 2004. С. 15.

²⁸² История XIX в. Под редакцией профессоров Лависа и Рамбо. М., 1938. Т. 6. С. 994; Миронов Б. М. Указ. соч. С. 26–27; Каппелер А. Россия – многонациональная империя. М., 1997. С. 21–22.

²⁸³ Тарле Е. В. От редактора // История XIX в. / под ред. Лависа и Рамбо. Т. 1. С. 14.

лось императором. На практике же Россия являла собой конгломерат административных единиц, неравнозначных по экономическому и политическому развитию, далеко не однородных по этническому и конфессиональному составу населения²⁸⁴. На протяжении всей истории существования империи национальный вопрос оставался весьма сложной проблемой для правительства. Россию не раз сотрясали мощные национальные конфликты. Для исследуемого нами периода отметим восстания 1830–1831 и 1863 гг. в Польше, движение Шамиля на Кавказе, волнения местного населения в Туркестане в 1916 г. Перечень этот можно продолжить. Поэтому центральные власти были вынуждены учитывать национальный фактор в своей политике.

Развитие отношений центра с национальными окраинами неотделимо от процесса формирования политико-административной системы империи. Именно в рамках этой системы определялись конкретные модели взаимоотношения с этносами. Однако одним из наиболее важных принципов выстраивания дискурса центр – национальная окраина (периферия) был вопрос о характере вхождения той или иной территории в Россию²⁸⁵, о существовании или, наоборот, отсутствии в ней государственности, общепризнанных в Европе норм права и т. д. Именно это обстоятельство предопределило появление своеобразных политических автономий на территории Российской империи, какими, к примеру, были Польша и Финляндия. Однако автономии эти были различны по содержанию. Они развивались спорадически, размер самой автономии зависел от многих, в том числе внутри- и внешнеполитических факторов. Однако стратегической линией государственной политики оставался курс на интеграцию этих территорий в экономическое, административное и социокультурное

²⁸⁴ Политическая история. Россия – СССР – Российская Федерация. В 2 т. М., 1996. Т. 1. С. 39; Миронов Б. Н. Указ. соч. С. 28; Административно-территориальное устройство ... С. 202.

²⁸⁵ Каппелер А. Формирование Российской империи ... С. 6. А. Каппелер этот тезис формулирует следующим образом: «Оказывали ли жители этих регионов военное сопротивление против включения в Россию...или присоединялись добровольно... или их реакция была между этими крайностями».

пространство империи, что особенно откровенно проявилось в эпоху контрреформ.

Этнический фактор, несомненно, накладывал отпечаток на формирование административной инфраструктуры государства. Она была вынуждена учитывать определенные национальные традиции и особенности вплоть до названия административно-территориальных единиц и должностных лиц, традиционного «национального» законодательства. На окраинах допускалось даже «иностранческое» самоуправление на низшем уровне. Разумеется, эта система неоднократно трансформировалась в соответствии с изменениями административно-территориального устройства империи в целом. Однако общим для всех национальных окраин оставалась концентрация основных властных полномочий в руках центра и лишь определенная трансляция этих полномочий местным органам власти. Соотношение полномочий центра и периферии были просто несопоставимы.

На национальных окраинах влияние этносоциального фактора особенно рельефно проявилось на начальных этапах инкорпорации территорий. Во всех регионах – в Польше, Финляндии, на Кавказе, в Сибири – наблюдается стремление царизма опереться на национальную элиту. После взятия Казани «привилегии и земли лояльной татарской аристократии ...были сохранены»²⁸⁶, на национальных окраинах Урала, Сибири, Дальнего Востока «шел процесс формирование местных элит, состоящих из представителей... родовой знати и старшин местных народов...»²⁸⁷, представители родоплеменной знати в «массовом порядке» принимались на русскую службу, им присваивались русские классные чины, вручались именные подарки и т. д. Более того, в регионах, коренное население которых до прихода русских не знало письменных законов, центральные власти официально предписывали при разборе «ма-

²⁸⁶ Каппелер А. Формирование Российской империи ... С. 7.

²⁸⁷ Каменский А. Б. Элиты Российской империи и механизмы административного управления // Российская империя в сравнительной перспективе: сб. ст. / под ред. А. И. Миллера. М., 2004. С. 115–139.

ловажных дел» руководствоваться нормами обычного права коренных народов²⁸⁸.

В истории России при выстраивании взаимоотношений центральных властей с национальными окраинами имели место случаи протекционистской политики по отношению к этим регионам и его населению, предоставления им существенных налоговых льгот по сравнению с населением «внутренних» губерний империи. Так, например, «своя» финансовая система существовала в Финляндии. Без одобрения сейма вводить новые налоги в Финляндии было нельзя. Княжество имело свою таможенную границу, а таможенное законодательство предоставляло право беспошлинной торговли с Россией, в то время как российские товары облагались пошлиной. Денежные средства княжество имело право хранить в зарубежных банках²⁸⁹. Для другой западной окраины – Польши – конституция 1815 г. гарантировала несомненную самостоятельность именно в области финансов. По мнению Е. А. Приваловой, специально изучавшей этот вопрос в хронологических рамках 1815–1866 гг., область финансов «представляла собой ту деятельность, где правительство Царства обладало наибольшей самостоятельностью». В 1815–1830 гг. Царство Польское было наделено важнейшими атрибутами финансовой самостоятельности: бюджетной автономией, казной и самостоятельной ответственностью по государственному долгу²⁹⁰. Реализацию этих же принципов, предусматривающих особую гибкость и осторожность по отношению к нерусскому населению окраин империи, можно наблюдать и в Сибири. Уже в XVII в. применительно к этому зауральскому краю по мере продвижения русских колонистов с запада на восток правительственные указы требовали не допускать

²⁸⁸ Таким документом является инструкция Сената, данная за «высочайшим подписанием» лейб-гвардии Семеновского полка секунд-майору Щербачеву, командированному в 1763 г. в Сибирь для урегулирования ясачного сбора. См.: Булычев И. Путешествие по Восточной Сибири. СПб., 1856. Ч. 1. С. 23–40.

²⁸⁹ Новикова И. Н. Особое государство или провинция империи ... С. 269.

²⁹⁰ Привалова Е. А. Россия и Царство Польское: механизмы бюджетно-финансовых отношений в имперской системе (1815–1866) // Пространство власти: исторический опыт России и вызовы современности. М., 2001. С. 236–237.

столкновения «новоприходчиков» и аборигенов из-за земли²⁹¹, что обеспечивало сибирским народностям возможность выполнения ими основной обязанности по отношению к государству – уплаты ясака. Ясак, в совокупном обложении исчисляющийся в размерах, гораздо меньших, чем налоги русского крестьянства, являлся важной статьёй государственных, а с середины XVIII в. личных доходов дома Романовых. Тем не менее «инородцы», принявшие православие, в соответствии с действующим в империи законодательством освобождались на три года от уплаты ясака²⁹².

Однако наиболее массовой льготой этнического характера стало решение правительства об освобождении «инородцев» от военной службы²⁹³, несмотря на введение всеобщей воинской повинности в 1874 г.

Анализируя влияние этнического фактора на формирование окраинной политики, следует заметить, что, как правило, действие его проявлялось не изолированно, а в сочетании с иными обстоятельствами. Наиболее значимыми из них были естественно-географические особенности региона. О влиянии географической среды на экономику и социальные процессы в отечественной историографии пишут давно²⁹⁴. Немало работ появилось и в последние 15–20 лет²⁹⁵. Несмотря на определенные различия в подходах к теме, исследователей этой проблематики в принципе объединяет то, что большинство из них акцент в научных изысканиях делают на изучении одного аспекта этой сложной и многогранной темы – влияния географического фактора на хозяйственную деятельность человека. Социальную же сущность взаимодействия человека и

²⁹¹ Буцинский П. Н. Указ. соч. С. 330–332.

²⁹² ПСЗ-II. Т. 7, № 5847.

²⁹³ Об этом подробнее см.: Дамешек Л. М. Внутренняя политика царизма ... С. 112–121.

²⁹⁴ Дулов А. В. Дореволюционные историки о роли географической среды в истории России периода феодализма // Сибирский исторический сборник: соц.-экон. и полит. развитие Сибири / отв. ред. И. И. Кузнецов. Иркутск, 1975. С. 45–76.

²⁹⁵ Анучин В. А. Географический фактор в истории России. М., 1982; Дулов А. В. Географическая среда и история России: XVI – середина XIX в. М., 1983; Милов Л. В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998; Зуляр Ю. А. Очерки природопользования в Байкальском регионе. Иркутск, 2002; Миронов Б. Н. Социальная история России. Т. 1. СПб., 2003; и др.

природы, как представляется, наиболее отчетливо выражает тезис Л. Н. Гумилева, согласно которому этнос представляет собой не что иное, как продукт процесса адаптации к определенному ландшафту²⁹⁶. Поэтому думается, что в этом плане данная проблематика еще ждет своего исследователя. Мы же в связи с рассматриваемым сюжетом отметим, что природно-географический и тесно связанный с ним ресурсный факторы оказывали существенное влияние на окраинную политику России.

Исследователи истории Сибири более раннего периода единодушны в том мнении, что при выборе методов колонизации решающими являлись географический и фактор природных ресурсов. В уже упоминавшемся выступлении А. Б. Каменский прямо отмечал, что «огромная территория страны, удаленность центра от окраин делали центральную власть фактически зависимой от местной, ведь именно на основании информации с мест принимались решения в столице, именно эта удаленность вынуждала наделять местную власть большими полномочиями»²⁹⁷. Географический фактор оказывал непосредственное влияние на административно-территориальное устройство регионов, функции органов власти и управления, полномочия должностных лиц. В империи существовали специальные органы по управлению этими территориями. В исследуемом автором хронологическом отрезке времени это были Кавказский, Польский и Сибирские комитеты в центре и институты наместников, генерал-губернаторов и главных управлений на местах. В этой структуре окраинного управления особое значение имел институт генерал-губернаторов как «главных блюстителей неприкосновенности верховных прав самодержавия... и точного исполнения законов и распоряжений правительства»²⁹⁸. Наряду с генерал-губернаторами в ряде территорий, как, например, на Кавказе, существовал институт наместников, обладающих широкими военными и адми-

²⁹⁶ Гумилев Л. Н. Люди и природа Великой степи // *Вопр. истории.* 1987. № 11. С. 15–25.

²⁹⁷ Каменский А. Б. *Указ.* соч. С. 10.

²⁹⁸ СЗРИ. 1892. Т. 2. *Общее губернское учреждение.* Ст. 208.

нистративными правами по управлению регионом. Несмотря на стремление к централизации, петербургские власти реально сознавали невозможность концентрации всех властных функций по управлению окраинными территориями в столице и были вынуждены делиться частью из них с высшими должностными лицами регионов. Здесь небезынтересно отметить, что зачастую функциональный характер и компетенция главных органов местного управления была тем шире, чем дальше находилась от центра подведомственная территория. Известное значение в данном случае играл и внешнеполитический фактор. Эта особенность хорошо прослеживается на примере сопоставления должностных функций и обязанностей генерал-губернаторов Западной и Восточной Сибири. Так генерал-губернатор Восточной Сибири начиная со времени Н. Н. Муравьева (впоследствии Амурского) обладал известными дипломатическими полномочиями, специальной дипломатической канцелярией, чего не было у его западносибирского коллеги. Характерно, что местная власть зачастую была далеко не безгрешна в использовании и истолковании этих полномочий. Исследование корпоративной этики чиновничества свидетельствует о том, что масштабы злоупотреблений по службе в немалой степени зависели от удаленности от центра и, как следствие, отсутствия действенного контроля²⁹⁹.

Структура местных органов управления и их функциональный характер в известной степени определялись и ресурсными факторами, экономическими потребностями по инкорпорации окраинных территорий в общероссийские экономические процессы. В Сибири, например, были открыты Алтайский и Нерчинский горные округа, в связи с началом активной добычи золота в структурах Главных управлений Западной и Восточной Сибири были учреждены специальные горные отделения, с началом массового переселения на местах стали действовать специальные переселенческие отделы.

²⁹⁹ Сигов В. В. Корпоративная этика сибирского чиновничества Восточной Сибири в царствование Николая I : дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2001. С. 15.

Влияние ресурсного фактора находило выражение и в законодательной политике. На протяжении XVIII и XIX вв. был принят ряд законов по охране сибирских лесов, о временном прекращении добычи соболей для восстановления популяции этого ценного промыслового зверя и т. д.

На характер взаимоотношений центра и окраинных регионов значительное влияние оказало и интенсивное железнодорожное строительство, развитие средств связи, системы коммуникаций в целом, что открывало перспективу активной экономической эксплуатации окраин империи.

В конце XIX в. в связи с усилившейся интеграцией окраинных земель в общероссийское экономическое и политико-административное пространство значение этнического и географического фактора во внутренней политике трансформируется. Стремление к экономической интеграции, которая стала рассматриваться как важнейший стимул к политической консолидации империи и изживанию национального сепаратизма, становится преобладающим. Это повлекло изменения в административной и социокультурной политике центра по отношению к периферии и, как следствие, разработке единого законодательства.

2.2

СИБИРСКИЙ ВАРИАНТ ИНКОРПОРАЦИИ АБОРИГЕНОВ В ИМПЕРИЮ: СООТНОШЕНИЕ МЕТОДОВ

Историко-типологические модели интеграции окраинных территорий в состав Российской империи формировались и развивались на протяжении всего периода существования государства и отличались существенным разнообразием. В основе дифференцированного подхода правительства к окраинам и народам Европейской и Азиатской России лежали особенности геополитического положения конкретного региона,

природно-климатические условия, этнический и религиозный факторы, сословный состав населения и др. На востоке империи процесс властного освоения новых территорий в XVII в. претерпел существенные изменения. На смену военно-мобилизационным пришли политико-административные и экономические методы. Вновь присоединенные территории правительство теперь стало рассматривать не только как плацдарм для дальнейшего расширения границ государства на восток, но и как важный источник поступления в казну ценной сибирской пушнины. Именно финансовые соображения предопределили позиции центральной власти в вопросах землепользования аборигенов. Уже первые правительственные указы требовали не допускать столкновения колонистов и иноверцев из-за земли. Когда в 1639 г. татарские жители волостей Ермолаевой, Колмаковой и др. в Западной Сибири пожаловались государю, что «русские крестьяне ...поселились дворами своими на их землях», отняли пашни и покосы, а в «наших угодьях промышляют бобров, лисиц и соболей», местные воеводы немедленно приняли сторону «иноверцев» и со своей стороны обратились в Москву с просьбой «свести» русских крестьян с «иноверческих» земель, что и было сделано³⁰⁰. Аналогичные принципы правительственного подхода к «иноверческим делам» можно наблюдать и на Дальнем Востоке на примере действия там отряда Е. П. Хабарова в 1649 г. На Амуре Хабаров вместо того, чтобы призывать «иноверцев» в русское подданство «ласкою и приветом», как требовали того царские инструкции от начальников всех отрядов землепроходцев, грабил, жег, насиловал и убивал. Именно поэтому в сентябре 1653 г. он был отстранен от должности прибывшим с инспекционной поездкой из Москвы дворянином Д. И. Зиновьевым, а новым приказным человеком на Амуре назначен О. Степанов³⁰¹.

В XVII в. для московских Романовых Сибирь была неисчерпаемым источником ценной «мягкой рухляди». Правитель-

³⁰⁰ Буцинский П. Н. Указ. соч. С. 330–332.

³⁰¹ Артемьев А. Р. Формирование геополитических интересов России на Дальнем Востоке и присоединение к ней Приамурья и Приморья (середина XVIII – 1860 г.) // Русская Америка и Дальний Восток. Конец XVIII – 1867 г. Владивосток, 2001. С. 287.

ственные указы требовали взимать ясак исключительно мехами. Однако к началу XVIII в. правильность такой политики оказалась под сомнением. Соболь был почти повсеместно выбит, и у многих «иноверцев» охота стала превращаться в подсобное занятие – с одной стороны. С другой, интенсивный приток русского населения, потребности в развитии надежной продовольственной базы на востоке заставили правительство взглянуть на народы Сибири не только как на плательщиков ясака, но и как на потенциальных хлебопашцев. Правда, до конца XVIII в. поощрительные меры к занятию земледелием чередовались с попытками побудить аборигенов к занятию исключительно пушным промыслом. В XIX в. попытки обеспечить приоритет звероловства над хлебопашеством были уже нежизненными, тем более что развитие в Сибири горной промышленности, начало массовой золотодобычи, рост численности городов и русского населения в целом порождали все возрастающий спрос на продукты земледелия. Экономические потребности, воздействие русской деревни, мероприятия администрации послужили толчком к развитию пашенного земледелия у народов Сибири и, как результат, возрастанию оседлости. В хозяйственном отношении возникновение земледелия и возрастание оседлости у аборигенов стали важнейшими результатами прихода русских в Сибирь.

Однако распространение пашенного земледелия у народов Сибири имело целью не только экономическую, но и их социокультурную инкорпорацию в составе империи, а в конечном итоге превращение Сибири в Россию. В этом плане особая роль отводилась православному русскому крестьянину-земледельцу, который должен был духовно сплотить империю, научить сибирского «инородца» не только пахать, косить, строить дома, но даже молиться и думать по-русски. В этом смысле проблемы имперского и национального строительства тесно переплетались и были призваны обеспечить стабильность империи на перспективу. Именно такую задачу колонизации Сибири видели современники, отстаивающие идею «поглощения» русским национальным ядром восточных окраин империи.

К занятию земледелием народы Сибири приобщились в разное время и в различной степени. Объясняется это отличиями в природно-климатических условиях мест обитания и степенью интенсивности влияния русской деревни. На примере бурят Иркутской губернии хорошо видно, что первое место в области земледелия занимали бурятские роды, проживающие совместно с русскими в удобных для хлебопашества долинах рек. Приемы агротехники, календарные сроки и даже религиозные обряды, связанные с началом и окончанием полевых работ, были заимствованы ими у русских крестьян.

Под влиянием христианства буряты вместе с зерном стали разбрасывать по пашне скорлупу крашенных яиц с сакральным смыслом – оплодотворения земли, чтобы хорошо вырос хлеб.

Уборку урожая начинали в конце августа – перовой декаде сентября. Сначала косили овес и ячмень, во второй половине сентября жали рожь и пшеницу. Сжатый хлеб связывали в снопы и складывали в копны. После окончания жатвы снопы свозили в усадьбу в специальные загороди – овин или гумно. По окончании полевых работ земледельцы-аборигены устраивали праздник урожая. Во время уборки урожая на краю пашни оставляли пучок срезанных колосьев – это была доля «хозяина» земли. Такой обычай был заимствован у русских крестьян, которые оставляли в поле несжатый клочок хлеба для предохранения земли от бесплодия.

На систему земледелия существенное влияние оказывали природные условия. У якутов преобладала подсечно-переложная система, у хакасов под влиянием русских крестьян выработалась парозалежная система. У бурят Иркутской губернии господствовала паровая двухпольная система полеводства. Вся культивируемая площадь делилась на два клина: один находился под паром, другой – под посевом. У забайкальских бурят существовала парозалежная система земледелия³⁰².

Наибольших успехов в земледелии добивались «иностранцы», пахотные угодья которых находились на границах воло-

³⁰² Подробнее см.: Андреев Ч. Г. Коренные народы Восточной Сибири во II половине XIX – начале XX в. Улан-Удэ, 2001. С. 90 и др.

стей, смежных с землями, занимаемыми русскими крестьянами. В хозяйстве жителей Аскизского ведомства Енисейской губернии (у хакасов), в Иркутской губернии у бурят Балаганского, Иркутского и Нижнеудинского округов уже в середине XIX в. земледелие стало играть доминирующую роль. Современники не раз отмечали, что у них отлично родится рожь, пшеница, ячмень, овес. Неслучайно на публичной сельскохозяйственной выставке в 1858 г. в Иркутске многие буряты были награждены медалями и похвальными листами за успехи в земледелии.

Под влиянием русских крестьян у всех народов Сибири, перешедших к оседлому образу жизни, были заведены огороды. На них с успехом культивировались картофель, огурцы, морковь, свекла, капуста. Даже в северной Якутии в Олекминском округе в 1890 г. местные жители-якуты собрали 30 тыс. пудов картофеля.

По мере успехов земледелия оно все больше приобретало товарный характер. В ряде «иностранческих» хозяйств различных губерний на продажу хлеба приходилось до 70 % всего урожая. Хлеб сбывался на золотые прииски, винокуренные заводы, в различные казенные места.

В целях повышения эффективности своего хозяйства богатая верхушка «иностранцев» приобретала современные по тогдашним понятиям орудия сельскохозяйственного производства: сенокосилки и конные грабли, железные плуги, бороны, конные и даже паровые молотилки, веялки, строили водяные мельницы. Среди «иностранцев» появились представители крупных европейских фирм, производящих сельскохозяйственное оборудование: «Мак-Кормик» и «Осборн».

Развитие земледелия и сенокосения у народов Сибири имело большое значение в переходе их к оседлости. Татары, буряты, хакасы по примеру русских крестьян начали рубить деревянные дома, амбары, хозяйственные постройки. В связи с этим у них стало развиваться плотничное ремесло, они научились делать телеги, сани, сохи, бороны. Большое распространение получили извозный промысел, заготовка и сплав леса, прокладка дорог. Определенное значение у «иностранцев»,

как и у русских крестьян, получил отхожий промысел, вызванный необходимостью дополнительных заработков для содержания семьи и уплаты налогов. В хозяйстве народов Сибири значение его было неодинаковым и колебалось от 20 % у забайкальских бурят до 7–9 % у татар, хакасов, якутов.

Цивилизаторские тенденции империи, связанные с приобщением сибирских «инородцев» к земледелию и оседлости, ярко проявились в аграрной и административной политике самодержавия. Правительство сознавало, что задача «окрестьянивания» аборигенов не может быть решена только при помощи эмпирических примеров. Важной составляющей хозяйственной адаптации аборигенов к общероссийской системе стала экономическая политика.

На протяжении всего имперского периода истории Сибири в этой политике прослеживается сочетание методов материального и морального поощрения с неприкрытым администрированием. К первым следует отнести систематическую раздачу «инородцам» ссуды деньгами и семенами для проведения посевных работ, предоставление различных, порой весьма значительных, налоговых льгот, всевозможные поощрения родоначальников за успехи в земледелии. Примером другого рода является «Положение о развитии хлебопашества» Иркутского гражданского губернатора И. Трескина, в котором жестко определялись размеры «инородческой» запашки, сроки проведения полевых работ и способы наказания «огурщиков» (ослушников)³⁰³. Это положение получило широкое распространение, неукоснительно соблюдалось и надолго осталось в памяти населения. Впоследствии даже ссыльные декабристы отзывались о нем как о благодетельной мере, искренне полагая, что именно Трескин приучил к земледелию и оседлости кочевых бурят.

Вопрос о способах приобщения аборигенов к земледелию и оседлости постоянно находился в поле зрения правительства. В наказах сенаторским ревизиям и ясачным комиссиям Сибири традиционно предписывалось обратить на него осо-

³⁰³ ГАИО. Ф. 7. Опр. 1. Д. 24.

бенное внимание³⁰⁴. Наибольшее значение данный вопрос приобрел после введения в 1822 г. «Устава об управлении инородцев» М. М. Сперанского, которым народы Сибири были разделены на три категории: оседлых, кочевых и бродячих. В соответствии с Уставом оседлые аборигены сравнивались с крестьянами во всех податях и повинностях, кроме рекрутской. Экономические выгоды правительства при перечислении кочевников в разряд оседлых были несомненны. Поземельное устройство аборигенов на одинаковом с крестьянами основании должно было не только привести к росту оседлости, образованию земельных излишков, но и возведению их в гораздо более высокий податной оклад государственных крестьян.

В пореформенный период эти идеи получили дальнейшее развитие. Несмотря на зигзаги в аграрной политике империи в Сибири, на всех этапах ее разработки и проведения присутствовал «инородческий» вопрос. Его место в аграрном законодательстве определялось надеждами правительства на значительные земельные изъятия у «инородцев» с целью образования переселенческого земельного фонда и последующей хозяйственной и социокультурной интеграции с русским крестьянским населением региона. В конечном итоге правительство решило провести землеустройство аборигенов на одинаковом с крестьянами основании, наделив их 15-десятинным наделом. Земля отводилась не в собственность, а в пользование «инородческих» обществ. Отчуждение и залог земельных наделов запрещались. За пользование землей аборигены обязывались платить казне оброчную, а впоследствии поземельную подать.

Аграрные законы конца XIX – начала XX в. распространялись на всю территорию Сибири, за исключением Якутской области. Категория «бродячих инородцев» также не подлежала землеустройству. Империя исходила из постулата признания верховного права собственности на все сибирские земли

³⁰⁴ Дамешек Л. М. Материалы правительственных комиссий как источник изучения аграрной политики самодержавия в Сибири // Молодые ученые вузов города Иркутска в 11-й пятилетке. Иркутск, 1983. С. 69–71.

за государством и Кабинетом, поэтому земля отводилась аборигенам не в собственность, а в пользование. За исключением скотоводов Забайкальской области, все остальные «иностранцы» по окончании землеустройства переводились в разряд оседлых.

В дополнение к аграрным законам 1896–1901 гг. в 1905–1917 гг. в форме указов Сената было принято еще около 20 актов о земельном устройстве коренного населения. Особое внимание при этом уделялось убеждению аборигенов в законности землеустройства и переводу их в категорию оседлых, обоснованию минимальных норм земельных наделов³⁰⁵.

Поначалу к проведению землеустройства аборигенов правительство подходило очень осторожно. Основной причиной этому являлись широкие протесты коренного населения и наличие свободного фонда пустопорожних земель, пригодных для колонизации. В ходе революции 1905–1907 гг. национальное движение народов Сибири значительно активизировалось. Потенциальная опасность одновременного выступления русского и «иностранческого» крестьянства заставила правительство приостановить землеустроительные работы на землях коренного населения.

После 1907 г. в условиях столыпинской аграрной реформы и значительного роста переселенческого движения сибирский земельный фонд стал одним из основных средств решения аграрных противоречий империи. Для этого периода характерны многочисленные категорические требования правительства об активизации землеустройства и сокращении земельных наделов аборигенов. Даже Якутия, на территорию которой землеустройство никогда не распространялось, стала рассматриваться как возможный резервный район для переселения крестьян из центра страны. Создаются специальные «иностранческие» землеустроительные партии, а с 1915 г. землеустроительные работы стали вестись исключительно на

³⁰⁵ Дамешек Л. М. Аграрное законодательство самодержавия и народы Сибири в пореформенный период // Экономическая политика царизма в Сибири в XIX – начале XX в. Иркутск, 1984. С. 34–48.

«инородческих» землях. Из серии правительственных распоряжений этого периода обращает на себя внимание указание главноуправляющего землеустройством и переселением А. В. Кривошеина сибирским губернаторам о необходимости всячески содействовать чиновникам землеустроительных партий по обращению земельных излишков «инородцев» в переселенческий фонд.

Тем не менее к 1917 г. землеустройство народов Сибири, за исключением территории Горного Алтая, так и не было завершено. В Томской губернии, например, работами было охвачено 55 % земель коренного населения, в Тобольской – менее половины. Но и в этих условиях земельные отрезки у аборигенов были очень велики. У бурят Иркутской губернии они составляли 945 115 дес., или 47 % дореформенного землепользования; у бурят Забайкальской области – 2 061 000 дес., или 30 %; у хакасов Енисейской губернии – 670 000 (33 %); у аборигенов Томской губернии – 59 000 дес. (34 %); в Горном Алтае – 121 622 дес. (25 %); в Тобольской губернии – 27 407 дес. (2 %), а всего по Сибири 3 884 188 дес. – 29 %³⁰⁶. Большая часть земельных отрезков была использована для образования резервного переселенческого фонда. Компаративный анализ аграрной политики империи в отношении народов Сибири, сравнение ее с аналогичными мероприятиями правительства в других колонизируемых районах страны – Башкирии, Казахстане, Туркестане и др. – позволяют сделать вывод о том, что для всех этих окраинных территорий характерна сословная неполноправность «инородцев» в отношении прав землепользования. В начале XX в. империя отказалась от провозглашенного в XVII в. курса на признание незыблемости прав сибирских народов на занимаемые ими земли. Новые политические и экономические интересы империи в Азиатской России потребовали и выработки новых контуров национальной

³⁰⁶ Данные об итогах землеустройства народов Сибири рассчитаны по материалам: РГИА. Ф. 391. Оп. 5. Д. 1311. Л. 231–233об; ГАРФ. Ф. 1797. Оп. 1. Д. 542. Л. 120об–121; Отчет о землеустроительных работах в четырех сибирских губерниях и области Забайкальской. За 1908 г. СПб., 1909. С. 45; РГИА. Ф. 391. Оп. 6. Д. 45. Л. 5; Там же. Оп. 10. Д. 9. Л. 3.

политики, одним из приоритетов которой стала идея «слияния» аборигенного населения Сибири с коренным русским населением государства.

Развитие земледелия и связанный с ним рост оседлости, постоянные многообразные контакты с русским населением, численно многократно превосходящим аборигенное, приводили к проникновению русской культуры во все сферы жизни аборигенов – от хозяйственной до культурно-бытовой. Во многих местах возникали «инородческие» поселения по русскому типу, некоторые из них не отличались от русских селений, другие представляли собой переходный тип. С середины XIX в. все большее распространение получают стационарные деревянные юрты, а с конца XIX столетия – зажиточные «инородцы» стали обзаводиться просторными деревянными домами, бытовая обстановка которых не отличалась от обстановки русских крестьян. В таких домах ставилась глинобитная русская печь, служащая для обогрева жилья и выпечки хлеба. Кроме русской обязательно присутствовала небольшая печурка для установки котла, в котором готовилась пища. Это была дань древнему обычаю – готовить пищу и напитки в чугунных котлах. В некоторых домах появились умывальники. Дома внутри не белили, пол не красили. Периодически, по примеру русских крестьян, пол тщательно мыли теплой водой и терли песком. Вместе с домами русского типа появились и русские надворные постройки: амбары, сараи, ворота, заборы, сени, бани – вначале «черные», а потом и «белые».

Традиционная одежда кочевника из кожи уступила место хлопчатобумажным, шелковым и шерстяным изделиям. У татар, бурят, хакасов, якутов летняя одежда мужчин нередко состояла из русской рубахи навыпуск и шаровар, женщины же носили ситцевые платья, покрой которых заимствовали у русских.

Таким образом, активное крестьянское движение на восток приводило к стиранию этнографической границы между Европейской и Азиатской Россией. Наметившееся стихийное «обрусение инородцев» на практике было экономически обу-

словленным явлением, порожденным мощностью интеграционных процессов на востоке империи.

Конфессиональная политика Российского государства в отношении сибирских «инородцев» была неразрывной составной частью имперской политики в Сибири в целом. В основе всех мероприятий самодержавия в церковной сфере в Азиатской России лежит признание большой политической и социокультурной значимости распространения православия среди «инородцев». Принятие православия аборигенами рассматривалось как составной элемент политики интеграции. В то же время это был и важный социокультурный процесс. Таким образом, в российской колонизационной модели восточных окраин империи политические и социокультурные цели взаимно дополняли друг друга. Это было еще одно отличие колонизационной политики России по отношению окраинам государства от политики империй Запада.

На протяжении всего XIX в. наблюдается дальнейшее упрочение материального положения православной церкви в регионе. Наступательное движение православной церкви сопровождалось многочисленными организационными перестройками в церковном управлении, ростом числа церквей и епархий. Если в 1840 г. в Сибири было 5 епархий, то к началу XX в. число их возросло до 11. В расчете на тысячу прихожан больше всего церквей было в Иркутской епархии, далее следовали Енисейская, Томская, Тобольская, Якутская епархии.

Распространение православия правительство рассматривало как важную составную часть общегосударственной политики по обрусению нерусских народов окраин империи, «приравниванию» их к основному крестьянскому населению империи. Архивные материалы и воспоминания современников событий свидетельствуют, что для большинства крещеных сибирских «инородцев» следующим шагом был переход к оседлости и занятию земледелием. Неслучайно во многих местах возникали целые деревни оседлых крещеных «инородцев», мало или ничем не отличающиеся от крестьянских сел. Однако вплоть до середины XIX в. содействие распространению православия со стороны правительства ограничивалось,

как правило, предоставлением вновь крещенным «инородцам» льгот по платежу ясака. Во второй половине столетия государственная политика по распространению православия стала более гибкой и разнообразной.

В этом смысле важным этапом по распространению православия среди окраинных «инородцев» стало учреждение в 1870 г. в Москве Всероссийского православного миссионерского общества, отделения которого были созданы во всех сибирских епархиях. При афишируемом покровительстве со стороны высших светских и духовных властей наблюдается быстрый рост числа членов и денежных средств общества. К началу 90-х гг. в его рядах состояло около 10 тыс. членов, денежные средства исчислялись в 1,3 млн руб. Это позволяло обществу координировать деятельность православных миссий, оказывать им значительную материальную поддержку. Хотя общество оказывало материальную помощь всем православным миссиям империи, тем не менее 50 % его денежных ресурсов шло на содержание сибирских миссий. В начале XX в. на территории Сибири постоянно действовало 8 православных миссий. Немногочисленными были северные Березовская и Туруханская миссии. Такие же миссии, как Алтайская, Иркутская, Забайкальская, наоборот, активизируют свою деятельность, растет их численность, упрочивается материальное положение.

Особенностью распространения православия во второй половине XIX в. стало введение практики богослужения на языках народов Сибири. В 1867 г. в Казани было основано «Братство святого Гурия», имевшее целью перевод и издание на «инородческих» языках религиозных книг и агитационных брошюр, чему власти придавали большое значение. За годы своего существования братство и созданная при нем комиссия переводчиков во главе с Н. И. Ильминским опубликовали десятки религиозных воззваний.

Этим же целям служили многочисленные попытки вербовки миссионеров из лиц местной национальности, обучение миссионеров языкам народов Сибири. В 1907 г. Синод официально разрешил проводить богослужение на «инородческих» языках. С целью активизации проповеди православия в Сиби-

ри получает распространение такая форма деятельности, как организация миссионерских станов – опорных пунктов православия, максимально приближенных к местам проживания аборигенов. Священники миссионерских станов освобождались от приходских обязанностей. К началу XX в. число миссионерских станов и служителей в них возросло более чем в два раза. Наиболее быстрый рост отмечался в Забайкальской епархии, что являлось следствием особой агрессивности православных иерархов по отношению к ламаизму.

Совместное наступательное движение православной церкви и государства против традиционных верований народов Сибири проявилось в миссионерских съездах этого периода, в работе которых, как правило, принимали совместное участие высшие губернские власти и иерархи. Характерно, что на съездах рассматривались не только чисто религиозные, но и общеполитические вопросы, связанные с проведением реформы землеустройства, управления, привлечения аборигенов к отбыванию воинской повинности, введения у них паспортного режима и другими аспектами политики империи в отношении аборигенов.

В пореформенный период русская православная церковь выступила как крупнейшая консервативная сила. Союз церкви и самодержавия носил политический характер. Этим определялась и политика имперского государства по отношению к православной церкви, которая проводила наступательный, а подчас и агрессивный курс в отношении нерусских народов. В XIX в., как и в XVIII столетии, были нередки случаи насильственного крещения. Это приводило к тому, что большая часть крещеных аборигенов Сибири формально относилась к православию, сохранялось двоеверие. Неприятие народами Сибири догматов православия ярко проявилось в массовом отходе от новой религии в годы первой русской революции, что объективно являлось выражением социального протеста нерусских народностей против имперской политики, стремлением сохранить традиционные религиозные верования. Тем не менее политика христианизации местных народов как важнейшего средства их обрусения по-прежнему оставалась в центре вни-

мания государства. В результате к началу XX в. большинство коренного населения Тобольской, Томской, Енисейской губерний и Якутской области было «просвещено святым крещением», в Иркутской губернии насчитывалось 60 тыс. бурят-христиан, примерно 30 тыс. бурят исповедовали шаманизм и столько же буддизм. На методы и формы распространения православия определенное влияние оказывали экономические процессы. Это предопределило переход от феодально-крепостнических методов христианизации к буржуазным. На основе сопоставления церковной политики империи в отношении Сибири и в отношении многонациональных районов Поволжья, Приуралья и других мы приходим к выводу об идентичности основных устоев этой политики. В то же время в ряде случаев государственная политика в церковных вопросах учитывала и некоторые местные особенности, что свидетельствовало о способности самодержавного государства к лавированию, стремлению найти оптимальные, с точки зрения имперских интересов, способы решения возникающих вопросов³⁰⁷.

Одним из ярких появлений имперской политики в отношении народов Сибири конца XIX – начала XX в. стал вопрос о привлечении сибирских «иностранцев» к отбыванию воинской повинности. В соответствии с «Уставом об управлении иностранцев» народы Сибири освобождались от военной службы. Однако в конце XIX в. правильность этого положения оказалась под сомнением. Сторонники привлечения аборигенов к отбыванию воинской повинности исходили из тезиса о том, что эта льгота подрывает принципиальные основы лозунга «Россия для русских». При таком положении вещей русские крестьяне, отбывающие воинскую повинность, никакого преимущества перед аборигенами не ощущают, а у «иностранцев» складывалось неверное представление о мощи великой России. Следовало положить решительный конец подобным раз-

³⁰⁷ О конфессиональной политике подробнее см.: Дамешек Л. М. Внутренняя политика царизма ... С. 138–163; Дулов А. В. Эволюция верований народов Восточной Сибири в XVII – начале XX в. // Конфессии народов Сибири в XVII – начале XX в.: развитие и взаимодействие. Иркутск, 2005. С. 11–24; Дулов А. В., Санников А. П. Православная церковь Восточной Сибири в XVII – начале XX в. Иркутск, 2006. Ч. 1. С. 251–261.

говорам и действиям, а всем туземцам дать понять, что курс в отношении их «держится отныне твердый и что им не уйти в недалеком времени от службы в русских войсках»³⁰⁸.

Говоря о попытках привлечения аборигенов к отбыванию воинской повинности, следует учитывать, что, провозгласив курс на полное слияние народов Сибири с русским крестьянским населением, правительство в данном вопросе проявляло сдержанность. Причины подобной нерешительности следует искать в факторах внутривластного порядка. Об этом прямо заявил начальник Генерального штаба русской армии А. Е. Генгрос. По его мнению, исторический опыт формирования туземных армий показал, что конечным результатом таких решений была необходимость расформировывать туземные войска, как только на данной окраине обострялось национальное самосознание. Неслучайно именно в это время в высших правительственных сферах возникла идея массового переселения забайкальских бурят во внутренние губернии империи, которые в назревающей войне с Японией рассматривались как потенциальные союзники желтой расы.

Разговоры о привлечении сибирских аборигенов к воинской службе возникли в связи с введением «Устава о воинской повинности» 11 января 1874 г. Однако тогда военный министр Д. А. Милютин выступил против проектируемых мер, назвав их преждевременными. Тем не менее Милютин признавал принципиальную важность участия аборигенов в воинской службе как одной из главных государственных обязанностей народов Сибири. Идея привлечения аборигенов к воинской службе, по мнению министра, имела и политический аспект как объединяющее и цивилизующее начало. Таким образом, в основе возникшего замысла лежали не военные, а чисто политические мотивы.

В 1896 г. для рассмотрения этого вопроса была образована специальная комиссия под председательством генерал-лейтенанта Н. Обручева. В ее состав вошли высокопоставленные чиновники министерств: внутренних дел, императорского

³⁰⁸ Подробнее см.: РГИА. Ф. 1468. Оп. 1. Д. 68. Л. 5.

двора, военного, морского, финансов. Совпадение начала работы этой комиссии с принятием аграрных, административных и податных законов конца XIX в. является неслучайным.

Итогом работы комиссии Обручева стало предложение о привлечении к отбыванию воинской повинности только оседлых и кочевых «иностранцев» Тобольской и Томской губерний. Аборигенов Восточной Сибири предлагалось привлекать к военной службе лишь на основании специально разработанных узаконений. В январе 1902 г. военный министр А. Н. Куропаткин доложил о результатах работы комиссии Обручева Николаю II, присовокупив к этому и личное мнение. Он заявил императору, что сам принцип дифференциации «иностранцев» при отбывании воинской повинности считает глубоко ошибочным. По мнению министра, к отбыванию ее следовало привлечь всех оседлых и кочевых аборигенов Сибири и Забайкалья, а конкретную разработку этого вопроса поручить министерству внутренних дел как ведомству, наиболее близко знакомому с положением дел в Сибири. Идея понравилась императору, и предложения министра были утверждены.

Однако начавшаяся вскоре Русско-японская война и революция 1905–1907 гг. отодвинули разработку этого вопроса на задний план. Правительство вновь вернулось к нему лишь в 1910 г. Для вынесения окончательного суждения в Сибирь был направлен начальник управления по делам о воинской повинности С. А. Куколь-Яснопольский. В секретном циркуляре на имя сибирских губернаторов П. А. Столыпин потребовал предоставить ему все средства и возможности для выполнения важного поручения. Наряду с этим при изучении данного вопроса премьер советовал действовать осторожно и вообще соблюдать строгую тайну. Он опасался, что новые проекты могут вызвать массовые выступления народов Сибири, и без того недовольных проводимыми преобразованиями.

Обоснованность опасений министра подтверждается и «вопросами для беседы», составленными Куколь-Яснопольским. Это было своего рода социологическое обследование, имеющее целью выяснить подлинное отношение «иностранцев» к перспективе привлечения их к отбыванию воинской службы, а

заодно и политическую лояльность империи. Неслучайно из 20 вопросов 7 были посвящены чисто военным сюжетам, остальные носили общеполитический характер. Автора программы обследования особенно беспокоили возможное проявление протеста аборигенов проектируемым мерам, формы, способы и сроки его проявления. К числу важнейших был отнесен вопрос о потенциальном поведении «инородческого» войска в период внутренних кризисов и потрясений.

Поездка Куколь-Яснопольского по Сибири проходила по строго расписанному сценарию. В каждой губернии или области были проведены конфиденциальные совещания. Круг участников этих совещаний был стереотипным – губернаторы и другие высокопоставленные чиновники. В целом сибирская администрация высказалась за привлечение аборигенов к отбыванию воинской повинности. В качестве основного обоснования необходимости этой меры послужило требование полного «приравнивания» сибирских «инородцев» к русским крестьянам, ликвидации их сословной обособленности.

В 1910 г. при Главном управлении Генерального штаба была образована комиссия по пересмотру устава о воинской повинности. В апреле 1913 г. Комитет министров заслушал доклад этой комиссии и признал, что привлечение «инородцев» Кавказа, Туркестана и Сибири к отбыванию воинской повинности желательно и возможно.

1 августа 1914 г. грянула Первая мировая война. Вслед за этим последовало положение Комитета министров о реквизиции, в соответствии с которым сибирские аборигены подлежали мобилизации на тыловые работы. В первую очередь это касалось лиц от 19 до 31 года.

В Чите, Верхнеудинске, Иркутске, Киренске, Красноярске организовывались специальные сборные пункты для аборигенов. К июлю 1916 г. на них скопились около 10 тыс. чел. Однако эти места были совершенно не подготовлены к приему такого количества призывников. Там не было ни оборудованных казарм, ни кухонь и ни даже элементарных продуктов, не хватало обуви и одежды. Многие аборигены на сборных пунктах влачили полуголодное существование.

Однако на фронт аборигены так и не попали. Правительство признало невозможным перевести эту массу людей в район действующей армии. Император перенес мобилизацию на более поздний срок, а сами «инородцы» были распущены по домам.

Мобилизация коренного населения на тыловые работы началась летом 1916 г. В Якутской области по ходатайству товарищества «Лензолото» мобилизация якутов была отменена – их труд требовался самим золотодобытчикам. В остальных районах Сибири мобилизация аборигенов продолжалась. Поначалу они направлялись на работу в районы Сибирского заводского совещания: на Иркутский металлический завод, Черемховские каменноугольные копи, завод Томского товарищества кожевенного производства, фабрику Бородиных в Бийске, управление Томской железной дороги. К 1917 г. география размещения мобилизованных на тыловые работы аборигенов расширилась. Особенно много «инородцев» было направлено в Архангельск для работы на предприятиях Беломорского водного района.

Однако практика отправки сибирских аборигенов в районы, удаленные от мест их постоянного проживания, мало оправдывала себя. Условия работы мобилизованных аборигенов были крайне тяжелыми. Антисанитарные условия проживания, плохое, непривычное для этих людей питание приводили к массовым заболеваниям. Поэтому сотни людей бросали работу и бежали в родные места. Вместо идеи сближения и даже унификации сословий мобилизация аборигенов на тыловые работы порождала у них убежденное неприятие политических устоев империи.

2.3

ДИНАМИКА АБОРИГЕННОГО И ПРИШЛОГО НАСЕЛЕНИЯ. ПРОБЛЕМА ВЫМИРАНИЯ «ИНОРОДЦЕВ»

Ко времени прихода русских в Сибирь ее огромные, кажущиеся на первый взгляд незаселенными территории были освоены и обустроены местными народами. Но это мироустройство представляло иной тип, отличный от сложившегося в России. С появлением русских в Сибири началась перестройка системы общественного разделения труда, проникновение товарно-денежных отношений, что оказало огромное влияние на динамику и социальную структуру туземного общества, его политическую организацию, характер международных отношений в регионе.

К началу XVII в. этнолингвистическая карта Сибири включала несколько десятков лингвистических общностей, численностью около 200 тыс. чел. На пространстве, большем, чем вся Европа, обитало немногочисленное население, весьма неоднородное в языковом отношении. Более всего были представлены народы, говорящие на языке тюркской ветви алтайской языковой семьи. На северо-востоке Сибири, по среднему течению Лены и рекам Алдану и Вилюю, компактно проживали представители самого крупного тюркоязычного этноса – якуты.

Основная часть тюркоязычных народов селилась к западу от Саянских гор. Это были предки современных тувинцев и тофаларов, которые в ранних китайских источниках известны под названием «лесные народы».

Минусинскую котловину заселяли многочисленные тюркоязычные группы, известные как енисейские кыргызы. Именно из них впоследствии сформировалась хакасская народность – сагайцы, бильтыры, качинцы, кизильцы.

К тюркам по языку принадлежало и население, проживавшее в лесостепных и таежных районах Западной Сибири, – предки омских и томских татар.

Монголоязычным было население, обитающее по берегам Байкала и долинам рек Лены, Ангары, Селенги, Баргузину. Это племена, составившие этническую основу бурят, – эхириты, булагаты, хори-туматы. Ко времени прихода русских буряты были одними из самых больших по численности народов Сибири.

К остяцкой языковой группе относились тунгусы, проживавшие в таежных лесах Восточной Сибири от Енисея до Охотского моря.

На склонах Уральских гор, в Нижнем и Среднем Приобье жили ханты и манси, представляющие угро-финскую языковую группу сибирских народов. Иногда их называют обскими уграми или остяками.

В дорусский период с экономической точки зрения аборигены освоили всю обширную территорию Сибири. В процессе ее заселения у коренных жителей сложилось несколько культурно-хозяйственных типов. Патриархально-родовые отношения были присущи большинству коренного населения. Наиболее развитыми в социально-экономическом отношении в Западной Сибири были татары, в Восточной Сибири – буряты, якуты. Общий ход исторического процесса у народов Сибири был резко изменен событиями конца XVI – начала XVII в., когда они оказались включенными в состав Российского государства.

Вопрос об исторических судьбах народов Сибири в составе России имеет важное значение. Он напрямую связан с определением путей и методов инкорпорации Сибири и ее населения в Россию. Можно говорить как минимум о трех составляющих этого процесса: политическом, экономическом и социокультурном компонентах. Характеризуя начальный этап инкорпорации, некоторые современные исследователи считают возможным отказаться от употребления идеологизированных определений «завоевание», «покорение», «вхождение», «присоединение», а само продвижение русских в Сибирь рассмат-

ривать как продолжение процесса «собирания» земель и закономерного укрепления границ национального государства³⁰⁹.

В исторической литературе территориальное расширение России обычно рассматривается как создание империи. Применительно к народам Сибири на первых порах процесс имперского строительства сопровождался обложением их данью (ясаком) в пользу государства. По мере втягивания аборигенов в общероссийскую систему государственных, экономических и иных связей на них были распространены и другие виды податных обязанностей, например земские, мало или ничем не отличающиеся от обычного крестьянского тягла. Следовательно, и сибирские аборигены, и русские крестьяне рассматривались как подданные государства и должны были уплачивать соответствующие налоги на его содержание.

Это обстоятельство принципиально отличало колонизационную политику России в Сибири от политики США по отношению к индейцам, которые не платили налоги и, в соответствии с конституцией США, не считались гражданами государства. США, продвигаясь с востока на запад, новые территориальные приобретения осуществляли путем покупки по договорам индейских земель или же путем насильственного лишения индейцев их охотничьих угодий. В России по мере ее продвижения с запада на восток правительственные указы, наоборот, требовали не допускать столкновения колонистов и аборигенов из-за земли, что обеспечивало сибирским народам возможность выполнения их основной обязанности по отношению к государству – уплаты ясака. Кроме того, в условиях малочисленности русского населения, огромной территориальной разбросанности и слабости русских административных и военных центров, потенциальной угрозы столкновения интересов России с государствами Центральной Азии и решения стратегической задачи – закрепления Сибири за Российским государством – московские, а впоследствии петербургские Романовы аборигенному фактору изначально отво-

³⁰⁹ Агеев А. Д. *Сибирь и Американский Запад: движение фронтов*. Иркутск, 2002. С. 90–95.

дили немаловажную роль. Характер взаимоотношений между аборигенами и русскими пришельцами оказал серьезное влияние на темпы продвижения русских к Тихому океану.

Продвижение русских на восток не было исключительно русским явлением. Хронологически оно совпало со временем основания англосаксами первых европейских колоний на Северо-Американском континенте. Рождающимся нациям было тесно в своих прежних границах. Однако темпы продвижения, методы освоения новых территорий, взаимоотношения с аборигенным населением в Сибири и на американском Западе существенно разнились между собой. Продвижение русских на восток сопровождалось распространением на новые территории общенационального политико-административного, хозяйственного и социокультурного уклада, «втягиванием», подчас противоречивым, но, тем не менее, в общенациональную экономическую, политическую и социокультурную систему этих народов. В США же, наоборот, складывающаяся рыночная экономика молодого государства поглощала индейские племена³¹⁰.

Тенденция к компаративному анализу методов колонизации Сибири с колониями западноевропейских стран – Канадой, Австралией, Алжиром и другими – наметилась еще в XIX в. В связи со строительством Транссибирской железнодорожной магистрали резко возрос интерес иностранцев к Сибири, где они надеялись найти выгодное приложение своим капиталам. По мнению английского исследователя Р. Джефферсона, французского экономиста К. Оланьона, американца Р. Глейнера и других, в основу колонизации Сибири русское правительство положило те же принципы, что и Англия в отношении Канады³¹¹. Сибирь для России имела точно такое же значение, как Алжир для Франции или Канада и Австралия для Англии. Мо-

³¹⁰ Дамешек Л. М. Интеграция Сибири в Россию как компонент государственной национальной политики // Этнокультурное взаимодействие в Сибири : тез. докл. и сообщ. Междунар. науч. конф. 19–20 июня 2003 г. Новосибирск, 2003. С. 8.

³¹¹ Jefferson R. Roughing it in Siberia with the same account of the Transiberian railway and the gold-mining industry of Asiatic Russia. London, 1897. P. 25; Оланьон К. Сибирь и ее экономическая будущность. СПб., 1903. 115 с.; Глейнер А. Сибирь, Америка будущего. По сочинению Джона Фостера Фразера. Киев, 1906. С. 9, 10.

гучая волна русских переселенцев буквально сметала туземные племена, которые не могли оценить природного плодородия своих земель. Именно русская колонизация придала ценность землям Северной Азии. В силу своей неразвитости аборигены ничего не могли перенять у русских. В Сибири, как в Канаде или Австралии, масса европейских переселенцев буквально поглощала «самые жизненные элементы туземного общества», а остальные вытеснялись в районы Крайнего Севера, где и вымирали³¹². Этот тезис оказал влияние и на представителей русской общественной мысли, получивших название сибирских областников.

Областничество, как одна из форм общественного движения и мысли в России второй половины XIX – начала XX в., характерно не только для Сибири. Определенные его проявления можно наблюдать и в других регионах России, например на Дону. Однако именно за Уралом в связи с постановкой и обсуждением вопроса о месте и статусе Сибири в составе империи областничество получило наибольшее развитие и значение. «Инородческий вопрос» занимал важное место в системе областнических доказательств колониального положения Сибири, а краеугольным камнем этой системы был тезис о вымирании сибирских аборигенов как следствии присоединения их к России. Наиболее остро он был поставлен Н. М. Ядринцевым, Г. Н. Потаниным, И. И. Серебренниковым, П. М. Головачевым и др.³¹³ По мнению Ядринцева, в правительственном подходе к «инородческому вопросу» можно отчетливо наблюдать эволюцию от прямых методов военного истребления до вовлечения в сферу совместной с русским населением хозяйственной деятельности. В основе этой эволюции, по Ядринцеву, лежали фискальные мотивы, стремление к бездоимочному сбору ясака. Однако, по мнению идеолога областничества, русское население во взаимоотношении с «инородцами» руководствовалось исключительно корыстными побуждениями. По-

³¹² Оланьон К. Указ. соч. С. 5, 76, 77, 250.

³¹³ Шейнфельд М. Б. Историография Сибири (конец XIX – начало XX в.). Красноярск, 1973. С. 242.

этому русские не могли принести в Сибирь ничего положительного, наоборот, аборигены погибали от соприкосновения с русской цивилизацией.

И. И. Серебренников вслед за Ядринцевым также писал о пагубном влиянии русской государственности на аборигенов, акцентируя внимание на их обрусении и сокращении численности.

Примерно такой же поход к изучению исторических судеб народов Сибири в составе России содержится в трудах П. М. Головачева. Признавая некоторое положительное влияние русского крестьянства на народы Сибири, Головачев вместе с тем подчеркивал, что эта сторона с лихвой перечеркивается отрицательными последствиями прихода русских в Сибирь. Важнейшим проявлением этого процесса он называл вымирание аборигенов.

Иной подход к демографическим проблемам аборигенов содержится в трудах Н. Н. Козьмина, который считал принципиально неверным в любом факте сокращения численности аборигенов видеть процессы вымирания. По его мнению, материалы ревизий и переписей «инородцев» на протяжении всего XIX и начала XX в., наоборот, свидетельствуют об увеличении численности бурят, якутов, хакасов, татар. В то же время Козьмин указывал на получившие значительное распространение на рубеже веков факты метисации и обрусения аборигенов, проходившие при прямом участии государства³¹⁴. Рассмотрим вопрос об изменении численности аборигенов более подробно.

На протяжении всего интересующего нас периода происходит рост численности коренного населения. С 1795 по 1897 г. оно увеличилось более чем в два раза, с 183 тыс. душ м. п. до 413 тыс. Однако в результате интенсивного притока пришлого, главным образом русского, населения, численность которого за этот же период с 412 тыс. душ м. п. возросла до 2,3

³¹⁴Подробнее см. Дамешек Л. М. Взгляды ссыльных разночинцев 70–90-х гг. на «инородческий вопрос» в Сибири // Ссылные революционеры в Сибири. Иркутск, 1989. Вып. 11. С. 25–35; Он же. Историография и источниковедение истории народов Сибири эпохи капитализма. Иркутск, 1990. С. 14–18.

млн, т. е. в 5,6 раза, наблюдается падение удельного веса аборигенного населения с 30 % в 1795 г. до 15 % в 1897 г.

Наиболее быстрыми темпами коренное население росло в Иркутской губернии. С 1795 по 1897 г. оно увеличилось со 127 тыс. душ м. п. до 309 тыс., т. е. в 2,4 раза. За этот же период количество аборигенов Томской губернии возросло в 2 раза, в Тобольской – в 1,6 раза. Главной причиной роста численности большинства народностей и этнографических групп следует считать распространение между аборигенами земледелия, возрастание оседлости, происходившие под влиянием русского крестьянства и правительственной политики. Эти процессы протекали быстрее в районах более интенсивного общения аборигенного и русского населения. Приросту аборигенного населения способствовало и соотношение мужского и женского полов, которое у коренного населения в принципе не отличалось от русского. В Томской губернии от количества коренных жителей мужского пола женщины составляли 97,9 %; Енисейской – 95 %; Иркутской – 94,6 %; Забайкальской области – 90,3 %. Более высокие темпы прироста коренного населения были невозможны по ряду причин, в числе которых следует назвать высокую степень эксплуатации аборигенов самодержавием, эпизодические неурожаи и падежи скота, подрывающие основу благосостояния коренного населения. Немаловажную роль в сдерживании темпов прироста коренного населения играло и неудовлетворительное состояние системы медицинского обслуживания, высокая детская смертность. В 70-х гг. XIX в. у бурят Иркутского округа одноименной губернии из 100 родившихся младенцев в живых оставалось только 23, в Балаганском округе – 26, в Верхоленском – 30. Иными словами, детская смертность была исключительно высокой.

Распределение коренного и пришлого населения по округам сибирских губерний было неравномерным. В силу исторических особенностей ведения хозяйства и быта абсолютное большинство аборигенов проживало в сельской местности. В Тобольской губернии основная масса хантов и манси (около 73 %) проживала в северных Березовском,

Сургутском и частично в Тобольском округах. Значительную часть коренного населения губернии составляли татары, проживающие в одноименном округе.

В Томской губернии наиболее высокий удельный вес коренного населения был в Бийском округе – 13 %. В остальных округах он колебался от 1 (Барнаульский) до 5–6 % (Кузнецкий) от общей численности народонаселения.

В Енисейской губернии по количеству проживающих аборигенов – ненцев, эвенков – выделялся Туруханский край – 71 % жителей. Следует также отметить Минусинский и Ачинский округа, где аборигенное население составляло соответственно 16 и 8 % от общей численности народонаселения округа.

В Иркутской губернии наиболее высоким удельным весом аборигенного населения – 20 % – выделялся одноименный округ.

В Забайкальской области коренное население составляло примерно третью часть всех жителей. Большая часть аборигенов – бурят – селилась в Селенгинском (61 %), Баргузинском (51 %) и Читинском (44 %) округах. Кроме бурят, значительную долю населения области составляли эвенки. В 1897 г. их насчитывалось 16,6 тыс. душ обоего пола.

В Якутской области коренное население (якуты и эвенки) составляло абсолютное большинство жителей – от 76 до 98 % во всех округах, кроме Олекминского.

Среди аборигенов наиболее многочисленной народностью были буряты. По переписи 1897 г. их насчитывалось 288,6 тыс., или более 35 % всей численности коренного населения. За бурятами по численности следовали якуты – 226,7 тыс. (27,55 %), далее алтае-саянские народы (алтайцы, хакасы) – 108,7 тыс. (13,21 %), эвенки – 64,5 тыс. (7,84 %), сибирские татары – 53 тыс. (6,44 %), ханты и манси – 27,7 тыс., ненцы – 9,4 тыс. и др. Некоторые малые народности, например тофалары, проживающие на границе Нижнеудинского и Иркутского округов, не превышали по численности 400 чел. Все же за 250 лет, прошедших со времени присоединения Сибири к России до начала XX в., численность бурят возросла примерно в 10,6 раза; якутов – в 7,9; алтае-саянских народов – в

6,5; татар – в 3,1; хантов и манси – в 1,5 раза³¹⁵. Приведенные цифры, разумеется, не означают, что у всех народностей Сибири прослеживается тенденция к увеличению численности. Так, например, за этот же период численность юкагиров, ительменов, энцев не возросла, а, наоборот, уменьшилась. Однако отнюдь не каждый факт сокращения численности аборигенов следует рассматривать под углом их вымирания. Известную роль в подобных случаях играли процессы миграции и ассимиляции, особенно усилившиеся по мере притока в Сибирь русского населения. Эти наблюдения подтверждаются свидетельствами современников и значительным распространением среди аборигенов русского языка и языка соседних, более крупных народностей. По материалам первой Всероссийской переписи населения 1897 г., количество «инородцев», признавших своим родным языком русский, по отношению ко всем коренным жителям данной губернии или области выглядит следующим образом: Тобольская – 3,4 %; Томская – 22 %; Енисейская – 10,6 %; Иркутская – 12,2 %; Забайкальская – 13,3 %; Якутская – 0,1 %³¹⁶. На это же указывают многочисленные свидетельства миссионеров.

³¹⁵ Сибирь в составе Российской империи ... С. 207.

³¹⁶ Цифровые показатели рассчитаны по материалам: Кабузан В. М., Троицкий С. М. Указ. соч. С. 256; Патканов С. Указ. соч. С. 3; Азиатская Россия ... С. 86.

ГЛАВА 3

Ясак в Сибири в XVIII – первой половине XIX в.

3.1

ВИДЫ И ХАРАКТЕР ПОДАТНОГО ОБЛОЖЕНИЯ НАРОДОВ СИБИРИ

Со времени вхождения Сибири в состав русского государства она стала предметом эксплуатации, организованной самой центральной властью. Правительственная позиция в отношении коренных народов на первых порах определялась фискальными интересами. Объявив себя сувереном и собственником земли, московские власти вместе с тем стремились значительную часть сибирских территорий сохранить в пользовании местного населения, обеспечивая этой мерой выполнение их основной обязанности – уплату ясака пушниной.

В Сибири отсутствовало дворянское землевладение, но роль последнего в феодальную эпоху выполняли государство и Кабинет³¹⁷. Именно они как совладельцы сибирских земель определяли характер повинностей и систему эксплуатации русского и коренного населения края. Исследователи государственной деревни – Н. М. Дружинин, В. И. Шунков и др. – убедительно доказали, что в XVII – начале XIX в. эта система была феодальной. Такой вывод основывается преимущественно на изучении податных обязанностей русского крестьянства. Вместе с тем, думается, выяснение характера податей и повинно-

³¹⁷ См.: Тюкавкин В. Г. Сибирская деревня ... С. 197.

стей коренных народов Сибири послужит не только дополнительным обоснованием этих выводов, но будет иметь важное значение для определения форм и методов эксплуатации аборигенов края со стороны феодального государства и императорского Кабинета, для понимания положения этих народов в составе Российской империи.

До 60-х гг. XVIII в. эксплуатация коренных жителей Сибири осуществлялась преимущественно в виде сбора ясака натурой. По мере развития хозяйства, усиления товарно-денежных отношений и роста торговли создавались предпосылки для коммутации ясака и замены натуральной ренты денежной. Эта тенденция отражала объективные потребности развития аборигенов Сибири, в хозяйстве которых наблюдалось постепенное, но неуклонное падение удельного веса охоты и пушного промысла. В 1763 г. правительство Екатерины II разрешило наряду со взносом ясака натурой принимать ясачную подать деньгами, а «Уставом об управлении инородцев» 1822 г. ясачный сбор переводился на денежную основу. Вместе с тем следует отметить, что натуральные формы податного обложения коренного населения не уничтожались. Они продолжали существовать в виде отработочной ренты (земские повинности), сдача в ясак «мягкой рухляди» не только не запрещалась, но и поощрялась.

По форме подати и повинности аборигенов Сибири в первой половине XIX в. разделялись на денежные и натуральные. По назначению тогдашней административно-финансовой практикой они делились на казенные, или государственные, земские и местные³¹⁸. Классификация эта нуждается в определенных оговорках, так как неточно отражает особенности податной системы, порожденной различным сословно-правовым положением трех групп коренного населения – оседлых, кочевых и бродячих – и специфическими условиями быта и хозяйствования народов Сибири.

Общий порядок взимания податей и сборов с народов Сибири определялся «Уставом об управлении инородцев» 1822 г.

³¹⁸ См.: ПСЗ-1. Т. 38, № 29126. § 296.

Оседлые жители приравнивались к сословию государственных крестьян «во всех податях и повинностях, кроме рекрутской...»³¹⁹. В связи с именным указом от 21 июня 1827 г. они освобождались от уплаты ясака³²⁰.

Иначе обстояло дело с кочевыми и бродячими жителями. В Уставе 1822 г. оговаривалось, «что никакой новый общий по государству налог не распространяется на сибирских кочующих и бродячих инородцев, если о том именно не будет предписано»³²¹. Положение это строго соблюдалось. Так, например, для введения 9-копеечного сбора серебром с души на содержание земской полиции на территории Восточной Сибири последовал специальный указ в декабре 1845 г.³²² Сборы в хозяйственный капитал и на межевание, введенные советом Главного управления Восточной Сибири в 1841 г., производились на основании высочайше утвержденного положения от 20 марта 1840 г.³²³

В то же время кочевые и бродячие жители являлись подданными государства и должны были уплачивать соответствующие налоги на его содержание. Таковым являлся 44-копеечный подушный сбор, который платили все категории нерусского населения Сибири в общей массе ясака. Собственно 44-копеечный сбор состоял из 26-копеечного налога «на содержание полковых и подъемных лошадей» и 18-копеечного сбора «на присутственные места». Эти податные сборы были введены указами от 18 декабря 1797 г. и 27 ноября 1806 г. 44-копеечный сбор народы Сибири платили до начала XX в.³²⁴ Однако в отправлении земских повинностей участвовали только оседлые и кочевые жители. Бродячие «инородцы» освобождались от участия в земских повинностях на основании § 62 Устава 1822 г. К земским повинностям относилось устройство дорог, содержание подвод для земских со-

³¹⁹ См.: Там же. № 29126. § 18.

³²⁰ См.: ПСЗ-II. Т. 2, № 1197.

³²¹ См.: ПСЗ-I. Т. 38, № 29126. § 300.

³²² См.: ПСЗ-II. Т. 20, № 19561.

³²³ РГИА. Ф. 468. Оп. 9. Д. 969. Л. 77.

³²⁴ РГИА. Ф. 573. Оп. 3. Д. 5052. Л. 10.

общений, предоставление квартир земским чиновникам и др. Исследователи государственной деревни убедительно доказали, что в условиях Сибири земские повинности были одной из самых тяжелых форм податного обложения и отличались крайней неравномерностью³²⁵. Положение это вполне применимо и для народов края. В совокупном обложении коренных жителей на долю земских повинностей приходилось более 50 %. Типичным примером в этом отношении могут служить статьи расходов по податным платежам кочевых жителей Туринского округа Тобольской губернии. По сведениям второй ясачной комиссии, их насчитывалось 1 582 души мужского пола и 1 597 – женского. Податные платежи распределялись следующим образом. Ясачная подать по окладу 1763 г. – 973 руб., 44-копеечный сбор – 698 руб., общие земские повинности – 3 338 руб., натуральные повинности – 1 480 руб., внутренние земские повинности – 275 руб.³²⁶

Как уже отмечалось, коренные жители, причисленные к разряду бродячих, на основании § 62 «Устава об управлении инородцев» освобождались от участия в общих земских по губернии повинностях, но привлекались к отправлению натуральных повинностей. Изучение статей расходов по податным платежам этой группы коренного населения Сибири позволяет заключить, что натуральные повинности в денежном исчислении подчас значительно превышали остальные виды податных платежей. Бродячие аборигены Березовского округа Тобольской губернии Обдорского, Кондинского и Сургутского отделений ясачную подать по окладу 1763 г. платили в размере 6 876 руб., 44-копеечный сбор составлял 4 722 руб. Основной натуральной повинностью у этих жителей являлось содержание подвод для земских сообщений. В денежном исчислении эта повинность значительно превышала сумму вышеуказанных податных платежей и составляла 12 723 руб.³²⁷

³²⁵ См.: Кузнецов А. С. Крестьянство Восточной Сибири в первой половине XIX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 1968. С. 13–15.

³²⁶ РГИА. Ф. 468. Оп. 9. Д. 1043. Л. 269–270, 363об.

³²⁷ Там же. Л. 156.

Таблица 1

Недоимки по земским платежам у оседлых аборигенов
Тобольской губернии (руб.)

Округ	Число душ оседлых «инородцев»	Недоимки по земским платежам	Недоимки на 1 работника
Тобольский	4 975	239 241	48,0
Тюменский	2 403	77 000	32,0
Ялutorовский	1 299	16 248	12,5
Тарский	2 908	10 355	3,5
ИТОГО	11 585	342 844	29,6

Примечание: таблица составлена по данным РГИА. Ф. 468. Оп. 9. Д. 1043. Л. 515, 583об, 587, 589, 591.

Своей фискальной политикой царизм стремился переложить расходы по колонизации и освоению сибирских окраин на плечи трудового населения. О тяжести земских денежных и натуральных повинностей свидетельствуют и многочисленные недоимки. По сведениям второй ясачной комиссии, у оседлых аборигенов Тобольской губернии по земским платежам числились недоимки 342 844 руб. (табл. 1). Следует подчеркнуть, что эта весьма значительная сумма образовалась всего лишь за пятилетний срок с 1824 г., когда в связи с введением «Устава об управлении инородцев» часть коренных жителей губернии была перечислена в оседлые и обложена крестьянскими окладами. У кочевников Томского округа одноименной губернии податные недоимки исчислялись в размере 34 893 руб., или 82,3 %³²⁸.

Тяжесть денежных сборов на земские повинности усугублялась злоупотреблениями родовой администрации, которая под различными предлогами проводила дополнительные сборы. Типичными в этом отношении являлись сборы с улусников якобы «для найма особых домов для проезжающих по селениям чиновников»³²⁹.

³²⁸ РГИА. Ф. 468. Оп. 9. Д. 1041. Л. 135–136.

³²⁹ Там же. Д. 1043. Л. 156.

В 1812 г. Иркутское губернское правление указало, что под «видом сих расходов производятся на счет обществ и такие, которые никакими законами и правилами не дозволены, и которые происходят от злоупотреблений самих местных голов и сельских старшин»³³⁰. Губернская администрация сталкивалась с такими случаями, когда «сельские старшины, проматывая общественные деньги»³³¹, в своих отчетах показывают «такие расходы, каких вовсе и производимо не было»³³².

Подобная практика получила настолько широкое распространение, что губернское правление «к искоренению сего общего и древнего зла» не видело иного средства, как точное определение всех денежных нужд и «исчисление единожды денежных расходов на оные»³³³. От родоначальников не отставали и представители русской администрации. В 1827 г. ясачные вогулы Туринского округа жаловались ревизовавшим Западную Сибирь сенаторам В. К. Безродному и Б. А. Куракину на злоупотребления сборщиков ясака³³⁴. В 1834 г. Кабинет был вынужден обратить внимание генерал-губернатора Западной Сибири Н. С. Сулимы на то, что «земские чиновники большею частью являются к инородцам не защитниками, а утеснителями»³³⁵. Злоупотребления царских сатрапов в крае снискали себе дурную славу. Боязнь представителей царской администрации доходила до того, что один слух о приезде в улус земского чиновника наводил страх на коренных жителей, констатировал Кабинет³³⁶.

Приведенные факты не единичны. Они подтверждаются и другими свидетельствами. Так, в 1833 г. совет Главного управления Западной Сибири рассматривал вопрос о придании суду бывшего обдорского отдельного заседателя титулярного советника Рещикова, который наряду с заседателями Березовского земского суда Томиловым и Албычевым обви-

³³⁰ ГАИО. Ф. 150. Оп. 1. Д. 1. Л. 52–53.

³³¹ Там же.

³³² Там же.

³³³ Там же.

³³⁴ РГИА. Ф. 1376. Оп. 1. Д. 34. Л. 4об.

³³⁵ Там же. Ф. 468. Оп. 9. Д. 1040. Л. 246–246об.

³³⁶ Там же.

нялся в «бесчеловечном» наказании «ясашных женок» и «вымогательстве у ясашных... в подарок звериных шкур»³³⁷. М. М. Сперанский, ревизовавший Сибирь в 1819 г., отмечал «великие злоупотребления» чиновников и родовых старшин³³⁸.

По участию в общих земских повинностях население края в начале XIX в. делилось на четыре класса. Из коренных жителей к первому причислялась часть бурят Иркутского, Верхнеудинского и Нижнеудинского уездов. Они платили по 3 руб. 15 коп. с души, т. е. наравне с русскими крестьянами. Якуты, эвенки, тофалары (всего 9 232 души) причислялись к четвертому классу и платили по 2 руб. 85 коп. с души, но бродячие тунгусы (эвенки) и карагасы (тофалары) освобождались от исполнения земских повинностей «по той причине, что они... ведут дикую и кочевую жизнь и что никогда не отправляли сих повинностей»³³⁹.

Из натуральных повинностей наиболее тяжелой считалась дорожная. В середине XIX в. протяженность дорог в Енисейской губернии составляла 2 334, в Иркутской губернии – 3 186 верст. Не менее внушительными эти цифры были и в Западной Сибири. По официальным данным, общая протяженность дорог в крае составляла 9 712 верст³⁴⁰. Таким образом, на расстоянии более 15 тыс. верст русские крестьяне и коренные жители должны были содержать в полном порядке дороги, наводить и ремонтировать мосты, класть гати и т. д. «Устав о содержании сухопутных сообщений» М. М. Сперанского 1822 г. превращал эту повинность из натуральной в денежную. Однако действие Устава было весьма кратковременным, и с 1826 г. распоряжением Государственного совета исправление дорог вновь возлагалось на личные повинности «местных обывателей». В соответствии с этим Главное управление Восточной Сибири через посредство окружных начальников осенью 1827 г. собрало сведения у крестьян и «инородцев, где полезно для них исправлять дороги и содержать земскую гоньбу натурою,

³³⁷ Там же. Ф. 383. Оп. 1. Д. 412. Л. 28–28об.

³³⁸ Прутченко С. Сибирские окраины ... С. 15–21.

³³⁹ ГАИО. Ф. 150. Оп. 1. Д. 1. Л. 88–91.

³⁴⁰ Гагемейстер Ю. Указ. соч. Ч. 3. С. 99.

а где наймом»³⁴¹. При рассмотрении приговоров крестьянских и «иностранческих» обществ оказалось, что последние, в отличие от крестьян, считали «для себя отяготительным исполнить сию обязанность в натуре»³⁴² и просили оставить ее на счет общих денежных сборов.

В Иркутском округе только жители Аларского и Ольхонского ведомств согласились отправлять дорожную повинность натурой, остальные считали для себя более удобным делать это «наймом» по «неспособности к строительным работам»³⁴³. Кочевых жителей Ачинского и Минусинского округов местная администрация вообще считала «совершенно неспособными... к крестьянскому» труду³⁴⁴.

Однако решение совета Главного управления на предмет отправления дорожной повинности не отвечало пожеланиям коренного населения. Под предлогом возможных злоупотреблений «со стороны иностранческих начальников»³⁴⁵ при денежном сборе совет постановил «объявить обществам иностранцев, желающим участвовать в исправлении дорог денежным платежом, что сбора на сие денег частно и с некоторых и весьма немногих обществ начальство допустить не может...»³⁴⁶. Иркутскому исправнику и земскому окружному начальнику предписывалось изыскать средства для отправления этой повинности «иностранцами» натурой.

Относительно содержания подвод для земских сообщений позиции крестьян и коренных жителей совпадали: они считали, что «гораздо выгоднее, легче, удобнее и полезнее иметь это на счет земского сбора»³⁴⁷.

Еще одну категорию платежей коренного населения составляли налоги на внутренние повинности. Они включали в себя частные земские сборы и мирские платежи. Последние

³⁴¹ Прутченко С. Сибирские окраины ... С. 239.

³⁴² Там же.

³⁴³ Там же. С. 244.

³⁴⁴ Там же.

³⁴⁵ Там же. С. 256.

³⁴⁶ Там же.

³⁴⁷ Там же.

предназначались на содержание органов управления коренными жителями, их канцелярий.

Налоги на содержание родового управления мало чем отличались от мирских платежей русских поселян. Единственной особенностью мирских сборов у коренных жителей являлось то, что «инородческие начальники» в соответствии с § 142 и 143 «Устава об управлении инородцев» не получали жалования, а исправляли «должности... как общественную службу»³⁴⁸. В 1832 г., когда возник вопрос о назначении жалования «тунгусским старостам за исправление их должностей», генерал-губернатор Восточной Сибири А. С. Лавинский указал, что для включения «требуемых» сумм в величину налога необходимо разрешение «высшего начальства»³⁴⁹. Представление о статьях расходов на внутренние повинности у коренных жителей в 30-е гг. XIX в. дает ведомость «Общего исчисления сумм, назначенных к сбору... с инородцев... Нижнеилимской инородной управы» Киренского округа Иркутской губернии³⁵⁰ на наем писаря и канцелярские товары – 525 руб.; содержание помещения степной думы – 40; освещение тюремных помещений, ремонт их – 60; жалование «оспенным ученикам» – 60 руб.

Механизм раскладки сборов на внутренние повинности у русского и коренного населения был идентичным. Раскладка сборов или освобождение от них происходили на сугланах (мирских сходах). В 1812 г. жители Киренско-Хандинской инородной управы «учинили приговор в том»³⁵¹, чтобы в будущем, 1813 г. «на разные мирские предметы как-то: на содержание писаря, канцелярские товары, бумагу и... на прогоны и прочие внутренние надобности» собрать по 1 руб., всего – 418 руб.³⁵²

Налоги на внутренние повинности у податного населения Сибири были наиболее подвижной частью платежей, так как увеличение одних видов обложения приводило к увеличению

³⁴⁸ ПСЗ-I. Т. 38, № 29126. § 142.

³⁴⁹ ГАИО. Ф. 150. Оп. 1. Д. 6. Л. 58–61.

³⁵⁰ Там же. Ф. 461. Оп. 1. Д. 1. Л. 18–18об.

³⁵¹ Там же. Ф. 150. Оп. 1. Д. 1. Л. 113.

³⁵² Там же.

других. Не только по округам, но и внутри самих округов обнаруживается значительная разница в размерах внутренних повинностей. У оседлых жителей Красноярского округа Енисейской губернии в 1841 г. мирские платежи составляли 1 коп. с души, а у кочующих «инородцев» Канского – 26 коп.³⁵³. В Ачинском округе у кизильцев они исчислялись в 13 коп., у милетских татар – 34 коп.³⁵⁴ Наиболее значительная разница (в 74 коп.) обнаруживается у племен Минусинского округа, где минимальные платежи составляли 13 коп. с души³⁵⁵.

Подобная пестрота, наблюдаемая и по остальным губерниям, объясняется различной численностью населения и другими местными условиями. Следует указать, что приводимые цифры показывают только узаконенные сборы и неточно отражают размеры внутренних повинностей, которые увеличивались незаконными поборами «родовой аристократии».

В итоге отметим, что в первой половине XIX в. подати и повинности коренного населения Сибири обнаруживают тенденцию к сближению с податным обложением русского крестьянского населения. Как и русские крестьяне, коренные жители платили подушную подать, участвовали в отправлении земских повинностей, несли расходы на внутреннее самоуправление. В совокупном обложении аборигенов не менее 50 % приходилось на долю местных и личных обязанностей (табл. 2).

Таблица 2

Совокупное обложение аборигенов Верхнеудинского и Иркутского округов в 30-е гг. XIX в. (руб.)

Вид обложения	Округ	
	Верхнеудинский	Иркутский
Общие губернские повинности	163 933	155 804
Ясачная подать (по окладу 1763 г.)	25 139	26 114
Подушная подать	16 480	16 850
Внутренние расходы	15 717	23 014

³⁵³ ЦГИА. Ф. 1589. Оп. 1. Д. 539. Л. 104.

³⁵⁴ Там же. Л. 105.

³⁵⁵ Там же.

Примечание: таблица составлена по данным РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 276. Л. 143–144, 155об.–156.

Аналогичное положение отмечается и у русских поселенцев³⁵⁶. Вследствие малолюдности населения Сибири, дороговизны денег процесс замены личных обязанностей денежными совершался медленно. Поэтому положения «Устава о сухопутных сообщениях» не были претворены в жизнь.

До 60-х гг. XVIII в. практически единственной формой податного обложения народов Сибири был ясак. Изменения в хозяйственном строе, рост оседлости и сближение с русским населением дали правительству возможность явочным порядком распространять на аборигенное население и другие виды податных обязанностей. Однако наиболее характерной формой податного обложения народов Сибири был ясак.

3.2

ЯСАЧНАЯ ПОЛИТИКА СЕРЕДИНЫ XVIII – НАЧАЛА XIX в.

С момента присоединения Сибири к русскому государству коренное население края было обложено ясаком, который обычно состоял из пушнины. Однако сбор подати с «ясачных иноземцев» вплоть до середины XVIII в. никак не регламентировался и фактически был пущен на произвол местных властей. Подобная практика сбора ясака порождала не только массу вопиющих злоупотреблений, но и приводила к хищническому истреблению пушных богатств края. В целях упорядочения ясачного сбора в Сибирь в 1763 г. была направлена специальная комиссия под председательством лейб-гвардии Семеновского полка секунд-майора Щербачева. Эта комиссия провела перепись «ясачным иноверцам» и обложила их новой податью. По данным комиссии, в Восточной Сибири числилось 90 519 душ иноверцев мужского пола. Сумму положенного на

³⁵⁶ См.: Кузнецов А. С. Крестьянство Восточной Сибири ... С. 13.

них ясака комиссия определила в 122 075 руб.³⁵⁷ В Западной Сибири комиссия насчитала 19 591 душу коренного жителя. Ясачный оклад с них составлял 19 169 руб.³⁵⁸ «Оклад сей был основан тогда на следующих главных принципах...: 1) по числу людей, способных к работам и промыслам; 2) по обилию занимаемых мест в отношении к разным родам промышленности и 3) по согласию родоначальников»³⁵⁹. Коренное население получило право платить подать «мягкой рухлядью» или эквивалентно деньгами, или тем и другим вместе. В «первые годы... сбор ясака рухлядью производился весьма успешно и в Кабинет был доставляем в знатном количестве и превосходной доброты»³⁶⁰. Однако с течением времени эта система сбора ясака перестала оправдывать себя. Эволюция хозяйства приводит к изменению образа жизни коренного населения. Возрастает степень оседлости, развиваются новые виды хозяйственной деятельности, такие, например, как земледелие. В силу этих причин «иные роды» оставили «совсем или большую часть» прежние их промыслы (охоту, рыболовство. – *Авт.*) и «приняли другие». Изменилась и численность отдельных родов. В одних «от разных причин» число «работников»³⁶¹ уменьшилось, в других – наоборот, возросло³⁶². Твердые приемочные цены на пушнину, установленные комиссией, «вышли из всякого сравнения с ценами текущими»³⁶³. Плательщики ясака «легко разочли, что, платя определенным родом зверя, они вносили бы вдвое и втрое, а почему и начали вносить сперва заменой, а потом уже с умножением торговли деньгами»³⁶⁴. Все эти причины привели к тому, что «платимая... сибирскими коренными и бродячими инородцами подать (ясак) по

³⁵⁷ РГИА. Ф. 468. Рп. 9. Д. 1039. Л. 569об.

³⁵⁸ ПСЗ-II. Т. 10. Отд. 1. № 7917.

³⁵⁹ Там же. Т. 2, № 1611.

³⁶⁰ РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 51. Л. 226–227.

³⁶¹ К «работникам» относились лица мужского пола в возрасте от 18 до 50 лет.

³⁶² РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 51. Л. 226–227.

³⁶³ Там же. Д. 266. Л. 5.

³⁶⁴ Там же.

окладу 1763 г. с каждого рода сделалась для всех родов вообще не уравнивающей, а для некоторых к взносу невозможной»³⁶⁵.

В рассматриваемый период обостряется наметившееся еще в первой половине XVIII в. одно из основных противоречий ясачной политики правительства: разрешение в целях обеспечения более полных сборов уплачивать ясак деньгами, с одной стороны, и стремление к максимальному сбору ясака пушниной – с другой³⁶⁶. В целях приспособления старого государственного аппарата к новой обстановке самодержавие было вынуждено провести ряд мероприятий, одним из которых была ревизия 1819 г. Следствием ревизии явился ряд законоположений, в том числе «Устав об управлении инородцев», утвержденный в июле 1822 г.³⁶⁷ Подавляющее большинство коренных жителей Сибири вело кочевой или полукочевой образ жизни, а наименьшую по численности категорию составляли «оседлые инородцы». Именным указом от 21 июня 1827 г. они освобождались от всех «ясачных и других сборов, коим они подлежали по разным постановлениям до сего Устава»³⁶⁸, а с «оставшихся в роде кочевых и бродячих» следовало «взять впредь до переобложения их то, что за сим исключением следовать будет»³⁶⁹. Этим же указом предписывалось «подати, платимые сибирскими инородцами на основании правил о тех сословиях, в кои они вступили, отсылать в казенные палаты для перечисления в государственный доход, но из них сумму, причитающуюся в оброчную подать... передать, так и впредь ежегодно передавать в ... Кабинет взамен прежнего ясака». Передачу эту следовало произвести «со времени поступления сих инородцев в оседлые податные сословия»³⁷⁰. Приведенный документ, как представляется, достаточно четко фиксирует разницу между финансовыми интересами Кабинета – главного финансового органа коронной фамилии – и государственного

³⁶⁵ Там же. Д. 5. Л. 266–267.

³⁶⁶ См.: Залкинд Е. М. Указ. соч. С. 237.

³⁶⁷ Дамешек Л. М. «Устав об управлении инородцев» М. М. Сперанского и Г. С. Батенькова // Памяти декабристов. Иркутск, 1975. С. 21–46.

³⁶⁸ ПСЗ-II. Т. 2, № 1197.

³⁶⁹ Там же.

³⁷⁰ Там же.

казначейства и отражает споры между Казной и Кабинетом за право пользования рентой с народов Сибири. Впервые противоположность финансовых интересов Казны и Кабинета подметил Е. М. Залкинд. Г. П. Жидков развил эту точку зрения, хотя и указал, что определение ясака как «личного дохода дома Романовых» является неверным³⁷¹. Думается, однако, что и императорский Кабинет, и государственная казна имели свои собственные финансовые интересы и в Сибири как совладельцы местных земель. Что же касается ясака, то замечание Г. П. Жидкова более обоснованно. Ясачная рента являлась собственностью коронной фамилии, а не всего «дома Романовых», как это полагают некоторые исследователи. У правительства вопрос о принадлежности ясачной подати не вызывал никаких сомнений – оно рассматривало ее как собственность Кабинета. До 1763 г. собираемая в Сибири пушнина поступала в Сибирский приказ, «от коего по разбору высоких цен отсылалась в Кабинет»³⁷². С упразднением в 1763г. Сибирского приказа «мягкая рухлядь» стала поступать непосредственно в Кабинет. В 1782 г. последовал именной указ Екатерины II «Об оставлении собираемой в Сибири мягкой рухляди и всего ясачного сбора с 1763 г. в ведомстве Кабинета по-прежнему»³⁷³.

Второй Сибирский комитет в «Проекте общего и подробного плана всех работ, предстоящих комитету по устройству Сибири», рассматриваемом осенью 1852 г., также указал на принадлежность ясачного сбора императорскому Кабинету³⁷⁴. Принадлежность ясака коронной фамилии подтверждается и фактическим материалом.

В 1832 г. Сибирский комитет обратился в департамент государственного казначейства с просьбой дать ему сведения «сколько именно ежегодно передавалось доселе из государственного казначейства в Кабинет Е. И. В. на основании высочайшего указа от 21 июня 1827 г. оброчной подати, платимой

³⁷¹ Жидков Г. П. Указ. соч. С. 84.

³⁷² ПСЗ-1. Т. 21, № 15564.

³⁷³ Там же.

³⁷⁴ ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп., 1852. Д. 135. Л. 51–52; ЦГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 276. Л. 54.

сибирскими оседлыми инородцами»³⁷⁵. На это министр финансов ответил, что «ему совершенно неизвестно, какое количество передавалось в Кабинет... ибо подати сии, хотя и поступают в уездные казначейства Сибирских губерний, но согласно... указа... причисляются прямо к прочим суммам, принадлежащим Кабинету Е. И. В., с коим сибирские казенные палаты ведут счет, отдельно от доходов государственного казначейства»³⁷⁶.

По получении этого ответа Сибирскому комитету ничего не оставалось делать, как обратиться с запросом непосредственно в Кабинет. Отвечая на запрос, управляющий Кабинетом отправил соответствующую ведомость и объяснительную записку к ней, в которой излагались основные принципы податного, в том числе и ясачного, обложения коренных народов Сибири. По данным Кабинета, сибирские казенные палаты в главное финансовое ведомство коронной фамилии перечислили с 1827 по 1831 г. 272 848 руб., а именно: в 1827 г. – 71 465 руб., в 1828 г. – 89 014, в 1829 г. – 38 895, в 1830 г. – 40 765, в 1831 г. – 32 709³⁷⁷. Таким образом, Кабинет хотя и передавал «оседлых инородцев» в ведение государства, фактически оставался их владельцем.

В этой связи необходимо отметить, что в Сибирском комитете в сентябре – октябре 1832 г. рассматривался вопрос о передаче Кабинетом в государственное казначейство 44-копеечной подушной подати, платимой сибирскими кочевыми и бродячими «инородцами» в общей массе ясака. Министерство финансов настаивало на передаче этих сумм в государственное казначейство, указывая при этом, что новый оклад (1835 г.) выше прежнего. А поскольку «переобложение (коренных жителей. – *Авт.*) предпринято не для умножения доходов в Кабинет, но для уравнивания податей разных улусов»³⁷⁸, то разница в ясачных окладах должна поступать в государственное казначейство. Кабинет, напротив, при помощи математических выкладок стремился доказать, что за выче-

³⁷⁵ РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 276. Л. 54.

³⁷⁶ РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 276. Л. 55.

³⁷⁷ Там же. Л. 58–69.

³⁷⁸ Там же. Л. 77об.

том требуемой министерством финансов суммы из общего количества сборов остается столь незначительное количество ясака, при этом в основном денежного, что «выгода против прежнего ясака мнимая»³⁷⁹. В этом споре Сибирский комитет занял более обоснованную позицию, указав на неправомерность требований Кабинета и постановив 44-копеечную подушную подать «ежегодно передавать из Кабинета в казначейство или иным образом возмещать сему последнему по соглашениям между их управлениями»³⁸⁰.

Сбор и уплата ясачной подати должны были производиться на основании особого положения, составление которого предполагалось осуществить одновременно с введением в действие «Устава об управлении инородцев». Однако такое положение не было составлено, поэтому после разделения коренных жителей на разряды при определении размеров ясачной подати возникли трудности.

К осени 1824 г. администрация Восточной Сибири закончила сбор сведений о коренном населении Нижнеудинского и Нерчинского округов и разделение их на разряды. В записке для Сибирского комитета Главное управление сообщало, что, как оказалось, «ясачных остается столь малое число», что «если прежний ясак сложить на последних, отягощены они были бы до невозможности... а об освобождении их от обложения в Уставе... ничего не говорится»³⁸¹. Поэтому генерал-губернатор А. С. Лавинский решил обложить ясаком всех коренных жителей, в том числе и записанных в категорию оседлых, а потом сделать «действительный с ними расчет»³⁸².

По мере введения Устава 1822 г. подобные запросы все чаще поступали в Сибирский комитет из различных мест Сибири. Члены Сибирского комитета были вынуждены обратиться за разъяснениями к управляющему Кабинетом, который в конечном итоге предложил следующее: 1) оседлых инородцев, зачисленных в разряд государственных крестьян, об-

³⁷⁹ РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 276.. Л. 58–59.

³⁸⁰ ПСЗ-II. Т. 7, № 5720.

³⁸¹ РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 274. Л. 1–18.

³⁸² Там же.

ложить свойственными этому сословию податями и повинностями, но отчислять их не в государственное казначейство, а в Кабинет; 2) «прочих инородцев... оставить при платеже ясака, произвести повсеместно новую раскладку его, но не по душам, а по родам... посредством особой комиссии, направленной на место»³⁸³; 3) поскольку основным занятием этой категории коренных жителей являлось звероловство и они не могли получать деньги без улова и продажи зверя, «то прием денег вместо зверей тех шкур вовсе запретить»³⁸⁴; 4) дабы не стеснять аборигенов, «позволить заменять одних зверей другими по табели оценок, в Кабинете... составленной»³⁸⁵; 5) «недоимки от них не взыскивать деньгами, но непременно звериными шкурами, отлагать взыскание, если нужно будет, до следующего года»³⁸⁶.

Для уяснения значения этих предложений отметим следующее. Число коренных жителей, причисленных в оседлые, составляло 28 874 души. Крестьянский оклад с них составлял 317 000 руб.³⁸⁷, что значительно превышало размеры ясачной подати по окладу 1763 г. Поэтому предложение отчислять в Кабинет вместо прежнего ясака вновь положенные подати, несомненно, отвечало интересам последнего.

Предложение о сборе ясака мехами также отражало интересы Кабинета, поскольку он как главное финансовое ведомство коронной фамилии постоянно испытывал потребность в дорогостоящих сортах пушнины. Что же касается идеи относительно раскладки ясака не по душам, а по родам, то следует отметить, что мысль эта была не нова. При таком способе раскладки общая сумма подати оставалась неизменной от одной ревизии до другой. В случае уменьшения числа плательщиков производилась дополнительная внутриродовая раскладка, но общая сумма ясака оставалась неизменной. Такая практика уходит своими корнями еще в XVIII столетие. При помощи по-

³⁸³ РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 274. Л. 24об.

³⁸⁴ Там же.

³⁸⁵ Там же.

³⁸⁶ Там же.

³⁸⁷ Там же. Л. 24об, 80.

добных методов царизм стремился застраховать себя от возможных убытков.

Однако не все пункты этих предложений отвечали реально существующему порядку вещей. При рассмотрении их Сибирский комитет указал, что в предложениях Кабинета совершенно не упоминаются кочевые «инородцы», составляющие основное большинство коренного населения, а предложение о сборе ясака одними мехами находится в явном противоречии с «Уставом об управлении инородцев». Вместе с тем Сибирский комитет согласился с предложением о необходимости послать в Сибирь особую комиссию для податного переобложения кочевых и бродячих коренных жителей. Министру финансов поручалось составить проект инструкции для этой комиссии, в котором следовало учесть: 1) инструкцию 1763 г.; 2) устав 1822 г.; 3) мнение управляющего Кабинетом; 4) прочие сведения и соображения³⁸⁸. Составленный на основе этих документов проект инструкции следовало передать в Сибирский комитет для «соображения с сибирским учреждением вообще»³⁸⁹.

Ознакомившись с предложением управляющего Кабинетом, министр финансов Е. Ф. Канкрин в специальном отношении в Сибирский комитет отметил, что, без сомнения, Кабинет имеет право получить «вознаграждение за убытки», понесенные от зачисления части «ясачных народов» в другое сословие (в данном случае Е. Ф. Канкрин имел в виду зачисление так называемых оседлых инородцев в категорию государственных крестьян и освобождение их от уплаты ясака. – *Авт.*). «Но так как Кабинету был придан один ясак, а не сами инородцы, то излишество нынешнего дохода есть принадлежность государственного казначейства»³⁹⁰, а не Кабинета, указывал министр. Вниматель же вместе с ясаком и подать Е. Ф. Канкрин считал «несправедливым». Точно так же он считал невозможным сбор ясака одними мехами, так как опасался различных затруднений, могущих возникнуть «как по случаю неулова зверя, так и

³⁸⁸ РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 274. Л. 25.

³⁸⁹ Там же.

³⁹⁰ Там же. Л. 78.

потому, чтобы не затруднять Кабинет множеством малостоящих мехов»³⁹¹. В остальном же министр финансов согласился с предложениями управляющего Кабинетом.

Высочайшим рескриптом на имя министра императорского двора А. Б. Куракина от 21 июня 1827 г. было велено в целях упорядочения сбора ясака с кочевых и бродячих жителей «на основах Устава 1822 г. обложить их податью вновь, учредив для сего две комиссии: одну в Западной, а другую в Восточной Сибири»³⁹².

3.3

РЕАЛИЗАЦИЯ «УСТАВА ОБ УПРАВЛЕНИИ ИНОРОДЦЕВ» И ВТОРАЯ ЯСАЧНАЯ КОМИССИЯ

Отправка в Сибирь второй ясачной комиссии явилась следствием реализации «Устава об управлении инородцев». Это стало одним из наиболее важных мероприятий правительства по развитию и «улучшению» ясачного сбора в Сибири в XIX в.

27 ноября 1827 г. Сибирский комитет утвердил «Общее наставление комиссиям Западной и Восточной Сибири о составлении для кочевых и бродячих инородцев окладных ясачных книг»³⁹³, которое было высочайше утверждено Николаем I 13 декабря 1827 г. Документ включал в себя свыше 60 пунктов, в соответствии с которыми должны были действовать комиссии. Содержание наставления учитывало специфику этой части сибирского населения. Наставление определяло цели и задачи комиссий, их состав, порядок действия и подчинения и т. д.

В состав каждой комиссии входило по два чиновника министерства императорского двора и один – от министерства

³⁹¹ Там же. Л. 78об.

³⁹² ПСЗ-И. Т. 2, № 1199.

³⁹³ Там же. № 1611.

финансов. Комиссия подчинялась Главному управлению той части Сибири, в которой находилась.

Главной задачей комиссий являлось «обложение новой податью кочевых и бродячих инородцев...»³⁹⁴. Наряду с этим комиссии должны были «удостовериться» в правильности разделения коренных жителей на разряды, выяснить причину недоимок, принять от аборигенов просьбы и жалобы и по возможности разрешить их. В предварительном порядке члены западной комиссии собирались в Тобольске, а восточной – в Иркутске. Здесь Главные управления снабжали их всеми необходимыми сведениями и составлялся «подробный план ее (комиссии. – Авт.) разъездов». В Восточной Сибири в план не включался Охотский край, Камчатка и районы, населенные чукчами. Переобложение Охотского края и Камчатки из-за отдаленности этих мест предполагалось поручить не комиссии, а местному чиновничеству. Иначе обстояло дело с чукчами. Царским указом они причислялись к народам, «не совершенно еще вступившим в подданство»³⁹⁵, а потому действия ясачной комиссии на них не распространялись. Попутно заметим, что царское правительство всегда проявляло определенную осторожность по отношению к «инородцам», живущим на окраинах империи и не втянувшимся еще в систему общегосударственных отношений. Будь то чукчи, хоринские буряты или другие «окраинные инородцы», своей политикой самодержавие стремилось привлечь их к себе, для чего нередко шло на некоторые уступки в налоговой политике, в вопросах вероисповедания и др.³⁹⁶ Данный пример указывает на то, что в первой половине XIX в. при рассмотрении проблем, имевших жизненно важное значение для царизма и дворянства, правительство нередко находило оптимальное решение с точки зрения интересов первенствующего сословия России.

По прибытии в род или улус комиссия «в присутствии члена инородной управы... в присутствии родового их управ-

³⁹⁴ ПСЗ-II. Т. 2, № 1611.

³⁹⁵ ПСЗ-II. Т. 2, № 1199.

³⁹⁶ См.: Герасимова К. М. Ламаизм и национально-колониальная политика царизма в Забайкалье в XIX и начале XX в. Улан-Удэ, 1957, 160 с.

ления и в присутствии разных почетных и лучших родовичей»³⁹⁷ извещает о цели своего прибытия, а затем переходит к сбору необходимых сведений. При определении размеров ясачной подати комиссии следовало «принять во внимание: 1) пространство и обилие земли в отношении к земледелию, скотоводству и звероловству... 2) удобство торговли и путей ее; 3) число работников; 4) объяснения и согласие родового управления»³⁹⁸. Сравнив все это с окладом 1763 г., комиссии следовало определить, «какое количество подати может быть вносимо самим родом без отягощения»³⁹⁹. Как и по окладу 1763 г., разрешалось вносить ясак «определенным родом зверя», деньгами или тем и другим вместе. Назначенная таким образом подать вносилась в проект окладной книги «со всею подробностью и с оценкою звериных шкур на деньги»⁴⁰⁰. До утверждения этого проекта сбор подати осуществлялся по окладу 1763 г. «Наставление» сохраняло за «инородческими» старшинами права, дарованные им указом от 21 июня 1763 г. «на ежегодные от правительства награды за исправный платеж ясака»⁴⁰¹. Члены комиссий обязывались «обходиться с инородцами со всею ласковостью»⁴⁰², внимательно выслушивать их просьбы и жалобы и «вообще» показывать в «своих действиях доброхотство и благоприятство»⁴⁰³. Кроме того, ясачная комиссия Восточной Сибири получила от генерал-губернатора «дополнительное наставление», определяющее ее действие в Якутии⁴⁰⁴.

В августе 1827 г. министр императорского двора П. М. Волконский сообщил министру финансов Е. Ф. Канкрину, что по рекомендации начальника Колыванских горных заводов в состав ясачной комиссии Западной Сибири назначены

³⁹⁷ ПСЗ-II. Т. 2, № 1611.

³⁹⁸ Там же.

³⁹⁹ Там же.

⁴⁰⁰ Там же.

⁴⁰¹ Там же.

⁴⁰² Там же.

⁴⁰³ Там же.

⁴⁰⁴ РГИА. Ф. 468. Оп. 9. Д. 1039. Л. 239–245.

чиновники Сибиряков и Тузовский⁴⁰⁵. Председателем комиссии первоначально был утвержден служащий министерства финансов надворный советник Здор, под началом которого комиссия и открыла свои заседания в марте 1828 г.⁴⁰⁶ Однако вскоре вместо Здора в состав комиссии был назначен коллежский асессор Аргамаков, который 4 января 1829 г. прибыл в Обдорск и «вступил в права и обязанности по званию председателя комиссии»⁴⁰⁷.

Решением совета Главного управления Западной Сибири ежегодные расходы на содержание комиссии определялись в 15 724 руб. «Во уважение трудностей, сопряженных с сею командировкою, и в поощрение к ревностному выполнению сделанного поручения» решением Кабинета членам комиссии было назначено двойное окладное жалование»: Сибирякову – 785 руб., Тузовскому – 534 руб. в год⁴⁰⁸.

В соответствии с решением Главного управления Западной Сибири комиссия начала свои разъезды с территории Тобольской губернии. К лету 1830 г. переобложение ясаком коренных жителей этого края было закончено, и комиссия в сентябре того же года начала свою работу в Томской губернии⁴⁰⁹. Здесь, как и в соседней Тобольской губернии, в основу составления отчетов и определения размеров ясачных окладов были положены материалы двоякого рода. Сведения о числе душ, пространстве и качестве земли комиссия брала со слов самих «инородцев». Данные о размере податей и повинностей были представлены губернскими казенными палатами и чинами земской полиции⁴¹⁰. При анализе этих материалов следует учитывать, что некоторые сведения, особенно данные о народонаселении, не всегда точны. Это признавали и сами члены ясачной комиссии. Поэтому приводимый статистический материал следует рассматривать не как абсолютно точный, а

⁴⁰⁵ Там же. Л. 78.

⁴⁰⁶ Миненко Н. А. Указ. соч. С. 257.

⁴⁰⁷ РГИА. Ф. 468. Оп. 9. Д. 1039. Л. 388об.

⁴⁰⁸ Там же. Л. 183об.

⁴⁰⁹ Там же. Д. 1041. Л. 6–8об.

⁴¹⁰ РГИА. Ф. 468. Оп. 9. Д. 1041. Л. 14, 16.

лишь как приблизительный, отражающий основные тенденции в развитии ясачного обложения. Итоги деятельности ясачной комиссии в Западной Сибири представлены в табл. 3. Произведя необходимые расчеты, увидим, что за период, прошедший со времени действия первой ясачной комиссии, число ясачных плательщиков увеличилось в 1,4 раза, а ясачная подать по новому окладу в 3 раза превышала оклад 1763 г. Темпы роста ясачного обложения в два с лишним раза опережали темпы роста численности налогоплательщиков.

Таблица 3

Сравнительный прирост числа налогоплательщиков и увеличения ясака по округам Западной Сибири

Округ	По переписи 1763 г.		По данным комиссии 1835 г.		Прирост	
	Душ м. п.	Руб.	Душ м. п.	Руб.	Душ м. п.	Руб.
Тобольский	2 003	2 660	2 095	5 369	92	2 709
Туринский	1 505	973	1 582	5 007	77	4 034
Березовский	8 303	6 876	10 993	20 212	1 790	13 336
Бийский	1 335	2 041	2 438	10 660	1 103	8 619
Томский	5 471	4 703	5 330	12 909	-141	7 496
Кузнецкий	-	1 912	2 606	5 900	-	3 294

Примечания: 1) сокращение численности ясачных плательщиков в Томском округе объясняется перечислением значительного числа коренных жителей в разряд оседлых «инородцев»; 2) таблица составлена по данным РГИА. Ф. 468. Оп. 9. Д. 1043. Л. 40об, 46, 363об., 369, 372, 152, 156, 157об; Д. 1042. Л. 10об, 16об, 407об, 415, 417; Д. 1. 1041. Л. 26, 32об.

Для того чтобы определить значение вновь положенного ясачного оклада, необходимо произвести сопоставление реальных доходов коренных жителей с размером ясачной ренты. Результаты этого сопоставления по губерниям Западной Сибири представлены в табл. 4.

Таким образом, можно заключить, что по завершении реформы реальное значение ясачной подати по округам Западной Сибири составляло примерно 15 % или от 10 до 20 % по каждому из округов, в которых проживали кочевые и бродячие аборигены. Наши подсчеты примерно совпадают с данными Н. А. Миненко, которая считает, что вторая ясачная комис-

сия привела податное обложение аборигенов в большее соответствие с доходами и платежеспособностью коренных жителей.

Таблица 4

Сравнение реальных доходов коренных жителей
и размера ясачной ренты

Округ	Доход, руб.			Размер ясака, руб.	Норма эксплуата- ции, %
	Мини- мальный	Макси- мальный	Среднее		
Кузнецкий	38 000	71 000	54 000	5 936	11,0
Томский	80 000	149 000	115 000	12 209	10,6
Бийский	63 000	125 000	94 000	10 660	11,6
Березовский	84 000	134 000	109 000	20 212	18,5
Тобольский	18 169	40 873	29 521	5 369	18,1
Туринский	20 000	30 000	15 000	5 007	20,0
Среднее по Западной Сибири					15,0

Основание для такого вывода исследователь справедливо видит в отмене «различных других сборов» и «более справедливой оценке принимаемой в ясак пушнины»⁴¹¹. Следует, однако, отметить, что этот вывод сделан автором на основе изучения действий второй ясачной комиссии в северных округах Западной Сибири, где проживали преимущественно так называемые «бродячие инородцы», платившие по Уставу 1822 г. один ясак и составлявшие в численном отношении абсолютное меньшинство коренного населения Сибири в целом. По сведениям министерства государственных имуществ, в рассматриваемый период численность коренного населения Сибири по категориям распределялась следующим образом (табл. 5).

Таблица 5

Распределение коренного населения Сибири по разрядам

Регион	Оседлые		Кочевые		Бродячие	
	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.
Восточная Сибирь	8 650	6 265	97 143	93 869	6 066	5 589
Западная Сибирь	28 345	25 929	19 146	13 995	11 400	9 603
Итого	36 995	32 194	116 289	107 864	17 466	15 192

⁴¹¹ Миненко Н. А. Указ. соч. С. 259.

Решением Кабинета от 3 января 1828 г. в ясачную комиссию Восточной Сибири были назначены чиновники нерчинских заводов маркшейдер Таскин и гиттенфервалтер Комаров. Впоследствии в связи с занятостью Комарова вместо него в комиссию был откомандирован обер-гиттенфервалтер Злобин. Это, казалось бы, незначительное обстоятельство наложило определенный отпечаток на весь ход работы комиссии. Как Таскин, так и Злобин были людьми грамотными, хорошо знающими Сибирь и ее нужды. Материалы переписи показывают, что они отнеслись к порученному делу добросовестно и с несомненным энтузиазмом. Полной противоположностью им являлся третий член комиссии – чиновник министерства финансов коллежский ассессор А. В. Пятницкий (впоследствии в 1839–1848 гг. он был гражданским губернатором Иркутской губернии). Чиновник недалекий, но самолюбивый и эгоистичный, свою деятельность в комиссии он рассматривал как один из этапов служебной карьеры. Меткую характеристику дал ему В. И. Вагин в воспоминаниях «Сороковые годы в Иркутске»: «Брюнет, невысокого роста, толстый, брюхатый с обрюзглым и даже глуповатым лицом, вульгарными манерами, он скорее походил на мелкого лавочника, чем на губернатора. О степени образования его может дать понятие следующий анекдот. Раз на парадном приеме в праздничный день он разговаривал с городским головой о постройке какого-то моста. Голова доказывал трудность постройки. «Пустяки, – возразил Пятницкий, – англичане в Лондоне под Сеной выстроили дорогу». Возвышению своему он был обязан родству с сенатором Жмакиным, на дочери которого он был женат. Губернией он управлял кое-как, но как старожил знал ее хорошо, и особенно хорошо знал, где в ней раки зимуют. Начальники отделений имели у него большую силу. При всей своей ограниченности он обладал огромным самомнением. Он сочинял разные «предположения в виде проектов», над которыми очень потешались в Главном управлении»⁴¹².

⁴¹² Вагин В. И. Сороковые года в Иркутске (Из воспоминаний) // Собрание науч. и лит. ст. о Сибири и Азиатском Востоке: лит сб. СПб, 1885. С. 260. (Прил. к «Вост. обозрению» Сороковые годы в Иркутске).

Предполагая занять пост председателя комиссии как старший по чину, Пятницкий был крайне раздражен тем, что это место занял Злобин, заменивший Комарова. Поэтому его деятельность в комиссии началась с кляуз, в которых он обливал грязью не только своих коллег, но и самого генерал-губернатора. В секретном рапорте на имя министра финансов от 22 июня 1828 г. Пятницкий писал, что, по его мнению, чиновник Комаров был специально заменен Злобиным, дабы именно последний, а не он, Пятницкий, занял место председателя комиссии. Далее Пятницкий доносил, что по вине местного начальства «комиссия действия открыла весьма поздно после данного ей о сем предписания...». «Я не нахожу того содействия в местном Главном управлении, – пишет А. Пятницкий, – которое... местное главное начальство должно оказывать комиссии по данной оному власти»⁴¹³. В заключение рапорта Пятницкий выражает опасения в том, что после выезда комиссии из Иркутска Главное управление вообще забудет о ее существовании.

В письме министру императорского двора П. М. Волконскому от 17 октября 1828 г. Пятницкий указывает, что чиновник Злобин в делах комиссии мало разбирается, как председатель со своими обязанностями справляется плохо. А между тем он, А. Пятницкий, произведен Сенатом в чин надворного советника и в соответствии с инструкцией должен занять место председателя комиссии как старший по чину. В письме он просит «о изъявлении согласия на утверждение» его «непрерывным председателем дотоле, пока она существовать будет, или пока» он будет «оного достоин»⁴¹⁴.

Министр императорского двора отправил это письмо министру финансов, который и утвердил А. Пятницкого в звании председателя комиссии. Получив это извещение, Пятницкий сделал соответствующее представление Злобину и генерал-губернатору Лавинскому. Однако Злобин отказался сдать дела, заявив, что в звании председателя он утвержден Главным

⁴¹³ РГИА. Ф. 468. Оп. 9. Д. 1039. Л. 268.

⁴¹⁴ Там же. Л. 359об.

управлением, а Лавинский не только не удовлетворил просьбу Пятницкого, но, желая видеть во главе комиссии «своего» человека, сделал представление министру императорского двора о производстве Злобина в следующий чин. Однако не только его ходатайство не было удовлетворено, но генерал-губернатору в довольно резкой форме было указано, что он обязан выполнять правительственные инструкции и положения, а не своевольничать. Дело кончилось тем, что в отношении на имя министра императорского двора от 25 октября 1830 г. А. С. Лавинский сообщил, что чиновник Злобин из состава комиссии выведен, вместо него назначен шихтмейстер 13 класса Рик, а Пятницкий утвержден в звании председателя комиссии⁴¹⁵.

Комиссия Восточной Сибири открыла свои действия 12 июня 1828 г. Главное управление определило срок ее работы в девять лет. В Иркутской губернии комиссия должна разъезжать шесть лет, в Енисейской – три года. Однако комиссия завершила свою работу гораздо раньше. Переобложение ясаком коренного населения Иркутской губернии было закончено уже к апрелю 1832 г., а Енисейской – к июлю 1833 г.

По отзыву комиссии, успешной ее работе способствовали «пособия, оказанные ей местными начальствами», и «усердие ее членов», которые «со стороны своей» приложили «все возможные усилия на скорейшее исполнение возложенных на нее обязательств»⁴¹⁶.

Комиссия «везде встречала инородцев на своих местах и в назначенное для того время, скоро и удовлетворительно получала сведения, бывшие ей потребными, и нигде не встречала остановок в своих разъездах, несмотря на все трудности и неудобства пути, который должно было ей совершить большею частью по местам пустым и ненаселенным»⁴¹⁷.

Определенную трудность организационного порядка перед отправлением комиссии в Сибирь представлял вопрос раз-

⁴¹⁵ РГИА. Ф. 468. Оп. 9. Д. 1039. Л. 359–459.

⁴¹⁶ Там же. Д. 1044. Л. 677об.

⁴¹⁷ Там же. Л. 677об.

граничения между ними территорий, т. е. округов, в которых должны были действовать комиссии. При этом правительство исходило из того, что объем работ в Восточной Сибири гораздо больше, нежели в Западной Сибири. Поэтому первоначально было решено в целях уравнивания объема занятий поручить переобложение коренных жителей части округов Енисейской губернии комиссии Западной Сибири. Пятницкий вообще предлагал ревизию Енисейской губернии полностью поручить комиссии Западной Сибири. Однако в ходе работ оказалось, что комиссия Западной Сибири по ряду причин не может закончить работу не только к весне 1833 г., но даже и к 1835 г. (на самом деле, как мы уже знаем, это отчасти удалось сделать), а по отзыву генерал-губернатора Лавинского, в Восточной Сибири комиссия работала успешно. Поэтому Сибирский комитет решил «возложить на Восточную комиссию переобложение инородцев всей Енисейской губернии»⁴¹⁸.

После завершения работ обе комиссии представили в Главное управление проекты «окладных книг» и табели раскладки ясака. Там они были одобрены, а затем поступили на рассмотрение министерств императорского двора и финансов. Последние не нашли препятствий к утверждению вновь положенных окладов, и результаты действия комиссий были представлены на «всемиловитвейшее благоусмотрение»⁴¹⁹. 3 марта 1835 г. последовал именной указ «О вновь положенных на кочевых и бродячих инородцев окладах звериными шкурами и деньгами»⁴²⁰. В соответствии с ранее изданным положением, начиная с 1 января 1835 г. сбор ясачной подати с кочевых и бродячих жителей Сибири должен был производиться на началах, утвержденных данным указом.

Для уяснения реального значения и особенностей вновь положенных на аборигенов окладов необходимо сравнить их с прежним обложением (табл. 6).

⁴¹⁸ Там же. Л. 485–485об.

⁴¹⁹ ПСЗ-П. Т. 2, № 7919.

⁴²⁰ Там же.

Таблица 6

Размер натурального ясака, шт.

Вид пушнины	1763 г.	1835 г.
Соболь	5 232	2 165
Лиса	12 220	451
Песец	25	2 496
Горноста́й	604	4 348
Белка	16 997	54 735 ⁴²¹

Примечание: из приведенных данных видно, что оклад 1763 г. состоял преимущественно из ценных пород пушнины (соболь, лисица), в окладе 1835 г. преобладали «маловажные» меха. Хотя в количественном отношении новый оклад намного превышал прежний (64 195 ед. против 35 078), разница в пересчете на деньги составляла 13 307 руб.

Оклад 1763 г. исчислялся в 52 100 руб., а оклад 1835 г. – в 65 407 руб. Разницу эту можно признать незначительной, если учесть, что в 1763 г. всех «инородцев», платящих ясак, насчитывалось 90 114, а в 1835 г. комиссия обнаружила одних только кочевых и бродячих 192 012 душ м. п.

Однако подобное сравнение денежной подати дает иные результаты: оклад 1763 г. – 69 975 руб., 1835 г. – 385 721 руб.⁴²² В данном случае налицо довольно значительное увеличение подати, новый денежный оклад более чем в 5 раз превышал прежний. Общая сумма ясака исчислялась в 122 075 руб. по окладу 1763 г. и в 451 128 руб. по окладу 1835 г.⁴²³ Разница составляла около 330 000 руб. Естественно возникает вопрос, чем объяснить столь значительное увеличение суммы ясачной подати. Если предположить, что основанием для такого возвышения оклада послужил прирост коренного населения, то мы не получим правильного ответа на вопрос. Анализ результатов деятельности ясачной комиссии Западной Сибири, проведенный ранее, убедительно доказывает это. Рассмотрим с аналогичных позиций деятельность комиссии в Восточной Сибири – основном центре сбора ясака (табл. 7).

⁴²¹ ПСЗ-II. Т. 2, № 7919.

⁴²² Там же.

⁴²³ Там же.

Таблица 7

Сравнительный прирост населения и увеличения ясака
по округам Иркутской губернии

Округ	По переписи 1763 г.		По данным комиссии 1835 г.		Прирост по сравнению с 1763 г.	
	Душ м. п	Руб.	Душ м. п	Руб.	Душ м. п	Руб.
Верхне-удинский	26 142	25 139	41 971	114 535	15 289	89 404
Иркутский	18 607	26 114	43 402	132 290	24 795	106 176
Нерчинский	1 875	6 571	6 282	11 536	4 407	4 785
ВСЕГО	47 078	58 793	92 595	263 090	45 517	204 297

Примечание: таблица составлена по данным РГИА. Ф. 1264. Д. 276. Л. 139–160.

Произведя необходимые расчеты, увидим, что ясачная подать с жителей губернии увеличилась в 4,47 раза, а численность населения – только в 1,96 раза. Сравнивая эти результаты с подсчетами, сделанными на основе изучения деятельности ясачной комиссии в Западной Сибири, можно обнаружить лишь некоторые цифровые расхождения. Увеличение ясачной подати в обеих частях Сибири прослеживается достаточно четко. Для окончательного выяснения причин увеличения и реального значения вновь положенных окладов обратимся к другим материалам.

В соответствии с принципами Устава 1822 г. инструкция членам комиссий требовала при определении величины ясака учитывать не только количество налогоплательщиков, но и уровень развития хозяйства в том или ином роде, улусе. Имеющиеся в отчетах комиссий сведения о количестве и качестве обрабатываемой земли, о соотношении земледелия, звероловства и скотоводства, о развитии торговли позволяют заключить, что именно успехи коренного населения в хозяйстве, рост благосостояния коренного населения явились основанием для столь значительного увеличения ясака. Члены комиссии Восточной Сибири в своем отчете прямо указывали, что «настоящее состояние инородцев и прочие местные их выгоды, исчисленные и принятые комиссиею по каждому роду по-
190

рознь, дали ей возможность довести новую подать до такого значительного увеличения»⁴²⁴.

В связи с тем, что уровень хозяйственного развития отдельных племен был неодинаков, серьезно колебалась величина и подушного обложения. Так, в Нижнеудинском округе аборигены платили по 6 руб. 79 коп. с души, а Верхнеудинском – только по 2 руб. 72 коп. Кочевые племена Нерчинского округа платили по 1 руб. 82 коп. Колебания в размере подушного обложения наблюдаются не только по округам, но и внутри самих округов и даже отдельных ведомств. Жители родов Сайгутского, Куркутского и Чеченовского Китойского ведомств Иркутского округа платили соответственно по 7 руб., 6 руб. и по 3 руб. 50 коп. с души⁴²⁵.

Значительные колебания размеров подушного ясачного обложения наблюдаются и у коренных жителей Западной Сибири. Так, в Тобольском округе одноименной губернии жители Меньше-Юкондинской волости платили по 3 руб. с души, а население Назимовской и Верхне-Демьянской волостей – по 7 руб.⁴²⁶ У кочевых жителей Бийского округа Томской губернии размеры ясачных окладов, положенных второй ясачной комиссией, колебались от 3 до 5 руб. на каждую окладную душу⁴²⁷.

При определении величины ясака комиссии в соответствии с инструкцией стремились заручиться добровольным согласием аборигенов на принятие того или иного оклада. Они «нигде» не определяли новой подати, «не получив на принятие оной собственного добровольного согласия инородцев»⁴²⁸. Это обстоятельство дало возможность предполагать, что, несмотря на значительное увеличение подати, она «будет для них (коренных жителей. – Авт.) вовсе не обременительна»⁴²⁹.

Однако принцип добровольности на практике соблюдался далеко не всегда. Имеющиеся в нашем распоряжении матери-

⁴²⁴ РГИА. Ф. 468. Оп. 9. Д. 1045. Л. 326об.

⁴²⁵ Там же. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 276. Л. 278, 144об, 173об, 158об.

⁴²⁶ Там же. Д. 1043. Л. 48об.

⁴²⁷ Там же. Д. 1042. Л. 417об.

⁴²⁸ РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 1042. Л. 326–326об.

⁴²⁹ Там же.

алы позволяют заключить, что как в Западной, так и Восточной Сибири коренные жители давали согласие на принятие ясака «по наклонению самой комиссии», а подчас новая подать назначалась без всякого с их стороны согласия. Так, во время работы комиссии в Иркутском округе (июль 1830 – апрель 1831 г.) «восемь родов не согласились принять... определенного на них количества ясака»⁴³⁰. В Балаганском ведомстве три рода – первый и второй Икинитские и Онгоев – согласились принять ясак на каждого работника из расчета: первые два – по 5 руб. 65 коп., а третий – по 5 руб. 60 коп. Комиссия же на каждого работника положила по 6 руб.⁴³¹ В Аларском ведомстве Ширанутский и восьмой Ходохорский роды изъявили согласие платить по 5 руб. и 4,5 руб. с работника соответственно. Однако комиссия, указав, что они имеют хорошие земли и «выгоды от сбыта своих произведений», положила по 7 руб. на работника⁴³². Три рода Китойского ведомства – Сайгутский, Куркутский и Чеченовский – наотрез отказались платить положенный на них ясак, считая, что он слишком обременителен для них. В окладной книге жителей Сайгутского рода имеется следующая запись: «1830 г. ноября 14 дня, нижеподписавшиеся инородцы Иркутского округа Китойского ведомства Сайгутского рода при совещании с нами комиссии Восточной Сибири... относительно обложения нашего рода новою ясачною податью объявили, что не находим себя в состоянии более принять сей подати, как по два рубля семидесяти пяти копеек на каждого работника по причине недостатка у нас сенокосных и выгонных мест»⁴³³. Комиссия нашла это объяснение «несообразным», ибо они (жители этих родов. – *Авт.*) «имеют значительное хлебопашество и отсюда выгоды», и обложила Сайгутский род по 7 руб., а Куркутский и Чеченовский соответственно по 6 и 3 руб. на работника⁴³⁴.

⁴³⁰ РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 276. Л. 157об.

⁴³¹ Там же.

⁴³² Там же. Л. 158.

⁴³³ Там же. Ф. 468. Оп. 9. Д. 1051. Л. 230.

⁴³⁴ Там же. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 276. Л. 158об.

Весомость вновь положенных окладов лучше всего показывает рассмотрение процентного соотношения суммы ясака с общим доходом «инородцев». Выяснение этого соотношения по округам Западной Сибири показало, что там размер ясака колебался от 10 до 20 %, составляя в среднем примерно 15 % от совокупного дохода хозяйств коренных жителей. Рассмотрим это соотношение на материалах Восточной Сибири (табл. 8).

Таблица 8

Соотношение доходов коренного населения и ясака по округам Восточной Сибири, руб.

Округ	Максимальный доход	Минимальный доход	Среднее	Величина ясака	Соотношение, %
Канский	5 496	6 250	4 073,0	874	21
Верхнеудинский	359 177	225 792	292 434,0	114 545	39
Иркутский	41 6946	293 105	355 025,0	134 290	38
Нерчинский	27 785	15 972	21 878,0	11 356	52
Минусинский	91 299	59 730	74 514,5	28 763	38
Ачинский	15 729	9 380	12 554,5	6 598	52
Нижнеудинский	13 845	11 179	12 512,0	1 440	11
Киренский	34 285	20 236	27 260,5	4 899	18
Енисейский	92 512	49 495	7 1226,5	18 935	26

Примечание: таблица составлена по данным РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 276. Л. 127–128, 134–134об, 142–144, 154–156, 172–173, 238–239, 245–246; Ф. 468. Оп. 9. Д. 1044. Л. 4–4об, 195об.

В большинстве округов ясак был положен одними деньгами, в некоторых, например Ачинском, Киренском, Енисейском, одним зверем. Именно в этих последних округах процентное отношение ясака к доходам аборигенов было гораздо ниже, чем на остальной территории Восточной Сибири. Если в целом по региону оно составляло около 38 %, то в названных округах лишь 18 % от величины годового дохода. Столь значительная разница объясняется тем, что коренное население этих округов было охотниками-промысловиками. Уровень развития хозяйства у них был низким, товарность его очень мала и едва покрывала собственные потребности коренных жителей. Назначение высокого оклада привело бы не только к росту

недоимки, но и к разорению налогоплательщиков. Степень эксплуатации бродячих аборигенов возрастала еще и оттого, что на практике меха принимались в ясак гораздо ниже их реальной стоимости.

В среднем сумма ясачной подати по округам Иркутской и Енисейской губерний составляла третью часть денежного дохода аборигенов. При таком размере ясачной подати взимание ее не могло быть успешным. Накапливались недоимки. В качестве примера можно привести Иркутский округ, где через пять лет после взимания ясака по новому окладу недоимки составляли 20 322 руб. (ясак) и 19 761 руб. (повинности)⁴³⁵. Еще С. Шашков, рассматривая деятельность ясачной комиссии в Западной Сибири, пришел к выводу, что «главную причину накопления недоимки была крайняя несоразмерность налогов со степенью инородческого благосостояния»⁴³⁶. Однако если в Западной Сибири размеры ясачного обложения составляли примерно 15 % от совокупных доходов коренных жителей, то в Восточной Сибири размеры ясачного обложения были выше более чем в 2 раза (33 %). Если учесть, что коренные жители участвовали в исполнении земских повинностей и ряда других податных сборов, которые намного превышали размеры ясачных платежей, то станет очевидным, что главной причиной накопления недоимок являлось несоответствие податного обложения уровню платежеспособности коренных жителей.

В итоге отметим, что главные задачи, поставленные правительством перед комиссиями, были выполнены. Комиссии провели переобложение ясаком коренных жителей Сибири, проверили правильность деления аборигенов на разряды, рассмотрели их просьбы и жалобы.

Однако в целом по Сибири действия ясачных комиссий не принесли желанных правительству результатов. Не оправдались, например, надежды на увеличение поступления в ясак ценных сортов пушнины. В высочайше утвержденной записке министра и императорского двора от 15 октября 1842 г. отме-

⁴³⁵ РГИА. Ф. 1589. Оп. 1. Д. 536. Л. 297–308.

⁴³⁶ Шашков С. Указ. соч. С. 282.

чается, что «с самого окончания действий ясачных комиссий в Кабинет не было ни разу выслано более третьей части того количества соболей и дорогих лисиц, какое комиссиями положено»⁴³⁷. Постоянно растет денежная недоимка.

3.4

ПРЕДЛОЖЕНИЯ О ЯСАЧНОМ СБОРЕ

В 40–50-х гг. XIX в.

ПОПЫТКИ ПЕРЕСМОТРА УСТАВА 1822 г.

Фискальная политика царизма в Сибири в 40–50-е гг. XIX в., как и в предшествующий период, строилась в соответствии с потребностями феодального государства и императорского Кабинета. Основную цель ее правительство видело в обеспечении максимальных денежных платежей и в увеличении поступления в ясак пушнины.

При анализе ясачной политики необходимо учитывать те кризисные явления, которые довольно отчетливо обнаружались в этот период в экономике феодального государства и оказывали определенное влияние на внутреннюю и внешнюю политику царизма.

В первой трети XIX в. правительству не удалось решить проблему бездоимочного сбора ясака. В конце 30-х гг. XIX в. Кабинет вынужден был признать, что «ясачный сбор, собираемый с инородцев, населяющих Сибирь... от одного года к другому значительно уменьшается. Через действия посылаемых в Восточную и Западную Сибирь комиссий не только не умножился доход, но и не обеспечен Кабинет в бездоимочном получении положенного на инородцев умеренного ясака»⁴³⁸. Особенно велики были недоимки в Восточной Сибири, где ясак составлял примерно 33 % от размеров совокупного дохода «инородческих» хозяйств. По данным Сибирского комитета,

⁴³⁷ РГИА. Ф. 468. Оп. 9. Д. 898. Л. 1об.

⁴³⁸ РГИА. Ф. 1265. Оп. 1. Д. 111. «Ведомость о числе душ податных инородцев Восточной Сибири по данным казенных палат за 1850–1851 гг.».

за 1850–1851 гг. сумма ясачной и оброчной недоимки исчислялась в следующих цифрах: Иркутский округ – 43 119, Верхнеудинский – 41 000, Нижнеудинский – 1 692, Нерчинский – 18 978, Киренский – 1 567, Енисейский – 10 024, Минусинский – 7 876, Ачинский – 2 527, Канский – 308, Красноярский – 287 руб.⁴³⁹

Рост недоимки отмечается и у коренных жителей Западной Сибири. Так, например, с березовских аборигенов Тобольской губернии в период с 1835 по 1839 г. следовало собрать ясака на сумму 79 535 руб. Однако реальные сборы составили всего лишь 42 386 руб. (примерно 53,3 % плановых сборов)⁴⁴⁰.

Из таблицы 9 видно, что в Восточной Сибири сбор ясака натурой составлял десятую часть совокупных ясачных платежей. Значительная пестрота в размере ясачных платежей по отдельным годам объясняется различными обстоятельствами: холодными снежными зимами, затрудняющими передвижение охотников по тайге в поисках зверя, лесными пожарами и другими местными причинами.

Увеличение удельного веса пушнины в ясаке в 1843–1845 гг. не следует относить на счет временного ограничения свободной торговли с аборигенами и запрещения принимать в ясак деньги вместо окладного зверя⁴⁴¹, последовавших вследствие именного указа от 4 ноября 1843 г. по предложению сенатора-ревизора И. Н. Толстого. Однако это были разовые явления, не отражающие общей тенденции в развитии ясачного сбора.

Сокращение натуральных ясачных платежей было явлением, характерным для всей Сибири, а отнюдь не для восточной ее части. В 30–40-е гг. XIX в. отмечается неуклонное сокращение натуральных ясачных платежей в Березовских волостях Тобольской губернии – основном центре сбора ясака натурой в Западной Сибири.

⁴³⁹РГИА. Ф. 468. Оп. 9. Д. 897. Л. 1.

⁴⁴⁰ Подсчитано по кн.: Миненко Н. А. Указ. соч. С. 261.

⁴⁴¹ ПСЗ-II. Т. 18, № 17292.

Таблица 9

Удельный вес натуральных ясачных поступлений
в Восточной Сибири в 1835–1845 гг.

Год	Иркутская губерния			Енисейская губерния		
	Сбор ясака (серебром)	В том числе натурой	%	Сбор ясака (серебром)	В том числе натурой	%
1835	90 027	4 073	5	11 585	1133	10
1836	116 675	11 204	10	13 505	331	2
1837	97 522	79 617	8	14 215	1374	10
1838	140 083	8 262	6	14 687	959	7
1839	114 977	105 446	9	14 627	973	7
1840	111 274	12 479	11	14 254	549	4
1841	117 013	10 621	9	14 970	1045	7
1842	110 984	11 920	11	13 792	316	2
1843	115 349	13 474	12	13 081	1079	8
1844	110 005	16 053	15	11 720	1996	17
1845	135 881	19 421	14	13 674	3177	23
Среднее по губернии			10			9
Среднее по Восточной Сибири			9,5			

Примечание: таблица составлена по данным РГИА. Ф. 468. Оп. 9. Д. 896. Л. 21–21об, 61–64.

В 1835 г. там было собрано пушнины на сумму в 14 262 руб. вместо 15 907, положенных второй ясачной комиссией. В следующем, 1836 г. сбор ясака натурой сократился до 12 723 руб. В 1837 г. ясак пушниной был собран на сумму 5 970, в 1838 г. – 5 839, в 1839 г. – 3 492 руб.⁴⁴² Произведя необходимые расчеты, увидим, что среднегодовой сбор ясака за пятилетие составлял примерно 53 % предполагаемых поступлений. Между тем отметим, что сибирская пушнина всегда составляла важную часть доходов императорского Кабинета, поэтому сокращение поступления ясачных платежей вызывало озабоченность этого главного финансового органа коронной фамилии. Кабинет стремился изыскать пути и средства для бездоимочного сбора ясака, особенно пушниной.

Для ясачной политики правительства 40–50-х гг. XIX в. характерны попытки отказаться от некоторых положений Уста-

⁴⁴² Миненко Н. А. Указ. соч. С. 261.

ва 1822 г. в области торговли, налогового обложения и др. Под сомнение ставилась даже правильность тех правительственных мероприятий, которые проводились в начале XIX в. Конкретно это выразилось в следующем.

В марте 1839 г. члену Кабинета статскому советнику Н. Всеволожскому было поручено составить предложения «к улучшению благосостояния инородцев и к увеличению, без отягощения их, доходов его величества»⁴⁴³. Вскоре эти предложения были разработаны и поступили на рассмотрение вице-президента Кабинета князя П. П. Гагарина.

Предложения Всеволожского включают в себя довольно подробную историческую справку о ясачном сборе. Автор подверг резкой критике действия первой ясачной комиссии (1763 г.). «Последствия действий Щербачева, – указывает автор предложений, – не представляют никаких данностей улучшения»⁴⁴⁴. Главная ошибка Щербачева, по мнению Всеволожского, заключалась в том, что он ввел подушный способ обложения «инородцев» вместо того, чтобы взять за основание сбор целыми улусами»⁴⁴⁵. Поводом «к уменьшению доходов Кабинета» послужило разрешение сдавать ясак деньгами в случае неулова зверя. Всеволожский считал, что «последствия распоряжений Щербачева» были «настолько тягостными», что «оказались вредными и в начале нынешнего столетия»⁴⁴⁶. С открытием российско-американской компании «платеж ясака натурою вовсе прекратился или получались шкуры самой низкой доброты»⁴⁴⁷.

Всеволожский критикует и нововведения М. М. Сперанского. Он пишет: «Изданный в 1822 г. Устав об инородцах... не постановил никаких положительных мер к приведению в устройство первоначальной и доселе главной отрасли промышленности того края»⁴⁴⁸. (Под главной отраслью он подра-

⁴⁴³ РГИА. Ф. 468. Оп. 9. Д. 897. Л. 1об.

⁴⁴⁴ Там же. Л. 73–74.

⁴⁴⁵ Там же.

⁴⁴⁶ Там же. Л. 75–75об.

⁴⁴⁷ Там же.

⁴⁴⁸ Там же. Л. 76.

зумеает пушной промысел.) Однако собственные предложения Всеволожского по улучшению сбора ясака не отличались глубиной постановки вопроса. Для предотвращения утечки мехов на сторону он предлагает точно определять количество добываемой пушнины, для чего рекомендуется ввести должность комиссаров, которые должны были заниматься клеймением шкур. Контроль за деятельностью комиссаров предлагалось поручить специальным ясачным конторам, которые следовало учредить «в главных местах или центрах промыслов ясачных»⁴⁴⁹. Количество добываемой пушнины предлагалось делить была идти на уплату государственных и местных повинностей. Третья часть, по замыслу Всеволожского, «должна поступать в чистый доход Кабинета как «оброк за пользование землями и угодиями, ему (Кабинету. – *Авт.*) принадлежащими»⁴⁵⁰.

Анализируя указанный проект, нетрудно убедиться, что он не отличался оригинальностью суждений и не мог удовлетворить Кабинет. В проекте Всеволожского важно другое: земли, населенные ясачными, он рассматривает как личную собственность императорской фамилии, а ясак – как оброк, который аборигены должны платить владельцу за пользование землей. К этому вопросу, имеющему принципиально важное значение для характеристики взаимоотношений народов края и Кабинета, мы еще вернемся.

Как уже указывалось, проект Всеволожского не удовлетворил правительство, поэтому министр императорского двора князь П. М. Волконский разработал собственные предложения по улучшению ясачного сбора, которые в феврале 1840 г. были отсланы на отзыв генерал-губернаторам Западной и Восточной Сибири. Приступая к разработке проекта, Волконский вынужден был признать, что «ясак, платимый сибирскими инородцами... с каждым годом видимо ослабевает. Ни количеством, ни качеством мехов далеко не соответствует он

⁴⁴⁹ РГИА. Ф. 468. Оп. 9. Д. 897. Л. 76.

⁴⁵⁰ Там же. Л. 93.

ожиданиям правительства»⁴⁵¹. Для исправления этого положения Волконский предлагает: 1) запретить свободную торговлю с аборигенами, оставляя купцам право торговать только на ярмарках, «но не прежде, как по взносу инородцами ясака; 2) запретить взнос ясака деньгами вместо окладного зверя; в случае же неулова зверей считать ясак в недоимке, но деньгами не принимать»⁴⁵²; 3) привести приемные цены на пушнину в соответствие с рыночными; 4) поощрять родоначальников за исправный взнос ясака деньгами и «подвергать суду их, если при достаточном улове дознана будет утайка оного или продажа в недозволенных местах»⁴⁵³.

Эти предложения подробно рассматривались в совете Главного управления Восточной Сибири. При этом Енисейский гражданский губернатор Копылов согласился с Волконским, указав, что уменьшение ясака пушниной «происходит не от чего другого, как от дарованного инородцам по Уставу об них... дозволения вносить ясак деньгами». Пушнину они выгодно продают «в частные руки, ясак выплачивают вырученными деньгами...»⁴⁵⁴.

В 1837–1840 гг. в Енисейской губернии денежный ясак составил 153 076 руб., а ясак пушниной – 11 673 руб.⁴⁵⁵.

Иркутский губернатор также считал, что главная причина упадка ясака пушниной – свободная торговля с инородцами, и предлагал «сделать воспрещение всем вообще торговцам не токмо преследовать инородцев в местах лова зверей, но даже производить торговлю на ярмарках и сугланах прежде того, как внесен будет инородцами ясак»⁴⁵⁶.

В то же время он высказался против предложения не принимать в ясак деньги вместо пушнины при «неулове зверя», а ясак считать в недоимке, ибо, по его мнению, это воспрещение было бы для аборигенов «стеснительно», а «недоимка за ино-

⁴⁵¹ Там же. Л. 18.

⁴⁵² РГИА. Ф. 468. Оп. 9. Д. 897. Л. 18–20.

⁴⁵³ Там же.

⁴⁵⁴ Там же.

⁴⁵⁵ Там же. Л. 25.

⁴⁵⁶ Там же. Л. 26об.

родцами будет каждым годом увеличиваться и никогда не уменьшится»⁴⁵⁷. Иначе смотрели на идею запретительной торговли в Западной Сибири. Березовский исправник, которому Тобольский губернатор поручил высказать свое мнение по предполагаемой реформе, считал, что денежный сбор ясака удобнее для коренных жителей, нежели натуральные платежи. В условиях упадка пушного промысла и сокращения ясачных поступлений натурой развитие свободной торговли, по мысли исправника, должно было способствовать накоплению у аборигенов денег и тем самым служить гарантией отсутствия недоимок по ясачным платежам. Руководствуясь этими соображениями, Тобольский губернский совет высказался против проектируемого Кабинетом ограничения свободной торговли, отметив при этом, что осуществление этой идеи на практике находилось бы в явном противоречии не только с потребностями коренных жителей, но и с законодательством⁴⁵⁸.

Однако мнение западносибирской администрации не было принято во внимание центральными властями. Основанием для такого решения послужил тот факт, что Восточная Сибирь по количеству и качеству ясака намного превосходила Западную. Поэтому в 40-е гг. XIX в. правительство своего рода лакмусовой бумажкой ясачной политики избрало именно Восточную Сибирь, предполагая в случае удачи экспериментов распространить их на западную часть Сибири.

Бывший генерал-губернатор Восточной Сибири А. С. Лавинский также сделал замечания на проект Волконского. Соглашаясь с предложением министра о запрещении свободной торговли, Лавинский в то же время высказался против перевода ясака в натуральную форму. Предложение о сближении приемных и рыночных цен на пушнину он считал справедливым, но предлагал «не допускать никакого ограничения в недоимке и даже не допускать такой пагубной мысли, что недоимка существовать может»⁴⁵⁹. Награды родоначальникам

⁴⁵⁷ РГИА. Ф. 468. Оп. 9. Д. 897. Л. 31.

⁴⁵⁸ См.: Миненко Н. А. Указ. соч. С. 260–261.

⁴⁵⁹ РГИА. Ф. 468. Оп. 9. Д. 897. Л. 66–69.

за исправный взнос ясака Лавинский предлагал давать пореже, дабы они « в глазах инородцев не потеряли своей цены»⁴⁶⁰.

Вице-президент Кабинета князь Гагарин одной из «главных и действительных причин ежегодного уменьшения взноса ясака и накопления значительных недоимок» считал «добровольное согласие инородцев» на принятие того или иного оклада. По его мнению, «при такой свободе... данной инородцам», не нужно было посылать ясачные комиссии, ибо они не могли достичь успеха⁴⁶¹.

Предложения Волконского и других чиновников рассматривались Кабинетом в конце июля 1841 г. В итоге обсуждения Кабинет постановил: 1) возобновить прежний закон о запрещении свободной торговли с аборигенами, торговлю разрешать только на ярмарках и сугланах, но не раньше взноса коренными жителям ясака; 2) за нарушение правил торговли товар подлежал конфискации; 3) уравнивать приемные и рыночные цены на пушнину; 4) решительно воспретить взнос ясака деньгами вместо шкур окладного зверя.

В то же время Кабинет признал, что «если за приведением в исполнение предлагаемых мер... не будет наблюдения со стороны Кабинета, то все эти меры не могут принести ожидаемой пользы»⁴⁶². В силу указанных опасений Кабинет счел совершенно необходимым «в Восточную Сибирь назначить от Кабинета Е. И. В. управляющего сбором ясака и двух его помощников»⁴⁶³. Чиновники эти должны были подчиняться только генерал-губернатору, назначение и увольнение их от должности зависело от министра императорского двора. В обязанности управляющего сбором ясака входили сбор сведений о хозяйстве аборигенов как основе их платежеспособности, посещение ярмарок и сугланов, сбор недоимок и т. д.

Министр финансов согласился с предложениями Кабинета, и в октябре 1841 г. они поступили на рассмотрение Вол-

⁴⁶⁰ РГИА. Ф. 468. Оп. 9. Д. 897. Л. 66–69.

⁴⁶¹ Там же. Л. 70–70об.

⁴⁶² Там же.

⁴⁶³ Там же.

конского⁴⁶⁴. Однако введение в жизнь этих предложений было задержано до выяснения «всех обстоятельств» ясачного сбора, в частности до окончания ревизии сенатора Толстого.

Одной из крупных правительственных мер, направленных на увеличение сбора ясака, была отправка в Сибирь senatorской ревизии во главе с тайным советником И. Н. Толстым. В октябре 1842 г. Толстому поручалось «обратить... строгое внимание на сбор... ясака звериными шкурами», войти в «разыскание причин, по которым доставляются шкуры не в том количестве и не теми зверями, какими сбор с инородцев положен ясачными комиссиями», и составить предложения «к улучшению сбора ясака шкурами дорогих зверей»⁴⁶⁵. Новая ревизия, по справедливому замечанию сменника, «была вызвана явной запутанностью в делах и слухами о злоупотреблениях», которые «в управление Руперта⁴⁶⁶ действительно увеличились, потому что и поводов к ним было больше прежнего»⁴⁶⁷. «Злоупотребления всякого рода, взяточничество и казнокрадство свили себе здесь (в Иркутской губернии. – Авт.) широкое гнездо. В уездных захолустьях вроде Киренска или Нерчинска, вероятно, было еще хуже», – писал В. И. Вагин⁴⁶⁸.

Об отношении Иркутской администрации к коренным жителям края дает понятие следующий факт: «В Якутск... в 1840 г. доставлен был из казенных магазинов хлеб с песком. Смотритель магазинов отказался принять его. Пошла переписка. Дело дошло до областного правления. Оно нашло, что хлеб действительно с песком, но что якуты по своей грубой натуре без труда могут употреблять его, и хлеб был принят»⁴⁶⁹.

В. И. Вагин в следующих чертах характеризует самого Толстого и членов его комиссии: «Это был пожилой, лет под пятьдесят, но еще довольно бодрый мужчина среднего роста, довольно полный с приятным лицом. Едва ли в умственном от-

⁴⁶⁴ РГИА. Ф. 468. Оп. 9. Д. 897. Л. 204–236.

⁴⁶⁵ Там же. Д. 898. Л. 1–2.

⁴⁶⁶ Генерал-лейтенант Руперт занимал пост генерал-губернатора Восточной Сибири в период с 1837 по 1847 гг.

⁴⁶⁷ Вагин В. И. Указ. соч. С. 269–270.

⁴⁶⁸ Там же. С. 276.

⁴⁶⁹ Там же.

ношении его можно было назвать человеком отсталым. Свита приехала с ним большая. Она состояла преимущественно из Петербургской золотой молодежи разного возраста. Лучшими дельцами в свите Толстого считались гг. Философов, впоследствии главный военный прокурор, и Славинский, о дальнейшей карьере которого мне ничего неизвестно. Остальная свита Толстого состояла из молодых людей, только что начинавших службу, и, по крайней мере в то время, ничем не примечательных. Было бы излишним приводить их фамилии»⁴⁷⁰.

Одним из первых мероприятий Толстого, направленных на увеличение сбора ясака натурой, явилось предложение об ограничении денежного взноса. Ознакомившись с порядком взимания ясачных платежей, Толстой пришел к выводу, что разрешение платить ясак «деньгами или мехом или тем и другим вместе» приняло «неблагоприятную сторону» и повлекло к «неисправности, доказываемой накапливающейся ясачною недоимкою»⁴⁷¹. Сенатор указывал, что «местные начальники, пользуясь дозволением получать ясак деньгами, допускают это и при избыточном улове зверя», а пушнину «обращают в собственную выгоду»⁴⁷². Следует отметить, что замечание это было справедливо только отчасти. Истинные причины сокращения натуральных ясачных платежей были иными. Однако Толстой, считая такое дозволение «корнем зла», предложил «допускать сбор ясака деньгами только в тех случаях, когда по удостоверению на месте окажется затруднение в получении ясака пушным зверем»⁴⁷³. Это предложение находилось в явном противоречии с Уставом 1822 г., поэтому для его введения потребовалась высочайшая санкция.

Одновременно Толстой высказался за ограничение свободной торговли с коренными жителями. Он считал «совершенно необходимым поставить в строгую и непрременную обя-

⁴⁷⁰ Вагин В. И. Указ. соч. С. 271–272.

⁴⁷¹ РГИА. Ф. 468. Оп. 9. Д. 902. Л. 1об.

⁴⁷² Там же.

⁴⁷³ Там же. Л. 2.

занность, дабы инородцы имели дело с местными торговцами по окончании ими взноса ясака»⁴⁷⁴.

Особое внимание Толстой обращал на Западную Сибирь, где он не мог приступить лично «к распоряжениям по наблюдению за сбором» ясака. В сентябре 1843 г. он обратился к тамошнему генерал-губернатору Горчакову с просьбой «известить инородцев... и в особенности их родоначальников, что высшее начальство желает видеть в них большее усердие в исправном взносе ясака и преимущественно шкурами дорогих зверей, а так же и прежней недоимки»⁴⁷⁵. Толстой требовал от Горчакова не «допускать сбора ясака деньгами, исключая случаи доказанного неулова зверя»⁴⁷⁶.

Охранительные предложения Толстого были утверждены Николаем I в виде опыта на три года, точнее на время пребывания его в Сибири, но с тем, чтобы впоследствии, если эта мера окажется полезною, сделать действие ее уже постоянною. Однако введение сбора ясака натурой и мероприятия по ограничению свободной торговли коренных жителей находились в явном противоречии с объективными потребностями развития товарно-денежных отношений у народов Сибири, поэтому они не могли дать желаемых правительству результатов, в лучшем случае могли принести разовый эффект. На это указал, в частности, генерал-губернатор Западной Сибири князь Горчаков, который в сентябре 1843 г. писал министру государственных имуществ Д. Киселеву, что «мера эта принесет пользу только временную»⁴⁷⁷. В ноябре того же года Горчаков вновь обратил внимание министра на то, что нововведения Толстого могут «принести только временную пользу, доколе там (в Сибири. – *Авт.*) будет находиться упомянутый сенатор с предоставленными ему средствами, но с удалением его местное начальство не будет иметь способов... к взиманию ясака натурою»⁴⁷⁸.

⁴⁷⁴ РГИА. Ф. 468. Оп. 9. Д. 902. Л. 9–10.

⁴⁷⁵ Там же. Ф. 383. Оп. 1. Д. 411. Л. 43об.

⁴⁷⁶ Там же.

⁴⁷⁷ Там же. Л. 39.

⁴⁷⁸ Там же. Ф. 468. Оп. 9. Д. 902. Л. 43–44об.

В запрещении свободной торговли, введенной Толстым, генерал-губернатор видел «мало пользы для Кабинета и много притеснений инородцам»⁴⁷⁹. Чтобы избежать этого и в то же время соблюсти интересы Кабинета, Горчаков предлагал «не возвращаться к... сбору мехов натурою как порядку, отвергнутому уже в целой Европе», а «обеспечить сей доход»⁴⁸⁰ приведением в равенство приемных цен на пушнину с рыночными. Эта мера, по мысли Горчакова, должна была предотвратить утечку ценных сортов пушнины на сторону. Генерал-губернатор полагал также возможным разрешить взнос ясачной подати деньгами «в количестве, достаточном для безубыточного обеспечения потребностей императорского двора, вольной покупкой мехов на ярмарках»⁴⁸¹. В заключение генерал-губернатор просил министра способствовать осуществлению его предложений в виде опыта «хотя на три года». Горчаков надеялся, что этот срок будет достаточным для того, чтобы вынести окончательное суждение по вопросу о том, «который из двух способов удобнее предположится»⁴⁸², – его, т. е. Горчакова, или сенатора Толстого.

Однако министр двора П. М. Волконский предложения Горчакова нашел «несовременными». В декабре 1843 г. он не без раздражения писал П. Д. Киселеву, что, несмотря на неоднократные напоминания сибирским генерал-губернаторам, «делаемые со стороны их распоряжения не могли улучшить ясачного сбора»⁴⁸³. Именно эти обстоятельства и вызвали ревизию и экстраординарные меры сенатора Толстого. Министр двора считал невозможным допустить, чтобы «по одному и тому же предмету в сборе ясака» действовали два совершенно противоположных положения, и высказал твердое намерение до возвращения Толстого из Сибири «никаких новых мер не допускать»⁴⁸⁴.

⁴⁷⁹ РГИА. Ф. 383. Оп. 1. Д. 411. Л. 39–40об.

⁴⁸⁰ Там же.

⁴⁸¹ Там же.

⁴⁸² Там же.

⁴⁸³ Там же. Л. 55–55об.

⁴⁸⁴ Там же.

Однако западносибирский генерал-губернатор оказался чрезвычайно упорным в стремлении добиться осуществления своего проекта. В июне 1844 г. он без обиняков заявил П. М. Волконскому, что мероприятия сенатора Толстого по ограничению свободной торговли и сбора ясака натурой «были... противны» его личному убеждению⁴⁸⁵.

Между тем в ряде мест Западной Сибири произошли события, которые ясно свидетельствовали о бесплодности надежд правительства на возрождение ясачного сбора мехами и спасительной роли в этом деле запретительной торговли.

Зимой 1844 г. съехавшиеся на обдорскую ярмарку купцы были крайне удивлены распоряжением обдорского отдельно-го заседателя Зеновьева и Тарского земского суда заседателя Шершеневича о запрещении торговых сделок с аборигенами до окончательной уплаты последними ясака. По собственному признанию упомянутых чиновников, это нововведение, явившееся следствием мероприятий Толстого, могло послужить «причиной весьма сомнительною»⁴⁸⁶ успешного сбора ясака, а купцам грозило одним разорением.

Открытия свободной торговли «по крайней мере, самыми необходимыми вещами, а в особенности съестными припасами»⁴⁸⁷ требовали прибывшие на ярмарку ханты и манси. Опасаясь возвращения раздраженных аборигенов в тайгу, но еще более страшась возможности совершенно не собрать ясак, Шершеневич и Зеновьев вынуждены были разрешить торговлю, предварительно получив у купцов подписку в том, что они «ручаются своим имуществом за полный и своевременный ясак этого года в точности по окладным книгам...»⁴⁸⁸. Таким образом, сама жизнь заставляла администрацию отказываться от политики консервации, но все уступки правительства здесь «буквально вырывались временем и обстановкой...»⁴⁸⁹.

⁴⁸⁵ РГИА. Ф. 383. Оп. 1. Д. 411. Л. 70.

⁴⁸⁶ Там же. Л. 73.

⁴⁸⁷ Там же.

⁴⁸⁸ Там же.

⁴⁸⁹ Миненко Н. А. Указ. соч. С. 262.

В конце концов Горчаков окончательно порвал с Толстым, заявив последнему в марте 1844 г., что «надеяться на то, чтобы в Западной Сибири можно было получить зверя достоинстве высокого, дело невозможное и никакие усилия его не доставят, потому что он попадаетеся крайне редко»⁴⁹⁰.

Упорное нежелание Горчакова подчиниться распоряжениям сенатора-ревизора вызвало ответную реакцию последнего. В сентябре 1844 г. он пишет пространное письмо министру юстиции Панину, в котором жалуется на то, что «в самом начале уже встретил со стороны... Горчакова уклонение от содействия ему»⁴⁹¹. По мнению Толстого, «разные опасения и затруднения», обнаруживаемые генерал-губернатором при исполнении требований ревизоров, «неволью обнаруживают слабость собственных распоряжений и недостаток строгости в преследовании существующих во вверенных ему губерниях злоупотреблений»⁴⁹². Толстой был твердо убежден в том, что законы и требования центрального правительства были безошибочны и превосходны, а вот исполнители на местах – плохи. Толстой не соглашается с Горчаковым, что вследствие отдаленности сибирских губерний и недостатка благонамеренных чиновников в Сибири «всегда будут беспорядки злоупотребления не только в сборе ясака, но и по всем частям правления»⁴⁹³. Само по себе это заявление высокопоставленного чиновника очень симптоматично. Оно свидетельствует о полной неспособности царской администрации изжить злоупотребления, навести порядок в делах управления Сибирью. Однако это тема особого разговора. Для нас важно подчеркнуть другое – убеждение Толстого, действовавшего по «высочайшему повелению», в правоте своих поступков и возможности путем «внезапных ревизий» и подбора честных чиновников «отстранить беспорядки», которые генерал-губернатору казались неизбежными⁴⁹⁴.

⁴⁹⁰ РГИА. Ф. 383. Оп. 1. Д. 411. Л. 84об.

⁴⁹¹ Там же. Л. 91об–92.

⁴⁹² Там же.

⁴⁹³ Там же.

⁴⁹⁴ Там же. Л. 92.

Противоречия, возникшие между сенатором-ревизором и генерал-губернатором, не являлись чисто теоретическим или амбициозным спором. Они отражали отличный подход к проблемам ясачного сбора центральной и местной администраций. Сибирское чиновничество ясно представляло невозможность возрождения сбора ясака натурой. Центральные же власти надеялись путем различных охранительных мероприятий заставить аборигенов платить ясак пушниной. Общее в этих двух тенденциях ясачной политики заключалось в том, что как центральная, так и местная администрации рассматривали ясачную подать как неотъемлемую, составную часть доходов коронного ведомства. Спор велся лишь о том, в какой форме – денежной или натуральной – Кабинет получит эту подать.

Важно отметить, что впоследствии сам Толстой вынужден был признать «несообразность» его мероприятий с действительным положением вещей. Однако в первоначальный период пребывания в Сибири вопрос о формах и способах сбора ясака сенатор-ревизор сводил по существу к злоупотреблению неблагонамеренных чиновников в отдаленном крае и попечению высшей власти о благе сибирских народов.

Итогом ревизии Толстого в Сибири явилась наряду с другими документами обширная «Записка о действиях ревизии по сбору ясака в Восточной Сибири...», которая представляет несомненный интерес для уяснения сущности ясачной политики царизма в середине XIX в.

«Записка» Толстого о ясаке в общей сложности занимает более 100 страниц. Условно ее можно разделить примерно на две равные части: в первой автор изложил свой взгляд на предмет развития ясачного сбора в Сибири, во второй высказал предложения по улучшению ясачного сбора. Для характеристики ясачной политики царизма важны именно эти разделы документа.

Как видно из материалов, готовясь к ревизии, Толстой внимательно изучил предложения министра императорского двора и Кабинета по вопросу сбора ясака натурой, поэтому проект сенатора по сути дела являлся ответом на эти предложения. Особый интерес вызывает мнение сенатора по вопросу

о развитии свободной торговли с аборигенами. Как уже указывалось, первоначально Толстой высказался за ограничение этой торговли. Однако по мере изучения хозяйственного быта народов края Толстой пришел к выводу, что «по местному обстоятельству невозможно воспретить свободной торговли по инородческим стойбищам», а попытки вести торговлю «на ярмарках и сугланах только по взносу инородцами ясака» едва ли смогут принести «какую-либо существенную пользу»⁴⁹⁵. Указывая на большое значение свободной торговли, Толстой пишет: «Сношение с купцами так для инородцев необходимо, что они никогда не жалуются даже на кабалу; одно то, что доставляет купец, и обеспечивает их существование. Противное сему ограничение может принести вред неисчислимый»⁴⁹⁶. Признавая в известном смысле правоту Толстого, следует также указать, что необходимость свободной торговли обуславливалась экономическими потребностями развития инородческих племен, хозяйство которых постепенно теряло натуральный обмен и втягивалось в рыночные отношения.

Попытки правительства побудить коренных жителей к взносу ясака натурой строились без учета реальных платежных способностей аборигенов и состояния пушных богатств Сибири. По меткому замечанию Толстого, «сбор рухлядью мог быть временным сбором, впоследствии он должен был изменяться»⁴⁹⁷, что и наблюдалось на практике. Причины сокращения ясака сенатор видел в перемене образа жизни инородцев, т. е. в успехах хозяйственного развития, в уменьшении общего количества зверей, в неудобстве всякого сбора натурой. Основным средством к увеличению сбора ясака натурой Толстой считал уравнивание приемных и рыночных цен и даже некоторое искусственное завышение первых, что, по мысли автора проекта, должно было создать заинтересованность инородцев к взносу ясака именно пушниной. В этом случае, по

⁴⁹⁵ РГИА. Ф. 468. Оп. 9. Д. 909. Л. 57–58об.

⁴⁹⁶ Там же. Л. 56.

⁴⁹⁷ Там же. Л. 69–70об.

мысли Толстого, у Кабинета появилась бы возможность «получать дорогого зверя из полных рук»⁴⁹⁸.

Относительно денежного сбора ясака Толстой замечает, что улучшить его – это значит «без отягощения для инородцев увеличить, уравнивать с силами налогоплательщиков»⁴⁹⁹ и таким образом предупредить недоимки. Мысль о приведении величины оклада в соответствие с платежеспособностью народов края как средство предупреждения недоимок следует признать вполне здравой, ибо, как уже указывалось, подобное несоответствие явилось одной из основных причин накопления недоимок. Толстой полагал, что с этой точки зрения «введение денежного сбора вместо ружляди следует считать улучшением ясачного сбора», и предлагал впредь «не обкладывать ружлядью, а преимущественно деньгами»⁵⁰⁰. Это предложение особенно интересно, если учитывать, что основная цель миссии Толстого в Сибири заключалась в увеличении ясака именно пушниной.

«Ближайшим средством» увеличения денежного сбора Толстой считал «обложение некоторых кочующих инородцев податью наравне с оседлыми»⁵⁰¹.

Большое внимание сенатор-ревизор уделил сбору недоимок. Толстой выделил основные причины недоимок: общие и частные. К первым он отнес общее увеличение денежных сборов, что было вполне справедливо, и «недостаток закона насчет понуждения инородцев к взносу ясака и прочих сборов»⁵⁰². Частные причины, по его мнению, обуславливались случайными факторами: стихийными бедствиями, неурожаем и т. д. Толстой, как и М. М. Сперанский, не являлся сторонником выколачивания недоимок путем посылки земских чиновников или воинских команд. Его предложения на этот предмет строились с учетом принадлежности аборигенов к тому или иному разряду.

⁴⁹⁸ РГИА. Ф. 468. Оп. 9. Д. 909. Л. 86–86об.

⁴⁹⁹ Там же Л. 77–78.

⁵⁰⁰ Там же.

⁵⁰¹ Там же.

⁵⁰² Там же. Л. 80об, 81.

У кочевников ответственность за недоимки следовало возложить «не на одних старост, как это существовало до сих пор, а на целое общество»⁵⁰³. По замыслу Толстого, общество должно было выносить «приговор... о средствах пополнения недоимок»⁵⁰⁴. К таковым мерам относились: 1) раскладка недоимок на состоятельных улусников; 2) продажа части имущества; 3) телесные наказания по приговору общества. Администрация обязывалась «только содействовать и понуждать, но ни под каким видом не предпринимать никаких мер»⁵⁰⁵. Относительно бродячих Толстой предлагает следующие меры: настоятельное убеждение, задержание старосты или его родственника, задержание части пушнины, предназначенной для продажи.

Обращает на себя внимание предложение Толстого об организации новой переписи аборигенов. Анализируя результаты действий всех предшествующих ревизий, особенно методике их работы, Толстой пришел к выводу о том, что ревизии не дали полной и достаточно ясной картины хозяйственного развития народов края. Поэтому при сборе ясака, величина которого основывалась на данных ревизии, возникали трудности. Вследствие этого Толстой предложил «заменить эту систему учреждением постоянного хозяйственного управления со стороны Кабинета»⁵⁰⁶, а саму раскладку ясака производить не по числу душ или работников, а «на целые роды по способам и согласию каждого»⁵⁰⁷.

Предложения об улучшении «хозяйственного управления», его состав и функции были идентичны постановлению Кабинета о введении должности управляющего сбором ясака. Они получили практическое разрешение в марте 1859 г., когда последовал соответствующий именной указ⁵⁰⁸.

⁵⁰³ РГИА. Ф. 468. Оп. 9. Д. 909.

⁵⁰⁴ Там же.

⁵⁰⁵ Там же.

⁵⁰⁶ Там же.

⁵⁰⁷ Там же.

⁵⁰⁸ ПСЗ-II. Т. 34. Отд. 1. № 34250.

Проект Толстого явился предметом тщательного изучения правительства, реализация его началась в конце 50-х – начале 60-х гг. Что же касается ясачной политики правительства в 40–50-е гг. XIX столетия, то она, как и в предшествующий период, строилась в соответствии с нуждами и потребностями Кабинета. В то же время правительство было вынуждено учитывать те изменения, которые происходили в социально-экономическом развитии народов Сибири, что находило определенное отражение в ясачной политике царизма.

ГЛАВА 4

Ясачная политика самодержавия в Сибири во второй половине XIX – начале XX в.

4.1

НАЛОГИ И ПОВИННОСТИ НАРОДОВ СИБИРИ В ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД

До 60-х гг. XVIII в. эксплуатация коренных жителей Сибири осуществлялась преимущественно в виде сбора ясака пушной. По мере развития хозяйства, усиления товарно-денежных отношений и роста торговли создавались предпосылки для коммутации ясака и замены натуральной ренты денежной. Эта тенденция отражала объективные потребности развития аборигенов, в хозяйстве которых наблюдается постепенное, но неуклонное падение удельного веса охоты и пушного промысла. Изменения в хозяйственном строе, рост оседлости и сближение с русским населением дали правительству возможность в конце XVIII – первой половине XIX в. явочным порядком распространить на аборигенное население и другие виды податных обязанностей. Втягивание народностей Сибири в систему общерусских государственных и хозяйственных связей сопровождалось усилением налогового гнета этих народов, получившего законодательное оформление в «Уставе об управлении инородцев» 1822 г. Основные положения этого законодательного акта были систематизированы и откорректированы правительством в соответствии с общим направлением политического курса по отношению к народам Сибири во второй половине XIX – начале XX в., что нашло отражение в «Законах о состоянии», «Положении об инородцах», «Уставе о прямых налогах», «Уставе о земских повинностях» и др.

В соответствии со ст. 762 «Закона о состояниях» народы Сибири причислялись к сословной категории «сибирских инородцев»⁵⁰⁹, права и обязанности которой определялись «Положением об инородцах»⁵¹⁰. Это положение по форме подати и повинности коренного населения подразделяло на денежные и натуральные. По назначению тогдашней административно-финансовой практикой подати и повинности аборигенов делились на следующие: 1) «подать, ясаком именуемую и поступающую в Кабинет Е. И. В.; 2) земские повинности; 3) повинности внутренние на содержание степного управления»⁵¹¹. Однако классификация эта нуждается в определенных оговорках, так как не точно отражает особенности податной системы, порожденной различным сословно-правовым положением трех групп коренного населения – оседлых, кочевых и бродячих.

В соответствии с законодательством «все, вообще, оседлые инородцы» должны были «сравниваться с россиянами в правах и обязанностях по сословиям, в которые они вступают». Следовательно, перевод в категорию оседлых для аборигенов сопровождался значительным расширением и увеличением круга и размера податных обязанностей. Как и русские крестьяне, они платили подушную и оброчную подати, сборы на межевой и пожарный капитал, отбывали губернские, волостные, в том числе и натуральные, земские повинности и др. На практике единственным существенным отличием этой категории аборигенов от русского крестьянства являлось освобождение от воинской повинности.

Иначе обстояло дело с коренными «инородцами». В «Положении об инородцах» 1892 г., как и в Уставе 1822 г., подчеркивалось, что они «составляют особенное сословие в равной степени с крестьянским, но отличное от оногo в образе управления»⁵¹². Однако, в отличие от Устава, Положение 1892 г. не

⁵⁰⁹ Свод законов. Т. 9. Изд. 1899 г. и по продл. 1912 г. Законы о состоянии. О состоянии инородцев. Ст. 762, 763.

⁵¹⁰ Свод законов. Т. 2. Изд. 1892 г. и по продл. 1912 г. Положение об инородцах. О сибирских инородцах.

⁵¹¹ Свод законов. Т. 2. Изд. 1892 г. и по продл. 1912 г. Положение об инородцах. О сибирских инородцах. Ст. 196.

⁵¹² Там же. Ст. 26.

содержало оговорки о нераспространении на кочевников-скотоводов без специального предписания «новых общих по государству налогов»⁵¹³. Так на практике осуществлялся один из лозунгов националистической теории К. Х. Бунге о том, что не следует ломать сложившийся строй жизни «инородцев» без пользы для всего государства. Польза же государства, по мысли Бунге, требовала скорейшей и всеобъемлющей ассимиляции нерусского населения с «коренными жителями страны», т. е. с русскими⁵¹⁴. Как видим, идея приравнивания аборигенов Сибири к русскому населению пронизывала и податную политику царизма. Подтверждением этому является ст. 29 Положения, в которой говорилось, что «кочующие инородцы участвуют в общих по губернии повинностях». Эта же статья содержание степного управления относила к «внутренним повинностям кочующих».

«Устав о земских повинностях» 1899 г. конкретизировал эти положения. Прежде всего уточнялось, что земские повинности следует отбывать «или посредством денежных сборов по нарядам и очередям или по иному установленному для того порядку». Следовательно, земские повинности кочевых инородцев, как и оседлых, подразделялись на денежные и натуральные. В новом уставе подчеркивалось, что «натуральные земские повинности отправляются в каждой губернии (или области) собственными ее средствами и всем ее населением». От исполнения этих повинностей избавлялись только «лица, освобожденные от них по прямому указанию закона»⁵¹⁵. В Сибири под это положение попадали бродячие «инородцы», которые еще в 1822 г. были освобождены от участия в такого рода повинностях⁵¹⁶.

Как подданные государства, кочевые «инородцы» должны были уплачивать соответствующие налоги на содержание государственного аппарата. Таким налогом являлся

⁵¹³ ПСЗ-1. Т. 38, № 29126. § 300.

⁵¹⁴ Б-ка РГИА. Печ. зап. Бунге. Л. 4, 17, 18.

⁵¹⁵ Свод законов. Т. 4. Изд. 1899 г. и по продл. 1912 г. Устав о земских повинностях. Ст. 261.

⁵¹⁶ ПСЗ-1. Т. 38. Л. 29126. § 62.

44-копеечный подушный сбор, который платили кочевые и бродячие аборигены Сибири в общей массе ясака. Этот сбор состоял из 26-копеечного сбора «на содержание полковых и подъемных лошадей» и 18-копеечного сбора «на присутственные места». Эти податные сборы были введены указами 18 декабря 1797 г. и 27 ноября 1806 г. 44-копеечный сбор народы Сибири платили вплоть до начала XX в.⁵¹⁷ Этот вид платежей, который ряд исследователей ошибочно называют «ясачным сбором»⁵¹⁸, на самом деле ничего общего с ясаком не имел. Таковы были основные налоги и повинности народов Сибири в рассматриваемый период.

Налоги на содержание степного (родового) управления мало чем отличались от мирских платежей русских крестьян. Представление о статьях расходов на внутренние повинности кочевых и бродячих «инородцев» этого времени дают сметы инородных управ. Жители Верхоянского улуса Якутской области в 1906 г. платили: писарю – 599 руб., его помощнику – 126 руб., на содержание здания управ – 75 руб., на канцелярские расходы – 31 руб. и т. д. Примерно аналогичная раскладка этого вида платежей наблюдается и в других инородных управах⁵¹⁹. Характерно, что наибольшая статья этих расходов – содержание писаря – четко прослеживается и в других губерниях⁵²⁰.

Налоги на внутренние повинности у податного населения Сибири были наиболее подвижной частью платежей, так увеличение одних видов обложения приводило к увеличению других. Не только по уездам, но и внутри самих уездов обнаруживается значительная разница в размерах мирских денежных повинностей. В волостях оседлых «инородцев» Тарского уезда Тобольской губернии удельный вес этих налогов в совокупном обложении аборигенов колебался от 18,7 % (Саргатская волость) до 46,7 % (Тавско-Утузская волость). В Тоболь-

⁵¹⁷ РГИА. Ф. 573. Оп. 3. Д. 5051. Л. 10.

⁵¹⁸ Топчий А. Т. Крестьянские реформы в Сибири (1861–1899 гг.) / отв. ред. Л. И. Боженко. Томск, 1979. С. 224.

⁵¹⁹ ГАИО. Ф. 25. Оп. 8. Св. 857. Д. 1464. Л. 2–4; Ф. 24. Оп. 12. Д. 570. Л. 4об–5.

⁵²⁰ ГАТО. Ф. 3. Оп. 44. Д. 438; ГАКК. Ф. 595. Оп. 53. Д. 112. Л. 2, 3, 7, 11.

ском уезде и волостях Тобольской, Туринской, Истяцкой, Надцинской он соответственно составлял; 57, 60, 64 %⁵²¹.

Представление о соотношении и размерах земских и государственных повинностей у кочевых аборигенов Томской губернии дает табл. 14 прил. Из нее видно, что в совокупном обложении аборигенов (кроме ясака) на долю местных и губернских земских повинностей приходилось 50 % всех платежей. Примерно такая же картина наблюдается и в Восточной Сибири. В бурятских ведомствах Верхотенского округа Иркутской губернии на долю волостных сельских и натуральных повинностей приходилось 64,5 % всех платежей⁵²². Аналогичное положение наблюдается и у русских крестьян. По подсчетам В. Г. Тюкавкина, на долю земских губернских, мирских и натуральных повинностей у русского крестьянства Сибири приходилось 70,2 % всех платежей⁵²³. Это доказывает, что всю тяжесть по колонизации края царизм стремился переложить на плечи трудового населения.

Тяжесть денежных сборов на земские повинности усугублялась злоупотреблениями родовой администрации, проводившей под различными предлогами «темные поборы», необходимые якобы для подарков различным чиновникам. Большая часть собранных таким образом денег оседала в карманах самих родоначальников. Многочисленные циркуляры губернской администрации по борьбе с этим злом на практике оставались «мертвой буквой»⁵²⁴.

Из натуральных земских повинностей наиболее тяжелой считалась дорожная. По официальным данным, в середине XIX в. протяженность дорог в Сибири составляла около 15 тыс. верст⁵²⁵. На этом огромном расстоянии крестьяне и «инород-

⁵²¹ Подсчитано по: Андронников И. А. Материалы по землепользованию и эк. еж. омическому быту оседлых инородцев Тобольской губернии. Тобольск, 1911. С. 114–117, 120.

⁵²² Подсчитано по: Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний. Иркутская губерния. Иркутск, 1892. Т. 2, вып. 6. С. 492–493.

⁵²³ Тюкавкин В. Г. Сибирская деревня ... С. 117.

⁵²⁴ ЦГА РФ ДВ. Ф. 701. Оп. 1. Д. 87. Л. 3–Зоб; АГО, разряд 64. Оп. 1. Д. 9. Л. 32 и др.

⁵²⁵ Гагемейстер Ю. Указ. соч. Ч. 2. С. 99.

цы» должны были содержать в полном порядке дороги, наводить и ремонтировать мосты, класть гати и т. д. Однако не все коренные жители отбывали эти повинности. Кроме бродячих «инородцев», решением совета Главного управления Восточной Сибири в 1863 г. «инородческие родоначальники вместе с не отделенными детьми их» освобождались от натуральных земских повинностей на период пребывания в должности⁵²⁶. Таким образом, всей тяжестью натуральные повинности ложились на плечи трудового крестьянства. Об этом убедительно свидетельствуют материалы местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Крестьянский начальник одного из участков Тобольской губернии А. К. Дунин-Горкавич на заседании комитета отмечал, что «всякое отвлечение инородцев от дела... вредно сказывается на их благосостоянии». Неслучайно губернский комитет вынес решение ходатайствовать об отмене натуральных земских повинностей и замене их денежными сборами⁵²⁷. На крайнюю обременительность дорожной повинности и почтовой гоньбы жаловались аборигены других губерний⁵²⁸. Как и остальные виды земских платежей, натуральные повинности отличались крайней неравномерностью. По волостям оседлых аборигенов Тарского уезда Тобольской губернии эти повинности в пересчете на деньги составляли от 0,01 (Бухарская волость) до 37 % (Саргатская волость)⁵²⁹, в ведомостях кочевых инородцев Верхоленского округа Иркутской губернии – от 11 (Ангинское ведомство) до 25,7 % (Верхнеудинское ведомство)⁵³⁰. Подобная разница объясняется по преимуществу различными местными обстоятельствами. Главное же заключается в том, что источники конца XIX в. четко зафиксировали неравномерное

⁵²⁶ ГАИО. Ф. 24. Оп. 9. К. 1740. Д. 164. Л. 8.

⁵²⁷ Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Т. 53. Тобольская губерния. СПб., 1903. С. 121.

⁵²⁸ Кулаков П. В. К новейшей истории минусинских и ачинских инородцев // Минусинские и ачинские инородцы (материалы для изучения). Красноярск, 1898. С. 94–99.

⁵²⁹ Подсчитано по: Андронников И. А. Указ. соч. С. 20.

⁵³⁰ Подсчитано по: Материалы по исследованию... Иркутской губернии. Иркутск, 1892. Т. 2, вып. 6. С. 489–493.

распределение податей относительно доходности дворов. Хотя статистические обследования конца XIX в. мало коснулись бюджетов хозяйств аборигенов, в отличие от крестьянских, тем не менее в качестве постановки вопроса можно сравнить доходы и расходы в хозяйствах аборигенов – бедняков, середняков и кулаков.

У народов Сибири еще в первой половине XIX в. существовало заметное социальное неравенство. К концу XIX в. по мере развития товарно-денежных отношений оно значительно усилилось. Подушная система раскладки податей без учета доходности хозяйств была наиболее выгодна зажиточным аборигенам. Последние, получая гораздо больший доход от хозяйства, платили такие же налоги, как и их односельчане – бедняки и середняки. По юридической форме и экономическому содержанию такая система сбора податей носила характер феодальной земельной ренты. Но именно эта ее особенность оказала прямое влияние на развитие капиталистических отношений у аборигенов, ибо по отношению к зажиточной группе податные платежи теряли феодальный характер и трансформировались в капиталистическую ренту. Этот процесс, носивший объективный характер, совершался на протяжении всего пореформенного периода, но особенно усилился в конце XIX – начале XX в. Источники убедительно свидетельствуют, что у аборигенов, как и у русских крестьян, выгодами и различными льготами в уплате налогов и податей пользовалась зажиточная часть населения. Приводимые в табл. 15 прил. данные позволяют утверждать, что доходность хозяйств (норма прибыли) «инородцев»-кулаков, которая определяется соотношением податей и расходов в крестьянском хозяйстве, в 7 раз превышала доходность бедняцких хозяйств, которые почти не имели прибыли и были вынуждены прибегать к промыслам. При неравномерной раскладке податей, не соответствующей доходности хозяйств, в виде податей бедняки выплачивали, по сути дела, весь прибавочный продукт. Если в бедняцкой группе разница между доходами и расходами за вычетом податей составляла 11,7 руб., то в кулацких хозяйствах этот показатель равнялся 84,3 руб. Некоторая разница в

абсолютных размерах податных платежей – 12,2 руб. у кулаков и 9,8 руб. у бедняков – на практике не имела никакого значения, так как удельный вес податей в доходах бедняков составлял 5,6 %, а у кулаков – 1 %.

Аналогичная картина наблюдается и при определении степени эксплуатации хозяйств, которая отражает соотношение необходимого продукта (питание, одежда, религия) и податей. Степень эксплуатации бедняцких хозяйств была в четыре с лишним раза выше, нежели у кулаков. Не подлежит сомнению, что в хозяйстве абorigенов податная система ложилась на плечи бедняков и середняков. Если последние получали прибыль на вложенный капитал лишь в урожайные годы, то хозяйство «инородцев»-бедняков, как и русских крестьян⁵³¹, существовало за счет недоедания. Эта податная политика, направленная на защиту зажиточных слоев деревни, своим важнейшим социальным последствием имела рост классового антагонизма в улусах, вторую социальную войну, которая особенно обострилась в начале XX в. по мере усиления проникновения капиталистических отношений в хозяйство народов Сибири. К аналогичному выводу пришел и И. А. Асалханов, рассмотревший этот вопрос на материалах бюджетов бурятских хозяйств Забайкальской области⁵³². Эти особенности податной политики царизма прослеживаются и на материалах других губерний Сибири (табл. 16 прил.).

Неравномерность раскладки налогов и податей, высокие их размеры порождали устойчивые и многочисленные недоимки, отмечаемые у всех категорий коренных жителей. У оседлых «инородцев» Енисейской губернии за 5 лет в 1880–1884 гг. недоимка по государственным земским повинностям составляла в среднем 62 %, по частным земским повинностям – 71,4 %, у кочевых «инородцев» эти показатели составляли соответственно 19,5 и 32,8 % (табл. 17). Несоответствие размеров налогов уровню платежеспособности сельского абorigенного населения порождало недоимки и по другим видам

⁵³¹ Тюкавкин В. Г. Сибирская деревня ... С. 224.

⁵³² Асалханов И. А. Развитие капиталистических отношений в сельском хозяйстве Забайкалья в конце XIX в. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1951. С. 16–18.

податных платежей. Источники отмечают хронические недоимки по уплате подушной и оброчной податей – основного вида податного обложения оседлых аборигенов. В Енисейской губернии недоимки по подушным сборам составляли 15,7, оброчным – 17,5 % (табл. 18 прил.). Замечаемое по временам некоторое сокращение недоимки по окладным платежам объясняется отнюдь не повышением платежеспособности аборигенов, а беззастенчивым выколачиванием царскими властями, особенно при взыскании местных податей. При этом широко практиковалась конфискация имущества и продажа его с торгов, арест родоначальников и сельских старшин, другие формы административного принуждения, вплоть до посылки воинских команд⁵³³. Но, несмотря и на эти меры, недоимки возрастали. В Тобольской губернии, например, после перевода части кочевников в категорию оседлых «податная система легла на инородцев еще тяжелее». В 1891 г. недоимки исчислялись в 87 566 руб., что составляло 140 % годового оклада, в 1901 г. – уже 98 023 руб.⁵³⁴ В Якутской области в 1892 г. недоимки по земским платежам составляли 187 664 руб. К 1900 г. благодаря «стараниям администрации» размер их сократился до 116 589 руб., однако дальнейшее взыскание недоимок оставалось для местной администрации проблематичным⁵³⁵.

Таким образом, в рассматриваемый период подати и повинности коренного населения Сибири по форме и содержанию носили смешанный характер. В совокупном обложении народностей края на долю местных и личных обязанностей приходилось не менее 50 % денежных платежей. Подати и повинности оседлых аборигенов на практике ничем не отличались от податных обязанностей русского крестьянства. Однако наиболее характерной формой податных обязанностей кочевых и бродячих «инородцев» – абсолютного большинства коренного населения – был ясак.

⁵³³ ГАТО. Ф. 3. Оп. 44. Д. 295. Л. 3–3об; ГАКК. Ф. 827. Оп. 1. Д. 1358. Л. 157.

⁵³⁴ Волости и населенные места 1893 г. Тобол. губ. СПб., 1894. Вып. 10. С. 70, 201, 202; Обзор Тобол. губернии за 1905 г. Тобольск, 1902. Ведомость. Д 4. Лит. Б. Распределение недоимок окладных сборов Тобол. губернии за 1901 г.

⁵³⁵ Общее обозрение Якут. обл. 1892–1902 гг. Якутск, 1902. С. 63.

4.2

ВОПРОС О ПРЕОБРАЗОВАНИИ ЯСАЧНОГО СБОРА В ПРОЕКТАХ ИМПЕРАТОРСКОГО КАБИНЕТА (50–60-е гг. XIX в.)

Сибирская пушнина всегда привлекала к себе ревностное внимание московских, а впоследствии – петербургских Романовых. Если в истории досоветской Сибири бывали периоды, когда в кругу государственных интересов она как бы отходила на второй план, то вопросы ясачной политики всегда находилась под неослабным контролем и в центре внимания императорского Кабинета.

Особый интерес Казны и Кабинета к сибирской «мягкой рухляди» наблюдается в 20–50-е гг. XIX столетия, т. е. в период разложения и кризиса феодально-крепостнической системы. Это объясняется прежде всего факторами экономическими. С одной стороны, блеск первых пудов сибирского золота заставил правительство по-новому взглянуть на зауральский край и возродил надежду на неисчерпаемость богатств Сибири, с другой – резкое сокращение поступления в ясак ценных сортов пушнины потребовало энергичных мер для приведения ясачного режима в соответствие с нуждами и потребностями императорского Кабинета.

Ясачные поступления натурой оказали положительное влияние на финансовый баланс Кабинета. Продажа этой пушнины с торгов и аукционов приносила Кабинету до 300 и более процентов прибыли⁵³⁶. Сами члены императорской фамилии постоянно испытывали потребность в дорогостоящих мехах, на что указывает обширная переписка, отложившаяся в фондах министерства императорского двора и Кабинета. Между тем на протяжении первой половины XIX в. ясачные платежи натурой неуклонно сокращались. В 30–40-х гг. XIX в. в Восточной Сибири – основном центре сбора ясака – они не

⁵³⁶ РГИА. Ф. 468. Оп. 9. Д. 911. Л. 65–67.

превышали 9 % от совокупного размера ясачных платежей⁵³⁷. Аналогичное положение наблюдается и в Западной Сибири⁵³⁸. Даже министр императорского двора князь П. М. Волконский в 1840 г. был вынужден признать, что «ясак, платимый сибирскими инородцами... с каждым годом видимо ослабевает. Ни количеством, ни качеством мехов не соответствует он ожиданиям правительства»⁵³⁹. Не улучшились дела и после чрезвычайных мер, предпринятых в середине 40-х гг. сенатором-ревизором И. Н. Толстым. Весной 1850 г. Кабинет вновь докладывал Николаю I о постоянном упадке ясачного сбора натурой. В марте 1856 г. управляющий Кабинетом Е. И. В. обращал внимание генерал-губернатора Восточной Сибири Н. Н. Муравьева на то обстоятельство, что «Кабинет в последние годы получал собелей и лисиц не более десятой части противу оклада». Высокопоставленный чиновник с горечью констатировал, что нехватка мехов доходила до такой степени, что «Кабинет был вынужден покупать у здешних (петербургских. – *Авт.*) торговцев меха, требующиеся для особ высочайшей фамилии»⁵⁴⁰. В свете вышеизложенного вполне объяснимы причины, которые заставили правительство по-новому взглянуть на ясачную политику в Сибири в пореформенный период. Как бы подтверждая это, управляющий сбором ясака в Восточной Сибири Полонский в 1860 г. отмечал, что «увеличивающееся с каждым годом оскуднение ясака в последние годы сделалось столь заметным, что представляла необходимость в изыскании средств и принятии мер к восстановлению доходов Кабинета по ясачному делу рухлядью»⁵⁴¹. В марте 1859 г. последовал именной указ об определении в Восточную Сибирь чиновника для наблюдения за правильным сбором ясака⁵⁴², издание которого было подготовлено всем ходом предшествующих событий.

⁵³⁷ Дамешек Л. М. Ясачная политика царизма в Сибири ... С. 53.

⁵³⁸ Миненко Н. А. Указ. соч. С. 261.

⁵³⁹ РГИА. Ф. 468. Оп. 9. Д. 897. Л. 18.

⁵⁴⁰ Там же. Д. 912. Л. 501.

⁵⁴¹ Там же. Д. 912. Л. 502об.

⁵⁴² ПСЗ-II. Т. 34. Отд. 1. Л. 34250.

Еще во время ревизии И. Н. Толстого Главные управления Восточной и Западной Сибири приступили к сбору сведений и составлению предложений, направленных на увеличение поступления в ясак пушнины. С этой целью были затребованы мнения всех губернских и областных начальников Сибири. Анализируя предложения местного чиновничества, нетрудно заметить, что сибирские должностные лица главной причиной сокращения ясака натурой считали свободную торговлю с аборигенами, провозглашенную Уставом 1822 г. и подтвержденную указом от 6 ноября 1831 г.⁵⁴³ Поэтому местное начальство, как и прежде, продолжало настаивать на отмене этого положения. Якутский губернатор внес также предложение об учреждении новой ясачной комиссии, которое, однако, под предлогом больших расходов было отклонено⁵⁴⁴.

С учетом мнения сибирской администрации Кабинетом были разработаны предложения «Об улучшении ясачного сбора». Проект Кабинета включает 78 пунктов, охватывающих важнейшие стороны ясачного режима. Прежде всего на себя обращает внимание жесткая регламентация форм и способов торговли с аборигенами. По вопросу о свободной торговле мнение Кабинета и сибирской администрации совпадали. Они отстаивали принцип запретительной торговли с коренными жителями, оставляя им право торговать только на ярмарках и сугланах, но и то по взносу ясака. «Инородческие» старосты обязывались собирать пушнину еще до отъезда родовичей на ярмарку и лично сдавать ее приемщикам ясака. Лишь после окончательного расчета разрешалось начинать торговлю. Пушнину, приобретенную купцами в обход этих правил, рекомендовалось конфисковывать. Половину ее следовало отправлять в Кабинет, а оставшуюся часть предлагалось передавать «поимщику».

В то же время проект Кабинета имел и определенные отличия от предложений местных властей. Так, например, Кабинет проектировал в недалеком будущем проведение нового

⁵⁴³ ПСЗ-II. Т. 6. Отд. 2. Л. 4918.

⁵⁴⁴ РГИА. Ф. 468. Оп. 9. Д. 911. Л. 1–9об.

«переобложения инородцев», при котором намечалось «вести в ясак потребное для высочайшего двора шкуры черных, черно-бурых и красно-бурых лисиц и соболей первого сорта». Предусматривалась также передача в Кабинет той части пушнины, которая вносилась коренными жителями в счет земских сборов. За это предполагалось «удовлетворять» казну деньгами. Пока же, по мнению Кабинета, ясак следовало собирать «в том количестве и теми зверями, какие положены были второй ясачной комиссией».

Ряд статей проекта был посвящен вопросам контроля русской администрации за соблюдением новых правил. Проект требовал от земской полиции строго наблюдать «за исполнением предписываемого». В случае обнаружения «послаблений» предлагалось подвергать виновных «взысканиям... как за причинение ущерба казне». Однако, как выясняется, Кабинет перестал доверять и собственным чиновникам, благо и поводов для этого было более чем достаточно. Опасаясь возможных злоупотреблений, составители проекта не только требовали запретить чиновникам какие-либо торговые сделки с аборигенами, но и «вообще не позволять им ни под каким предлогом посещать улусы и стойбища инородцев без разрешения губернского начальства». Этими же стремлениями было продиктовано требование «решительно воспретить» взнос денежного ясака вместо натурального. Хотя авторы проекта стремились объяснить свою позицию ссылками на то, что в случае «действительного неулова» зверей аборигены не имеют средств к получению денег, а «взносят их под сим предлогом потому, что шкуры продают частным торговцам», министр двора граф В. Ф. Адлерберг высказался на этот счет гораздо определеннее: «Подобное дозволение подавало повод к злоупотреблению... чиновников, собирающих ясак с инородцев, ибо бывали примеры, что они, получая оный шкурами, вносят от себя в казначейство деньгами», – писал он. В конечном итоге Кабинет как бы расписался в собственном бессилии, признав, что все эти меры не принесут никакой пользы, если за исполнением их «не будет наблюдаемо со стороны Кабинета», и предложил назначить в Восточную Сибирь – центр поступ-

лений натурой – специального «управляющего сбором ясака и двух его помощников»⁵⁴⁵.

Вторая часть проекта Кабинета посвящена изложению обязанностей нового администратора. Предусматривалось, что это должен быть не ординарный, а особый, доверенный от Кабинета чиновник. Его назначение и увольнение зависело только от управляющего Кабинетом. Во время нахождения в Сибири он подчинялся «единственно генерал-губернатору». В иерархическом соподчинении должность управляющего сбором ясака приравнивалась к пятому классу, т. е. по своему социальному положению этот человек должен был быть дворянином.

В обязанности управляющего прежде всего вменялось изучение вопроса о причинах ясачных недоимок и принятие мер к их предотвращению. Вновь назначаемый чиновник должен был систематически посещать ярмарки и сугланы с таким расчетом, чтобы ни один торг не остался «без посещения». На ярмарку управляющий обязывался прибывать за несколько дней до ее открытия и лично собирать ясак. Ценные шкуры следовало клеймить особыми печатями, а затем сдавать в уездное казначейство. Предложение это делалось с единственной целью – не допустить подмены сдаваемых в ясак ценных сортов пушнины низкосортными мехами чиновниками казначейства. В проекте делалось важное отступление от установившейся традиции принимать меха по заранее определенным ценам. Отныне сдаваемую в ясак пушнину предлагалось принимать по расценкам, существующим в частной торговле, а не «по тем, какие в окладных книгах показаны». Подобное новшество объясняется отнюдь не заботой Кабинета о благосостоянии аборигенов, а уже отмеченным нами стремлением предупредить утечку мехов на сторону.

Дело в том, что цены, существующие на высокосортную пушнину в частной торговле, были значительно выше приемных цен Кабинета. Поэтому промысловикам было гораздо выгоднее продавать пушнину частным торговцам, нежели сдавать ее в ясак. Предлагаемое новшество и имело целью ликви-

⁵⁴⁵ РГИА. Ф. 468. Оп. 9. Д. 911. Л. 23, 29.

дацию материальной заинтересованности аборигенов в такого рода сделках. К недопущению последних было направлено и предложение о запрещении уплаты ясака деньгами. Управляющий сбором ясака должен был также наблюдать, чтобы на ярмарках и сугланах купцы не притесняли и не обманывали туземцев. Важной обязанностью вновь назначаемого чиновника являлось изучение вопроса о соответствии ясачного оклада уровню благосостояния аборигенов. С этой целью он должен был собирать сведения о количестве и качестве земель коренных жителей, о развитии у них хлебопашества, скотоводства и промыслов, о числе душ и т. д. Эти сведения должны были послужить основанием для нового переобложения аборигенов ясаком. В заключении проекта отмечалось, что его действие предполагается распространить только на Восточную Сибирь. В Западной Сибири сбор ясака следовало производить «на прежнем основании тамошними местными начальствами».

Ознакомившись с проектом Кабинета, генерал-губернатор Восточной Сибири нашел предложение об отправке в Сибирь особо доверенного чиновника «весьма полезным». Что же касается остальной части проекта, то в отзыве от 10 марта 1856 г. Н. Н. Муравьев осторожно намекнул на то, что хотя старые правила и не отвечают «справедливым пользам и требованиям Кабинета», однако и новые предложения не учитывают различные местные обстоятельства, особенно если «иметь в виду, чтобы не стеснить инородцев». Поэтому Н. Н. Муравьев предложил поручить управляющему сбором ясака под непосредственным руководством генерал-губернатора «составить на месте проект новых правил для сбора ясака и вообще к лучшему устройству этой отрасли Кабинетских доходов»⁵⁴⁶.

Итак, рассмотренный проект Кабинета «Об улучшении ясачного сбора» содержал в себе те мнения и суждения, которые отразили общий взгляд правительства на народности Сибири в предреформенную эпоху как на потенциальных поставщиков пушнины. Такой взгляд был основан на прямом или косвенном признании бесправного положения этих наро-

⁵⁴⁶ РГИА. Ф. 468. Оп. 9. Д. 911. Л. 31, 36, 39, 47.

дов в составе Российской империи. Их будущее прогнозировалось без учета тех серьезных изменений, которые происходили в социально-экономическом развитии аборигенов в первой половине XIX в.

В рассматриваемый период правительство еще не утратило надежды путем различных запретительных акций добиться резкого увеличения поступления в ясак пушнины. Это и предопределило в целом реакционный, а подчас и консервативный характер проекта императорского Кабинета. Что же касается предложений советов Главных управлений обеих частей Сибири, то их осуществление задержала не только намечавшаяся отправка в Сибирь специального чиновника. Предложения местной администрации встретили серьезное противодействие при рассмотрении их в марте 1858 г. министерством внутренних дел.

Необходимо отметить, что министерство отнюдь не возражало против стремления сибирской администрации и Кабинета добиться увеличения поступления ясачных платежей. Возражения сводились главным образом к вопросу о запрещении свободной торговли, что, по мысли министерства, могло повлечь за собой еще большие злоупотребления как частных торговцев, так и должностных лиц. Министерство признавало, что купцы, «торгуя по одиночке в селениях инородцев... могут в некоторых случаях обманывать их». Однако, резонно отмечали стражи порядка, такие обманы могут повториться и в тех случаях, «когда торговцы будут ездить по селениям партиями». Не было никакой гарантии, что чиновники, сопровождающие эти партии и призванные следить за соблюдением правил торговли, будут по-настоящему заботиться «об охране интересов туземцев». Особое опасение министерству внушало то обстоятельство, что деятельность самих чиновников из-за чрезвычайной отдаленности стойбищ аборигенов «не может подлежать наблюдению и контролю». Единственный выход из создавшегося положения министерство видело в поощрении «правильной (свободной. – *Авт.*) торговли и возможном пре-

следовании злоупотреблений в оной»⁵⁴⁷. Таково было окончательное мнение министра внутренних дел С. С. Ланского.

Поскольку речь шла об интересах «высочайшей фамилии», Ланской не решился представить свои соображения непосредственно в Сибирский комитет. Он счел за лучшее в предварительном порядке заручиться поддержкой председателя Кабинета. Ознакомившись с мнением министра, П. К. Мейендорф ответил, что вопрос о свободной торговле и сборе ясака с сибирских народов уже рассматривался Кабинетом. В Восточную Сибирь предполагается отправить специального чиновника, которому и поручить составление нового положения об ясаке. В феврале 1859 г. Ланской вновь просил сообщить ему окончательные результаты составления нового положения. Однако к тому времени подготовка материалов для доклада Александру II еще не была завершена и просьба министра осталась без ответа. Лишь в марте 1859 г. министр двора Адлерберг доложил императору о планах Кабинета, которые и получили высочайшее одобрение. 11 марта 1859 г. последовал именной указ о назначении в Сибирь управляющего сбором ясака.

Речь шла не о рядовом чиновнике, а о лице, облеченным «особенным доверием», поэтому Кабинет тщательно подбирал необходимую кандидатуру. Выбор Мейендорфа пал на медицинского советника Архангельского порта, статского советника Полонского. Последний характеризовался своим начальством «с самой лучшей стороны как весьма образованный и добронамеренный чиновник». Особое внимание было уделено изучению политической лояльности кандидата. С Полонского взяли расписку о том, что он не принадлежит «ни к каким ма-сонским или тайным обществам внутри империи или вне ее существовать могущим и что впредь принадлежать к оным» не будет⁵⁴⁸. В начале апреля 1859 г. последовало решение Кабинета о назначении Полонского в Сибирь для наблюдения «за правильным сбором ясака». После предварительного ознакомления с материалами по «ясачному делу» Полонский выехал в Иркутск, куда и прибыл 6 сентября 1859 г.

⁵⁴⁷ РГИА. Ф. 468. Оп. 9. Д. 911. Л. 84–86.

⁵⁴⁸ Там же. Л. 216–222, 272.

Таким образом, можно констатировать, что в конце 50-х гг. Кабинет предпринял еще одну попытку добиться увеличения ясачных поступлений натурой. Предложения Кабинета обрекали народы Сибири на скитание по тайге в поисках «лучшего зверя», развитие товарно-денежных отношений в хозяйстве аборигенов игнорировалось и сдерживалось. Будущее народов Сибири прогнозировалось без учета реальных потребностей. Это была типичная политика консервации, рецидивы которой на протяжении XIX в. встречаются неоднократно, политика, внутреннее содержание которой определялось самой сущностью ясака как типичной феодальной ренты.

4.3

СУДЬБЫ ЯСАЧНОГО РЕЖИМА В ПРОЕКТАХ СИБИРСКОЙ АДМИНИСТРАЦИИ (70-е гг. XIX в.)

Деятельность Полонского в Сибири началась с изучения ясачного законодательства и объездов «инородческих» стойбищ и кочевий. Летом 1860 г. он посетил округа Олекминский, Вилюйский, Якутский Якутской области, а на обратном пути – Киренский, Верхоленский, Балаганский Иркутской губернии. В 1861 г. чиновник побывал в Енисейской губернии.

Первое ознакомление с состоянием пушного промысла произвело на Полонского благоприятное впечатление. Об этом свидетельствует его частная переписка. В письме от 23 октября 1860 г. он отмечает, что Якутская область «остаётся и останется ещё надолго... источником поступления ясака натурой». Причину недоимок он первоначально видел в строгости правительственных предписаний, требовавших ни в коем случае не допускать недоимок. Это обстоятельство, отмечает Полонский, приводило к тому, что «все усердие» сборщиков ясака направлялось «на взыскание ясака бездоплатно, чем бы не доплачивал инородец, а до того, чем он обложен, нет ника-

кого дела»⁵⁴⁹. В то же время Полонский уже тогда высказал сомнение в правильности запретительной системы торговли. В ноябре 1860 г. в одном из писем он отмечает, что единственным «действенным средством к улучшению быта инородцев бродячих – будет предоставить свободу торговли, чтобы таким образом возродить конкуренцию и предоставить инородцу возможность добровольно обращаться к торговцу». В рапорте от 20 декабря 1861 г. Полонский указывал, что «положение бродячих весьма неутешительно и главною причиною тому условия, под которые они поставлены торговым классом, поработившим их из своих корыстных выгод». Здесь важно отметить, что новый генерал-губернатор Восточной Сибири М. С. Корсаков, сменивший на этом посту Н. Н. Муравьева, не разделял надежд Полонского на увеличение ясака натурой. В письме от 18 декабря 1860 г. Полонский приводит слова Корсакова о том, что даже «лучшие меры» останутся безрезультатными в таком крае, как Сибирь, где «по обширности пространства нет средств наблюдать за выполнением их». Полонский с особой тревогой обращал внимание своих кабинетских корреспондентов на то обстоятельство, что генерал-губернатор вообще считал взимание ясака несовместимым с «понятием нынешнего века» и еще Николаю I не раз предлагал «оставить этот обряд времен феодальных». Видимо, опасаясь противодействия со стороны генерал-губернатора, Полонский просил Кабинет «объясниться с ним (Корсаковым. – Авт.) лично по ясачному делу» и о результатах «переговоров» сообщить ему.

Можно констатировать, что в первоначальный период пребывания в Сибири управляющий сбором ясака был уверен в возможности значительного увеличения ясачных поступлений натурой. Однако уже спустя три месяца, глубже вникнув в дело, Полонский изменил первоначальное мнение. Он пришел к выводу, что главная причина недоимок заключалась в несоответственности ясачных окладов платежеспособности аборигенов. В рапорте от 20 декабря 1861 г. Полонский писал, что для

⁵⁴⁹ РГИА. Ф. 468. Оп. 9. Д. 911. Л. 301.

бездоимочного сбора ясака необходимо «правильное, по средствам плательщиков, распределение окладов, несоразмерность которых допущена ясачной комиссией». Между тем Кабинет постоянно торопил Полонского с составлением нового положения о ясаке, напоминая при этом, что главная задача заключается в выяснении вопроса о возможности «иметь надежду на увеличение сбора ясака, особенно шкурами дорогих зверей»⁵⁵⁰. К началу 1861 г. Полонский выполнил возложенное на него поручение и в декабре 1862 г. представил на обсуждение Кабинета и совета Главного управления Восточной Сибири «соображения по предмету улучшения ясачного сбора...».

«Соображения» Полонского и особенно замечания к ним, сделанные советом Главного управления, являются важным документом, отразившим борьбу в правительственном лагере по вопросам развития ясачной политики в пореформенный период. Анализируя их, следует учитывать, что, работая над составлением проекта, Полонский не мог не учесть требование Кабинета добиться увеличения ясака натурой, тем более что сам автор проекта до конца своего пребывания в Сибири оставался убежденным в существовании такой возможности. В то же время скептицизм Корсакова, под непосредственным руководством которого работал чиновник, изучение действительного положения дел на месте и ознакомление с бытом ясачных заставили Полонского в ряде случаев отступить от явно реакционных предложений Кабинета. Указанные обстоятельства предопределили противоречивость проекта.

Проект Полонского можно условно разделить на три части. В первой автор попытался дать историческую справку о развитии ясачного сбора, обосновать задачи нового положения и необходимость дифференцированного подхода к туземному населению Сибири. Приступая к составлению проекта, Полонский должен был не только изучить предшествующие мероприятия правительства, но и критически переосмыслить их, выяснить причины неудачных мер и попытаться избежать

⁵⁵⁰ РГИА. Ф. 468. Оп. 9. Д. 811. Л. 303–304, 314–315.

их. Однако историческая справка, приведенная Полонским, не представляет особого интереса, она заключает в себе обычную констатацию фактов без серьезной попытки анализа их. Между тем выяснение мнения Полонского о ясачной политике правительства в предшествующий период представляется весьма необходимым, ибо позволяет определить те исходные мотивы, которыми руководствовался реформатор при составлении нового проекта.

Ответ на поставленный вопрос дают имеющиеся в нашем распоряжении дополнительные источники – письма и особенно рапорты Полонского. В этих документах содержится краткая, невыразительная характеристика ясачной политики царизма в Сибири в XVIII – первой половине XIX в. с позиций консервативно-охранительных. Важно отметить, что критический анализ ясачного режима строится без учета тех изменений, которые происходили в социально-экономическом укладе жизни народов Сибири в рассматриваемый отрезок времени.

Первоначальный сбор ясака натурой являлся, по мнению Полонского, результатом отсутствия в обращении между «инородцами» денег. С этим утверждением чиновника нельзя не согласиться. Не следует, однако, забывать, что русские шли в Сибирь именно из-за пушнины, которая в XVII в. уже сама по себе являлась важнейшим источником государственных доходов⁵⁵¹. Полонский отмечает, что ясак натурой «инородцы обязались платить ежегодно и только некоторым родам дозволялось вносить вместо... шкур китайкою или деньгами». По сведению чиновника, итоги первого ясачного сбора выразились в следующих цифрах: соболей – 200 тыс. штук, лисиц чернобурых – 100 тыс., белок – 500 тыс. «В каком количестве и на каком основании был собираем ясак в последующие годы, определить трудно по недостатку сведений», – пишет Полонский. Однако автору проекта было ясно, что «вкравшиеся затем злоупотребления в сбор ясака потребовали назначения для искоренения их в 1763 г. особой комиссии». Итоги действия первой ясачной комиссии оцениваются Полонским как

⁵⁵¹ См.: Павлов П. Н. Указ. соч. С. 103.

явно неудовлетворительные. Ясак натурой не только не увеличился, но даже сократился. Основная причина этого явления, по мнению Полонского, заключалась в предоставлении аборигенам права вносить ясак натурой или эквивалентно деньгами⁵⁵². В таком же примерно плане рассуждал чиновник и при рассмотрении результатов деятельности второй ясачной комиссии 1827–1835 гг. «Комиссия не достигла цели улучшения сбора ясака, ибо назначенный ею оклад в особенности шкурами дорогих зверей не увеличился», – категорично заключает Полонский. Далее он обращает внимание Петербурга на те порочные, с точки зрения самого реформатора, начала, которые предопределили провал правительственных замыслов увеличения ясака натурой. «Достигнуть этого было невозможно», – замечает Полонский, ибо комиссия должна была учитывать добровольное согласие «инородцев» на принятие того или иного оклада.

Особенно резко критикует Полонский «Устав об управлении инородцев» 1822 г. «Главную причину» упадка ясака автор проекта видит в «самом существе устава», в предоставлении аборигенам права свободной торговли и в «дозволении им в случае неулова заменять окладного зверя деньгами». Оценивая в совокупности ясачный режим в Сибири, Полонский с горечью замечает, что правительство в последнее время действовало «не в том духе», а «было нужно принимать решительные меры»⁵⁵³.

Столь категоричное заявление трудно согласуется с последующими рассуждениями Полонского. Задачу своего проекта он видит не только в соблюдении экономических выгод Кабинета, но и в подъеме жизненного уровня ясачных народов. «Не ограничиваясь защитой выгод Кабинета, положение должно обнимать собою и обеспечение благосостояния инородцев», – пишет автор. При этом он указывает, что «не одни экономические расчеты служат поводом к составлению, но и нравственные, вытекающие из рассмотрения состояния зави-

⁵⁵² РГИА. Ф. 468. Оп. 9. Д. 912. Л. 503об, 505об.

⁵⁵³ Там же. Л. 511, 515об, 543.

симости племен». Какие же мотивы являлись определяющими при разработке нового проекта? Необходимость обеспечения благосостояния «инородцев» или требование решительных мер, способных резко увеличить доходы Кабинета?

Последнее обстоятельство оказалось решающим. Свою позицию в отношении кочевых и бродячих коренных жителей Полонский формулирует на основе изучения уровня благосостояния аборигенов. Если кочевники, по убеждению автора проекта, живут в «полном» благополучии, источником которого служит «скотоводства, земледелие и торговые предприятия», то быт бродячих Полонскому представлялся в «самом неутешительном состоянии». Личное ознакомление с жизнью аборигенов привело его к заключению, что если «кочевые могли бы платить более настоящего оклада», то «положение всех вообще бродячих инородцев самое печальное и требует участия правительства, без содействия которого они могут прийти в совершенное разорение». Бедственное положение бродячих жителей Полонский объясняет прежде всего злоупотреблениями купечества и отдельных чиновников: «В лихорадочном стремлении к обогащению торгующие употребляют в деле обман, хитрость и даже насилие и поэтому неудивительно, что с такими средствами в пять-шесть лет приобретают состояния». В то же время злоупотребления сибирского купечества и администрации отмечаются Полонским как аномалия, как местное проявление в целом правильной и жизнеспособной правительственной линии. Поэтому Полонский призывает изменить лишь некоторые положения с учетом существующего законодательства и местных обстоятельств. Принципиальные же изменения в системе ясачного сбора признаются далеко не своевременными⁵⁵⁴.

Вторая часть «соображений» Полонского посвящена критике проекта Кабинета. Анализируя ее, необходимо учитывать, что соображения Полонского составлялись в период, когда ясачные поступления натурой сокращались, а правительственные указы требовали увеличения их именно пушниной.

⁵⁵⁴ РГИА. Ф. 468. Оп. 9. Д. 912. Л. 10, 14, 23–28.

С другой стороны, изменение социально-экономических условий жизни и быта аборигенов, изучение существующего ясачного законодательства привели Полонского к мысли об их несоответствии. Он очень осторожно намекает на это, указывая, что необходимо «обсудить, насколько справедливо и полезно по местным обстоятельствам допустить осуществление проектируемых Кабинетом мер... и... будет ли вполне соответствовать пользам Кабинета... и инородцев имеющееся составиться положение»⁵⁵⁵. С учетом вышеуказанных обстоятельств и той задачи, которая была поставлена перед ним, Полонский мог позволить себе строго дозированную критичность. Это относится, в частности, к вопросу о запрещении свободной торговли, о сборе ясака одной пушниной и некоторым другим.

Полонский не без сожаления отметил, что предложения Кабинета о запрещении свободной торговли составлены без учета существующего порядка вещей. В то время торговля купцов в инородческих стойбищах и кочевьях являлась основным, а подчас и единственным источником обеспечения охотников жизненно важными предметами – порохом, свинцом, мукой и т. д. Но за ограниченное время ярмарки промысловики не могли сделать годовичные запасы, а отдельные семейства охотников на ярмарку вообще не являлись. Кроме того, совершенно не представлялось возможным запретить разъезды купцов по стойбищам «за расчетами и по тяжбам». Полонский счел необходимым оговорить особо, что в торговле на стойбищах и кочевьях заинтересованы не только купцы, но и сами коренные жители. Учитывая вышесказанное, Полонский пришел к заключению о том, что «ни грозою штрафа, ни наказаний» невозможно прекратить эти сделки⁵⁵⁶.

Не представлялось возможным и введение запрета на торговлю на ярмарках до уплаты аборигенами ясака. Сдача ясака старостам «инородческих» ведомств нередко происходила в марте, а для того, чтобы попасть к началу зимы на Колыму или чукотскую ярмарку, колонии купцов выезжали из Якутска еще

⁵⁵⁵ РГИА. Ф. 468 Оп. 9. Д. 912. Л. 1, 9–9об.

⁵⁵⁶ Там же. Л. 30об, 31 об, 34–40.

в сентябре и, естественно, по пути торговали с аборигенами. Полонский отмечает, что «если будет положена преграда настоящей торговле, то выйдут обыкновенные последствия, что купцы не поедут за товарами, а торговля перейдет в руки местных мелочников к крайнему вреду и стеснению» аборигенов. Исходя из этого, на предложения Кабинета о запрещении свободной торговли Полонский дает недвусмысленный ответ: «свобода торговых сношений – действительное средство к улучшению быта инородцев». Однако теоретическая смелость автора проекта находилась в явном противоречии с конкретными предложениями. Принцип свободной торговли понимался Полонским весьма своеобразно – в консервативно-охранительном плане. Если «по местным обстоятельствам не представляется возможным» совершенно запретить свободную торговлю, то надо было существенным образом ограничить ее. Несмотря на неудачу предыдущих подобного рода экспериментов, с которыми автор проекта был хорошо знаком, Полонский не отказался от идеи ограничения торговли, твердо веря, что мера эта позволит добиться желаемых результатов – увеличения ясака пушниной. В соответствии с этим правительству предлагалось во время ярмарок «запретить торговцам расходиться по разным местам», а земским чиновникам наблюдать, чтобы они (купцы. – *Авт.*) «торговали вместе». Предлагалось значительно сузить круг лиц, имеющих право на торговлю с туземцами, обязать купцов получать специальные свидетельства об образе жизни и поведении. Качество, количество товаров, маршруты разъездов купцов следовало отмечать в особых «видах», за чем «строго наблюдать». Таким образом, рекомендовалось предпринимательскую инициативу купечества поставить под контроль администрации. Проект коснулся и вопроса о сословиях, имеющих право на торговлю с аборигенами. Предлагалось запретить ее чиновникам, русским крестьянам и вообще лицам, «не имеющим право производить торговлю».

Сравнивая предложения Кабинета и Полонского по вопросу о запрещении свободной торговли, легко заметить не только некоторые расхождения, но и значительное сходство... Оба

документа признают за благо ограничение торговли, а расходятся лишь в том, как эти меры осуществить. В то же время обращает на себя внимание и ряд принципиальных новшеств, содержащихся в «соображениях» Полонского и оказавших значительное влияние на судьбы ясачного режима в Сибири в последующий период. Полонским впервые было высказано предложение об уравнивании податных окладов оседлых и кочевых жителей, о передаче последних в ведение министерства финансов и др. Правительство поддержало эту идею и впоследствии довело ее до логического конца.

Анализ дальнейших событий показывает, что в правящих кругах существовали серьезные разногласия по вопросам развития ясачной политики, которые нашли прямое отражение в рассматриваемых документах. Предлагая провести новое переобложение аборигенов ясаком, автор проекта не переставал напоминать правительству о том, что кочевые жители «в настоящем быту их» ничем не отличаются от оседлых и «могут вносить более настоящего оклада». Поэтому при новой переписи их следовало бы «сравнить... по окладу с оседлыми и совершенно исключить из разряда ясачных»⁵⁵⁷. Таким образом, поразрядную систему, введенную «Уставом об управлении инородцев» (1822 г.), предполагалось упразднить. Отметим также, что если в Уставе особое внимание уделялось убеждению аборигенов в том, что они «без собственного их желания не будут включаться ни в какое другое сословие»⁵⁵⁸, то в проекте Полонского содержался откровенный призыв к насильственному перечислению кочевых жителей в категорию оседлых. Автор проекта прямо указывает, что «кочевых следовало бы зачислить в оседлые, не требуя на то их согласия», тем более что такового «едва ли можно добиться». В заключение Полонский выражает надежду, что все это «послужит к улучшению ясачной подати». Однако тезис этот понимается Полонским весьма своеобразно – как прямое увеличение ясачных платежей. По сведениям Полонского, на террито-

⁵⁵⁷ РГИА. Ф. 468. Оп. 9. Д. 912. Л. 60–60об.

⁵⁵⁸ ПСЗ-1. Т. 38, № 129126. § 25.

рии Восточной Сибири проживало 230 617 душ кочевых «иностранцев», которые платили 147 445 руб. ясака из расчета по 64 коп. с работника. При перечислении их в категорию оседлых, платящих по 2 руб. 29 коп. с ревизской души, сумма подати должна была возрасти до 505 051 руб., т. е. чистая прибыль составляла 357 605 руб. Неудивительно, что такая заманчивая перспектива не могла не понравиться правительству, тем более что оно мало утруждало себя расчетами о соответствии размеров налогового обложения платежеспособности ясачных народов. Полонский, правда, признавал, что «при новом переобложении оклад должен соразмеряться... средствами плательщика», однако тут же указывал, что следует «склонять иностранцев к прибавлению оклада». В разряд собственно ясачных предлагалось включить лишь бродячих жителей, которые бы могли «без затруднения вносить ясак зверем»⁵⁵⁹.

В соответствии с новой поразрядной системой определялись права и обязанности аборигенов, строилось их управление. Сбор податей со всех «иностранцев», перечисленных из кочевого разряда в оседлый, предполагалось поручить министерству финансов «на таком же основании, как оно заведует теперь оседлыми». Общий надзор за всеми категориями туземцев по-прежнему должно было осуществлять министерство государственных имуществ. В данном случае мы сталкиваемся с фактами прямой эксплуатации императорским Кабинетом служащих государственных ведомств. Если управляющий сбором ясака получал содержание из сумм ясачного сбора, то десятки и сотни чиновников министерства финансов и государственных имуществ, связанные повседневными делами с сибирскими аборигенами и фактически обслуживающие нужды «высочайшей фамилии», получали жалование из фондов государственного казначейства. Сам Полонский, видимо, хорошо сознавал это явное несоответствие, ибо указывал, что «зависимость ясачных народов от Кабинета имеет одно финансовое значение». Однако чиновник отнюдь не собирался нарушать эту весьма выгодную для Кабинета традицию, счи-

⁵⁵⁹ РГИА. Ф. 468. Оп. 9. Д. 912. Л. 57, 61–62, 89.

тая, что все остальные вопросы жизни и быта аборигенов «должны остаться на обязанности земской власти»⁵⁶⁰.

В соответствии с полученными от Кабинета наставлениями особое внимание Полонский уделил вопросам раскладки и сбора ясачной подати, взиманию недоимок. Этому посвящена третья, заключительная часть проекта. Вопрос о способах раскладки ясака имел важное значение. Каким принципом – подушным или породовым – следует руководствоваться, чтобы не уменьшить доходов Кабинета? Вопрос этот на протяжении XVIII и XIX вв. поднимался неоднократно. Следует отметить, что правительство все больше склонялось к мысли о целесообразности именно породового обложения. Если ясачная комиссия 1763 г. взяла за единицу обложения каждого работника, то инструкция второй ясачной комиссии требовала раскладку ясака производить «не по душам, а по родам». В 1839 г. член Кабинета Всеволожский вновь обрушился с резкой критикой на подушный способ обложения аборигенов ясаком. Такого же мнения придерживался и сенатор-ревизор И. Н. Толстой, предлагавший раскладку ясака производить не по числу душ или работников, а на «целые роды». Однако со времени второй ясачной комиссии переобложение ясаком не производилось, в 1862 г. ясачная подать взималась по окладным книгам, утвержденным в 1835 г. Понятно поэтому, что, предлагая провести новое переобложение аборигенов ясаком, Полонский не мог обойти вопроса о способе его раскладки. Знакомясь с этой частью проекта, нельзя не признать, что в данном случае его автор смог предложить не много нового. Как и большинство предшественников, он рекомендовал раскладку ясака «производить не на каждого работника, а на целый род, по способам и согласию родовичей». Этот способ автор проекта стремился всячески обосновать ссылками на неудовлетворительность «частного обложения». Однако реальное значение этой идеи проявляется отнюдь не в недостатках поголовного обложения, отмеченных Полонским. Истинный смысл рекомендаций чиновника легко прослеживается в по-

⁵⁶⁰ РГИА. Ф. 468. Оп. 9. Д. 912. Л. 84об.

следующих рассуждениях автора проекта. Предложениями Полонского предусмотрена дополнительная раскладка ясачной подати между налогоплательщиками при сборе недоимок. В случае несостоятельности отдельных налогоплательщиков за них должны были платить остальные родовичи. Не интересуясь причинами недоимок, Полонский предлагал взыскание их не откладывать на срок более года. Таким образом, проект предусматривал обеспечение максимальных ясачных платежей, преследовал цель бездоимочного сбора подати, что отвечало фискальным интересам Кабинета. Вопрос о новой ясачной подати решался Полонским в соответствии с поразрядной системой, которая предлагалась к введению. Кочевые жители, переводимые в оседлые, должны были платить ясак деньгами или зверем по «определению общества». При этом автор проекта признавал, что «установление наиболее сообразной с местными обстоятельствами системы ясачного сбора представлялся только в денежных окладах»⁵⁶¹. Столь же мало нового мог предложить Полонский и в вопросе о способах сбора ясачной подати с кочевых жителей. Предполагалось, что ясак наряду с другими податями будет поступать в министерство финансов, а затем «оптом» перечисляться в Кабинет.

Таким же образом предлагалось собирать ясак с «инородцев», перечисленных на основании Устава 1822 г. в разряд оседлых. Начиная с 1827 г. государственное казначейство ежегодно перечисляло в фонд Кабинета «сумму, причитающуюся в оброчную подать... взамен прежнего ясака...»⁵⁶². Следовательно, предложение о распространении этого способа сбора ясака на кочевых жителей отражало убеждение Полонского в незыблемости прав Кабинета на ясачную подать. Более того, если в первой половине XIX в. раздавались робкие голоса о необходимости организации на землях ясачных особого управления по аналогии с удельными и владельческими имениями, о подчинении сибирских аборигенов «одной власти, действовавшей... под непосредственной зависимостью Каби-

⁵⁶¹ РГИА. Ф. 468. Оп. 9. Д. 912. Л. 65–66.

⁵⁶² ПСЗ-II. Т. 2, № 1197.

нета»⁵⁶³, то Полонский не считал важным делать и этого. Куда проще и выгоднее было поручить министерству финансов сбор податей с аборигенов, а министерству государственных имуществ общих «надзор» за туземцами. Как видим, эксплуатация императорским Кабинетом государственного аппарата всячески оправдывалась и поощрялась.

Ничего конкретного не могли дать призывы Полонского о необходимости подъема материального благосостояния аборигенов. Речь должна была идти не о формах и методах сбора ясака и торговли с коренными жителями, а о соразмерности совокупного налогового обложения с действительной платежеспособностью «инородцев». Однако государственные повинности последних Полонского вообще не интересовали, что же касается ясака, то, как видим, размеры его предполагалось значительно увеличить с кочевых жителей, составляющих абсолютное большинство народов Сибири. Поэтому все рассуждения Полонского о несоразмерности оклада платежеспособности аборигенов, о добровольном принятии оклада нельзя назвать иначе, чем демагогическими.

Особое внимание в проекте уделялось вопросам сбора ясачной подати с бродячих жителей. Именно они, по замыслу Полонского, должны были стать основными поставщиками пушнины. В разряд собственно ясачных предполагалось ввести около 15 330 туземцев. Это означало, что каждый шестнадцатый житель вольно или невольно должен был платить ясак пушшиной. Составитель проекта отмечал, что «зачисленные в разряд ясачных вносят по окладу ясак натурой лучшим зверем и при сдаче строго проверяется... чтобы представляемый в ясак зверь соответствовал окладу». При такой постановке вопроса не могло быть и речи о привлечении десятков тысяч коренных жителей к оседлости. Проект Полонского обрекал бродячих жителей на скитание по тайге в поисках «лучшего зверя». Если в Уставе 1822 г. проводилась мысль о постепенном перечислении аборигенов из одного разряда в другой, «по мере привлечения их к оседлости», то в новом проекте во-

⁵⁶³ РГИА. Ф. 468. Оп. 9. Д. 897. Л. 166; Д. 909. Л. 6.

прос этот исключался. Действительно, как совместить стремление правительства к «поощрению оседлости» и требования Кабинета об увеличении ясака натурой. Здесь сталкивались интересы аборигенов и императорского Кабинета. Последнее обстоятельство оказалось решающим. Именно поэтому та часть проекта, которая посвящена вопросам сбора ясака с бродячих жителей, отличается особой консервативностью.

Стремясь застраховать Кабинет от возможных недоимок, составитель проекта указывал, «что обеспечением уплаты ясака зверем служит наличный улов всего общества». Только «наполнив ясак», аборигены получали право «продавать всех добытых ими зверей беспрепятственно... на месте и на ярмарках». Следовательно, у бродячих жителей, как и у кочевых, насаждался принцип круговой поруки, ответственности всех членов рода за уплату ясачной подати. В проекте предлагалось «решительно воспретить» взнос ясака деньгами вместо окладного зверя. Особо подчеркивалось, что при сборе ясака следует руководствоваться только окладными книгами, взыскивать... именно то, что они (коренные жители. – *Авт.*) обязаны платить». Недоимка допускалась «только в зверях высшего достоинства», менее ценные меха предлагалось заменять «такими, какие имеют в улове». Предполагая допущение недоимки, Полонский тут же оговаривался, что взыскание ее «не следует откладывать более чем на год, и тогда уже ее взыскивать с ясаком текущего года». В случае повторения недоимки земскому начальству предоставлялось право рассмотреть вопрос о возможности замены окладного зверя другим или деньгами. Нетрудно заметить, что составитель проекта стремился любыми путями заставить бродячих жителей платить ясак исключительно натурой. В проекте подчеркивалось, что торговля с бродячими жителями проводится с «полезными ограничениями». Без специального разрешения «всем лицам» запрещалось под каким-либо предлогом «посещать улусы и стойбища ясачных инородцев». Для предотвращения подлогов и утечки мехов сдаваемую в ясак пушнину предлагалось клеймить особой печатью.

В деле взимания ясака натурой особая роль отводилась местной администрации. Хотя ни сам Полонский, ни его высокопоставленные начальники не доверяли сибирскому чиновничеству, обойтись без их помощи Кабинет не мог, тем более что создание собственной администрации признавалось нецелесообразным. Поэтому Полонский с особой тщательностью регламентирует круг прав и обязанностей чинов земской полиции в отношении коренных жителей. Земской полиции предлагалось поручить прежде всего контроль за деятельностью родовых управлений, «надзор и проверку предоставляемого к сдаче ясака». Сборщики ясака должны были лично объезжать основные ярмарки и сугланы, систематически подавать сведения о благосостоянии «инородцев». В проекте подчеркивалось, что «влияние земского начальства при сборе ясака ограничивается... надзором... чтобы ясак был вносим по окладам лучшим зверем»⁵⁶⁴. Чиновникам категорически запрещалось торговать с аборигенами. За нарушение этого положения предлагалось наказывать виновных конфискацией имущества.

Стремясь оградить аборигенов от злоупотреблений чиновничества, Полонский в своем проекте предоставлял вместе с тем сибирской администрации довольно широкие права по контролю и надзору за деятельностью органов самоуправления коренных жителей, сбором с них ясака и др. Если бы подобную опеку Полонский признавал вредной для аборигенов, то можно было бы легко избежать ее. Однако в условиях мощного подъема общественного движения в стране, нашедшего живой отклик и на сибирских окраинах, в условиях, когда Сибирь становилась основным местом ссылки участников освободительного движения⁵⁶⁵, предоставление слишком большой самостоятельности органам самоуправления аборигенов внушало автору проекта серьезные опасения. Даже обсуждение этого вопроса казалось ему совершенно неуместным.

⁵⁶⁴ РГИА. Ф. 468. Оп. 9. Д. 912. Л. 6, 84, 90, 93–95.

⁵⁶⁵ История Сибири ... Т. 3. С. 131.

Сам Полонский, видимо, сознавал несовершенство нового проекта устройства ясачного сбора. Поэтому он указывал, что «во всех прочих случаях, которые не заключаются в настоящем положении», «надлежало руководствоваться общими узаконениями». Действие проекта предполагалось распространить на всю Восточную и ту часть Западной Сибири, «где проводится значительный сбор ясака звериными шкурами»⁵⁶⁶. Введение проекта в действие предполагалось «в виде опыта на несколько лет», а затем следовало в случае необходимости дополнить его. Вопрос о целесообразности оставления в Сибири управляющего сбором ясака передавался на «усмотрение начальства».

Итак, рассмотренный проект нового устройства ясачного сбора отразил взгляд правительства на народы Сибири как на основных поставщиков «мягкой рухляди». Его пронизывали те же консервативно-охранительные начала, что и проект императорского Кабинета. В то же время автор проекта, составленного год спустя после отмены крепостного права, в ряде случаев отходил от явно реакционных предложений Кабинета, пытался «основать» сбор ясака с учетом некоторых «местных обстоятельств».

Обсуждение и реализация предложений Полонского показали, что в правительственных кругах не было единого мнения по вопросам ясачной политики в Сибири. Эти колебания отразили в целом неуравновешенность внутривластного курса царизма в пореформенный период, характеризующийся некоторыми либеральными усилиями и периодами открытой реакции при преобладающем влиянии последних.

Осенью 1864 г. проект Полонского рассматривался в совете Главного управления Восточной Сибири. По указанию генерал-губернатора в совете были сосредоточены все сведения о ясачном законодательстве, имеющиеся в распоряжении администрации. На основании этих материалов совету предстояло вынести окончательное суждение о судьбах ясачного режима в Сибири.

⁵⁶⁶ РГИА. Ф. 468. Оп. 9. Д. 912. Л. 103.

При рассмотрении представленных на обсуждение материалов члены совета отметили, что, в отличие от проекта Кабинета, «предлагаемые г. Полонским меры... ближе соответствуют настоящему положению дела». Возражения членов совета касались главным образом «некоторых пунктов», связанных с ограничением свободной торговли с аборигенами. Совет также отметил, что «из обзора мероприятий по сбору ясака... оказывается, что местное начальство... постоянно оставалось при мнении, что для ограждения инородцев от притеснений со стороны торгующих и улучшения сбора ясака необходимо ввести запретительную систему торговли». Однако теперь, при «строгом обсуждении этой меры оказывается, что ею не будет достигнуто желанных результатов». Совет указал, что для пресечения такой торговли с аборигенами потребовались бы целые команды сыщиков. Сомнения членов совета в целесообразности и возможности осуществления этой меры были столь сильны, что они без обиняков вынуждены были признать, что даже в том случае, если бы «это оказалось возможным», то сами коренные жители, будучи заинтересованными именно в свободной торговле, всячески обходили бы этот запрет. Поэтому совет признал меры по ограничению свободной торговли «стеснительными для инородцев и неудобноисполнительными со стороны земских начальников» и предложил оставить без изменений существующий закон о свободной торговле. Решение совета – убедительное свидетельство того, что сибирская администрация уже осознала бесплодность надежд правительства на возрождение сбора ясака натурой.

Далее совет высказался еще определеннее: «С установлением ясачного сбора деньгами не потребуются изобретать искусственные меры, которые оказываются необходимыми при обложении инородцев ясаком мягкой рухлядью и которые на деле могут оказаться несостоятельными». Поэтому совет считал, что «было бы проще и правильнее обложить всех инородцев деньгами, дозволив однако же вносить ясачную подать и шкурами». Для членов совета был очевиден крах запретительных мероприятий и нежизненность попыток собирать ясак исключительно пушниной. Эту же мысль проводил Кор-

саков в донесении Комитету министров в 1866 г. «Замечаемое по временам улучшение улова, – писал он, – зависит, как показывает опыт, от случайных причин и нисколько не должно быть относимо к улучшению пушного промысла»⁵⁶⁷. Генерал-губернатор не видел путей к увеличению ясака натурой, считая, что необходимые Кабинету меха следует покупать у аборигенов на ярмарках или у частных торговцев.

Для уяснения реального значения предложения членов совета посмотрим на него с точки зрения сибирской администрации. На протяжении первой половины XIX в. наблюдается неуклонное падение удельного веса коренного населения по отношению к общей численности населения региона. Сибирь все больше приобретала облик крестьянско-земледельческого края, в экономике которого существенную роль играла и золотопромышленность. По признанию местной администрации, «главными производителями пушного промысла» остались лишь бродячие «инородцы», для остальных же жителей охота стала побочным занятием. Попытки увеличить ясак пушниной заканчивались безрезультатно. Парадоксально, но факт, что даже в период пребывания самого Полонского в Сибири ясачные поступления натурой не только не увеличились, но даже сократились. Когда в 1867 г. контрольная палата министерства императорского двора обратилась в Кабинет с вопросом о том, «сколько поступало сбору до определения (Полонского. – *Авт.*) и на сколько оный увеличился» под наблюдением «за сбором г. Полонского», то Кабинет вынужден был скромно ответить, что «до определения чиновника ясачного сбора звериными шкурами поступало в Кабинет погодно почти в одинаковом количестве, как и после его назначения». За период с 1855 по 1859 г. ясачные поступления пушниной составили в денежном исчислении 109 246 руб. серебром. В первые же пять лет пребывания Полонского в Сибири, т. е. в 1860–1865 гг. натуральные ясачные поступления были и того меньше – 96 112 руб. серебром. В 1864 и 1865 гг. было соответственно собрано пушнины на 16 123 и 18 750 руб. серебром.

⁵⁶⁷ РГИА. Ф. 486. Оп. 9. Д. 912. Л. 607–608, 612, 617, 620–624, 3об.

Таким образом, было высказано два мнения о дальнейших судьбах ясачного режима в Сибири. Мнение Полонского сводилось к предложению о выделении особого разряда ясачных, обязанных платить ясак исключительно натурой. Генерал-губернатор Восточной Сибири считал необходимым перевод всех аборигенов на уплату ясака деньгами. Несмотря на существенное различие, эти проекты пронизывала одна общая идея: ясачная подать с сибирских аборигенов рассматривалась как неотъемлемая собственность императорского Кабинета. Вопрос об упразднении ясачного сбора даже и не ставился, тем более что ясак давал царской фамилии около 200 тыс. руб. серебром годового дохода⁵⁶⁸. Спор велся лишь о том, в какой форме – денежной или натуральной – Кабинет этот доход получит.

В декабре 1868 г. отчет Корсакова по управлению краем, содержащий и изложение мнения совета Главного управления Восточной Сибири по проекту Полонского, рассматривался в Кабинете министров. При этом Александр, явно обеспокоенный затянувшимся спором, поинтересовался, «на чем же дело остановилось». Поскольку никто из присутствующих не мог дать четкого ответа, было решено обратиться за разъяснениями в министерство императорского двора. В своем ответе, датированном 23 января 1868 г., министр двора не без укоризны отметил, что «вместе желаемого Кабинетом улучшения ясачного сбора шукурами дорогих зверей совет полагает обложить всех инородцев деньгами». Чиновник же от Кабинета, наоборот, предлагает «определить разряд ясачных, которые по роду своей промышленности могут без затруднения вносить ясак зверем...». Дальнейшие рассуждения министра представляют особый интерес. Оказывается, он больше всего опасается не возможности причинить «ущерб интересам Кабинета», который может последовать от решения этого вопроса, а изменения нравственного состояния «полудиких инородцев, издавна свыкшихся с мыслью приносить лучшего зверя в ясак его императорскому величеству». Именно поэтому, утверждает министр, «Кабинет удерживался высказать окончательное

⁵⁶⁸ ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. 1852 г. Д. 135. Л. 50.

заключение об ясаке, в ожидании дальнейших результатов по сбору оного натурою под наблюдением состоящего в Восточной Сибири чиновника»⁵⁶⁹.

Однако ссылку министра на возможные изменения нравственного состояния аборигенов нельзя признать иначе как лживой и лицемерной. Ведь именно правительственные указы обрекали сотни и тысячи аборигенов на скитание по тайге в поисках «лучшего зверя», препятствовали переходу к оседлости и т. д. На наш взгляд, все обстояло гораздо проще. Желание Кабинета добиться увеличения ясака пушниной объясняется чисто меркантильными соображениями. По признанию членов Кабинета, поступающая из Сибири пушнина не только шла на «удовлетворение нужд высочайшей фамилии», но и продавалась на ярмарках со значительной для Кабинета выгодой. Как мог отважиться Кабинет пойти на полную замену натурального ясака денежным, если при этом затрагивались интересы коронной фамилии? Если уж взимание ясака пушниной со всех «инородцев» становилось невозможным, то приходилось принимать компромиссное решение. Поэтому свой ответ Александру II министр двора заканчивает весьма дипломатично. «Я полагал бы полезным, – пишет он, – оставить по-прежнему сбор ясака шкурами, по крайней мере, в тех местностях, которые по исследованию чиновника Кабинета представляют инородцам возможность... вносить ясак зверем... остальных инородцев обложить денежным сбором, но произвести новое переобложение»⁵⁷⁰. Язвительно-вежливое замечание министра возымело свое действие. Генерал-губернатор Корсаков был вынужден согласиться с предложением Адлерберга. Корсаков лишь настаивал на том, чтобы «окончательное определение, каких именно инородцев следует обложить денежным сбором», было предоставлено сибирской администрации.

Это заявление генерал-губернатора нельзя рассматривать иначе как отказ от своих первоначальных предложений. Конечно, в идеале местное чиновничество хотело бы видеть

⁵⁶⁹ РГИА. Ф. 468. Оп. 9. Д. 913. Л. 1-1об, 12, 641.

⁵⁷⁰ Там же. Л. 13.

ясачный сбор исключительно денежным. Однако неудовольствие министра двора – лица, непосредственно приближенного к императору, – не осталось без последствий. Приходилось закрывать глаза на различные местные обстоятельства, еще недавно столь часто упоминаемые. Да и как было противиться воле Адлерберга, если вопрос касался обеспечения мехами самих членов коронной фамилии. Корсаков хорошо понимал всю двусмысленность сложившейся ситуации. Поэтому ему не оставалось ничего другого, как согласиться с «предложением» министра.

Вопрос о судьбах ясачного режима в Сибири был в принципе решен. Согласие Корсакова дало Кабинету возможность приступить к подготовке проектов к утверждению. При замене натурального ясака денежным сбором Кабинет предложил «заведование оным предоставить министерству финансов, а общее попечение об инородцах» – министерству государственных имуществ. Оба министерства не возражали против предложений Кабинета, ибо практически давно этим занимались⁵⁷¹. В сентябре 1868 г. в Комитет министров поступила записка Адлерберга с приведенными выше соображениями. Они были рассмотрены и 2 октября утверждены Александром II⁵⁷². В указе говорилось, что отныне сбор ясака рухлядью должен проводиться только в тех местностях, «которые предоставляют кочующим и бродячим инородцам вносить ясак зверем». Решение вопроса о том, каких именно аборигенов «по местным условиям» следует обложить деньгами, возлагалось на генерал-губернатора.

Таким образом, изданный указ отразил компромиссную точку зрения. С одной стороны, четко прослеживается стремление правительства сохранить патриархальные, феодальные в своей основе методы эксплуатации сибирских народов. С другой, наблюдается тенденция перевода ясачной подати (ренты) в денежную форму, что в конечном итоге объясняется развитием товарно-денежных отношений и изменением усло-

⁵⁷¹ РГИА. Ф. 468. Оп. 9. Д. 913. Л. 31–33об; Ф. 573. Оп. 3. Д. 4630. Л. 1.

⁵⁷² ПСЗ-II. Т. 43. Отд. 2. № 46341.

вий хозяйственной деятельности значительной части коренного населения Сибири. Подобная непоследовательность и половинчатость характерна для всей внутренней политики самодержавия в пореформенный период. Обеспокоенное быстрым ростом буржуазных отношений, активизацией общественного движения в стране и реальной угрозой обострения социальных конфликтов на окраинах империи, царское правительство стремилось путем полумер и незначительных уступок избежать резкого усиления классовых противоречий и сгладить наметившиеся конфликты.

В ноябре 1868 г. министр императорского двора уведомил о принятом решении генерал-губернаторов обеих частей Сибири. Затем началась работа по сбору необходимых сведений. В Западной Сибири Томский губернский совет предложил всех коренных жителей «обложить вместо... ясак денежным сбором». Тобольская губернская администрация не смогла предложить ничего определенного и считала возможным решение этого вопроса предоставить самим аборигенам, «смотря по тому, как они сами признают для себя более выгодным и удобным». Исходя из этого, Главное управление Западной Сибири решило «дозволить всем инородцам... платить ясак деньгами» или пушниной, «если они признают более удобным»⁵⁷³.

Иначе решался этот вопрос в Восточной Сибири. Вежливый, но недвусмысленный выговор, полученный Корсаковым от министра двора в 1868 г., не остался без последствий. Генерал-губернатор был вынужден вновь обратиться к предложениям Полонского, нашедшим в правительственной среде скорый и сочувственный отклик. В пространном донесении, направленном в Кабинет в декабре 1869 г., генерал-губернатор указывает, что уровень жизни большинства кочевых жителей «никак не ниже состояний крестьян». Корсаков обращает особое внимание на то, что «инородцы не носят самой тяжелой повинности рекрутской», а между тем крестьяне платят податей «вдвое против инородцев». По мнению генерал-губернатора, такое «привилегированное» положение абор-

⁵⁷³ РГИА. Ф. 468. Оп. 9. Д. 913. Л. 178об-179.

ригенов «в настоящее время ничем не может быть оправдано», тем более что туземцы «неохотно переходят к оседлой жизни и избегают обращения в христианскую веру». Исходя из этого, Корсаков считал «полезным и справедливым» уравнивать размеры ясачных платежей с подушной и оброчной податью, уплачиваемой русскими крестьянами. Следовательно, в Восточной Сибири ясак должен был увеличиться почти вдвое и составлять в Иркутской и Енисейской губерниях 3 руб. 64 коп., в Забайкальской области – 3 руб. 62 коп. с каждой ревизской души. Корсаков, очевидно, сознавал, что столь значительное увеличение ясачных платежей возможно лишь при условии успешного развития земледелия. Поэтому он отмечал, что мера сия не только приведет к ежегодному увеличению доходов Кабинета на 300 000 руб., но и «несомненно будет влиять на привлечение инородцев к оседлости». Генерал-губернатор полагал, что «вопрос этот требует тщательной подготовки и в скором времени не может быть решен»⁵⁷⁴. Поэтому он предложил обсудить это предложение первоначально в губернских и областных советах. Для личных объяснений в Петербург направлялся Полонский.

Сбор необходимых сведений и обсуждение проекта на местах продолжалось около двух лет, и в мае 1872 г. дело о ясаке было внесено в Главное управление для окончательного решения. При рассмотрении вопроса оказалось, что не все губернские советы одобрили проектируемые генерал-губернатором нововведения. Так, например, Забайкальское областное управление, признавая возможность уравнивать ясачные платежи с размером подушной и оброчной податей, в то же время считало, что «ясак следует взимать не с числа ревизских душ, от коего избавлены они (коренные жители – *Авт.*) законом, а от числа работников». Увеличение ясака должно было касаться жителей Агинской, Урульгинской, Хоринской, Селенгинской, Баргузинской и Кударинской степных дум. В остальных же ведомствах сбор ясака предлагалось оставить на «прежнем основании». Якутское областное правление предложило увеличить

⁵⁷⁴ РГИА. Ф. 468. Оп. 9. Д. 913. Л. 137, 154.

ясачные платежи «инородцев» Якутского и Олекминского округов. В остальных округах рекомендовалось оставить прежние размеры ясака⁵⁷⁵. В Енисейской губернии ачинский окружной исправник также высказался против предлагаемых новшеств. По его мнению, уравнение аборигенов по платежу податей с крестьянами «значило бы положительно отбить у них (коренных жителей. – *Авт.*) охоту к хлебопашеству», так как в этом случае аборигены «считали бы хлебопашество только средством к высшим платежам». Уровень доходности крестьянских и инородческих хозяйств в округе был далеко не одинаков. Если у первых он составлял около 30 руб. на ревизскую душу, то у коренных жителей не превышал 10 руб. Однако представители губернской администрации смотрели на дело несколько иначе.

Учитывая, что коренные жители освобождены от рекрутской и части натуральных повинностей, вследствие чего быт их «значительно свободнее, нежели крестьянина», губернский совет счел возможным ходатайствовать об увеличении ясака «до размера подушной и оброчной подати». Еще более категорично высказались члены Иркутского губернского совета. Они признали не только возможным, но даже необходимым кочевых жителей «сравнить по платежу податей и повинностей с крестьянами».

Таким образом, на рассмотрение совета Главного управления было представлено четыре мнения губернских советов. В сущности, позиции Иркутской и Енисейской администраций совпадали. Они признавали не только возможным, но даже необходимым, во-первых, увеличить размер ясака до величины подушной и оброчной податей, во-вторых, ввести новый принцип раскладки ясака – по ревизским душам, а не по работникам. Именно против этого и возражало Забайкальское областное правление. Спор этот отнюдь не был простым столкновением мнений различных представителей сибирской администрации. Он отразил непоследовательность налоговой политики самодержавия в новый, капиталистический, период

⁵⁷⁵ РГИА. Ф. 468. Оп. 9. Д. 913. Л. 167–167об, 170–173, 192.

истории, а также свидетельствует об усиливающихся ассимиляторских тенденциях внутренней политики царизма, когда правительство стремилось «уравнять» аборигенов с русским населением не только в податном отношении, но и в управлении, землепользовании и других аспектах во всероссийском масштабе. Именно поэтому совет Главного управления не принял предложение Забайкальского областного правления, а признал «своевременным и необходимым сравнить по платежу ясака с крестьянами тех из кочевых инородцев, экономическое состояние которых не хуже крестьян». Решение это встретило полное одобрение в лице министра двора Адлерберга, который предложил новому генерал-губернатору Н. П. Синельникову внести эти предложения на утверждение в Главный комитет об устройстве сельского состояния. Однако Главный комитет отказался рассматривать их, отметив, что вопрос о ясаке не относится «к предметам» его ведомства. Проект иркутского генерал-губернатора был передан в министерство императорского двора «для дальнейшего направления сего дела в установленном порядке»⁵⁷⁶. После этого постановления прошло почти два десятилетия, прежде чем правительство вновь приступило к рассмотрению вопроса о ясаке. Причина столь длительной задержки объясняется отнюдь не тем, что проблема ясачного сбора была решена, скорее наоборот. В начале 70-х гг. XIX столетия в связи с началом подготовки землеустройства сибирского населения правительство отказалось рассматривать проблему ясачного сбора, ставя решение этого вопроса в прямую зависимость от подготовки и осуществления аграрных преобразований в крае.

Нетрудно заметить, что в первое пореформенное десятилетие правительству так и не удалось добиться количественного и качественного увеличения ясака. Это и привело к упразднению должности управляющего сбором ясака в 1870 г.⁵⁷⁷

Изменение социально-экономических условий жизни народов Сибири, развитие капиталистических отношений за-

⁵⁷⁶ РГИА. Ф. 1181. Оп. 15. Д. 146. Л. 4–4об.

⁵⁷⁷ Там же. Ф. 573. Оп. 3. Д. 5052. Л. 7.

ставили правительство пойти на некоторые незапланированные уступки. Однако в целом сущность ясачной политики как феодальной и сущность самого ясака как типичной феодальной ренты, уплачиваемой владельцу за пользование землей, в рассматриваемый период не изменилась. Несмотря на отмену крепостного права, ясак по-прежнему поступал в Кабинет и оставался тождественным бывшей оброчной подати, уплачиваемой удельными крестьянами своему коронованному владельцу.

4.4 РЕФОРМА НАЛОГОВОЙ СИСТЕМЫ И ЯСАЧНАЯ ПОЛИТИКА В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.

Реформа налоговой системы в Сибири, осуществленная правительством в конце XIX в., явилась следствием и дополнением земельных и административных преобразований в крае. Указом от 18 мая 1882 г. было «повелено совершить отмену подушной подати в течение нескольких лет, по мере изыскания новых источников государственных доходов». Приступая к реформе, правительство преследовало не только фискальные, но и политические цели. В записке департамента окладных сборов, направленной в Государственный совет, прямо говорилось, что «отмена подушной подати составляет одну из самых крупных мер» настоящего царствования. Авторы документа не скрывали, что ждут от реформы «сильного... впечатления... в ямах». Однако на Сибирь, оседлое и кочевое население которой платило около 2 млн руб. подушных сборов, указ не распространялся. Основания для такого решения министерство финансов видело в «особенностях местного быта и землевладения»⁵⁷⁸. Следует отметить, что, хотя действие указа и не распространялось на восточные районы империи, это не означало, что правительство вовсе не предполагало распро-

⁵⁷⁸ РГИА. Ф. 573. Оп. 3. Д. 4869. Л. 1, 4–5.

странить на Сибирь податную реформу. В реформе налоговой системы, кроме политических и фискальных соображений, правительство видело еще и ту меру, которая была призвана «приравнять» коренное население Сибири к русскому крестьянству. Подобные тенденции в правительственной политике прослеживаются и в первой половине XIX столетия. Однако тогда речь шла главным образом о вопросах, связанных с организацией управления народами Сибири. Теперь внимание правительства привлекла система податного обложения аборигенов.

Впервые эта мысль в более или менее оформленном виде была высказана в 60-х гг. уже упоминавшимся Полонским. В то время идея не получила окончательного разрешения. В 70-х гг. в связи с разработкой проектов землеустройства народов Сибири к ней обратилась комиссия Медема. Стремясь уравнивать аборигенов в отношении прав и размеров землепользования с крестьянами, члены комиссии предлагали поступить аналогичным образом и в вопросе об отбывании ими податей и повинностей. Смысл проектируемых новшеств сводился к проведению поземельного устройства и на этой основе замены ясака и других подушных сборов, уплачиваемых кочевниками, «оброчной за землю податью»⁵⁷⁹.

Иначе говоря, комиссия Медема высказалась за переложение ясачной ренты на землю. Уже сам этот факт свидетельствует, что члены комиссии видели в Кабинете, куда поступал ясак, совладельца государственных сибирских земель. Последующее превращение ясака в оброчную подать снимает какие-либо сомнения на этот счет. Это принципиальной важности явление, метко подмеченное Г. П. Жидковым при изучении форм кабинетного землевладения в Сибири⁵⁸⁰, подтверждается наблюдением и за ясачной политикой царизма.

Проектируя замену ясака государственной оброчной земельной податью, комиссия предполагала большее или меньшее увеличение податей по губерниям⁵⁸¹. В итоге объем по-

⁵⁷⁹ РГИА. Ф. 385. Оп. 11. Д. 6739. Ч. 2. Л. 470об.

⁵⁸⁰ Жидков Г. П. Указ. соч. С. 87.

⁵⁸¹ РГИА. Ф. 385. Оп. 11. Д. 6739. Ч. 2. Л. 469об.

винностей должен был не уменьшиться, а, наоборот, возрасти. Комиссия, по ее собственному признанию, не располагала необходимыми сведениями для точного определения «системы исчисления и разверстки» оброчной подати. Поэтому решение вопроса предлагалось поручить генерал-губернаторам. Предполагаемое перечисление кочевых жителей в категорию оседлых, проведение землеустройства аборигенов по аналогии с крестьянами и, наконец, уравнивание их податных обязанностей – все это должно было значительно увеличить размеры совокупных податных платежей народов Сибири. Своей важнейшей целью в отношении аборигенов проектируемая реформа имела замену ясака поземельным налогом. Однако длительная – около трех десятилетий – подготовка землеустройства сибирского населения отодвинула сроки проведения податной реформы на конец 90-х гг. XIX столетия.

Что же касается непосредственно ясачной политики, то в период подготовки и проведения землеустройства и податной реформы сбор ясака осуществлялся на основе указов 1827 и 1835 гг., которые точно фиксировали размер ясачной ренты. Проводившиеся ревизии (последняя, десятая – в 1858–1862 гг.) могли изменить лишь число плательщиков, а не размер обложения. В сметы Кабинета ежегодно вносилась одна и та же сумма ясачного сбора (табл. 19 прил.). Из сумм ясачного сбора взамен бывшей 44-копеечной подати ежегодно перечислялось в Государственное казначейство 99 638 руб. Кроме того, около 3 000 руб. отчислялось на лечение аборигенов Якутской области и северных округов Томской и Тобольской губерний⁵⁸². За вычетом этих сумм из общей массы ясачного сбора реальный доход Кабинета по «ясачному делу» с сибирских губерний составлял 425 524 руб. ассигнациями. В то же время общий размер кабинетской ренты с народов Сибири был значительно выше указанной суммы. Увеличение это происходило за счет перечисления из Государственного казначейства в Кабинет оброчной подати, взыскиваемой с оседлых аборигенов (в общей массе ясака) на основе указа от

⁵⁸² РГИА. Ф. 573. Оп. 3. Д. 5092. Л. 17об.

21 июня 1827 г.⁵⁸³ Размеры оброчной подати оседлых аборигенов составляли по Тобольской губернии 34 672 руб. серебром, Томской – 20 951, Енисейской – 2 910, Иркутской – 11 273. Всего по Сибири было уплачено подати 69 807 руб. серебром. Суммируя размер ясака, уплачиваемого кочевыми и бродячими жителями, и оброчной подати, платимой оседлыми аборигенами, можно определить общий размер кабинетской ренты с народов Сибири. Эта рента составляла 222 258 руб. серебром в год⁵⁸⁴. В общих доходах Кабинета, исчислявшихся несколькими десятками миллионов рублей, роль ясачной и оброчной подати с народов Сибири была невелика. В 1889 г. она составляла 12,3 %, а к 1917 г. ее размеры упали до 2,2 %. Однако в силу того обстоятельства, что в доходах Кабинета абсолютно преобладала земельная рента, а доходы от сибирских земель⁵⁸⁵, куда входили ясак и оброчная подать с коренных народов, составляли к 1917 г. четвертую часть совокупных доходов коронного ведомства⁵⁸⁶, можно утверждать, что ясачная рента сохранила определенное самостоятельное денежное значение. Доля ясачной и оброчной подати в общих размерах кабинетской земельной ренты в Сибири была немалой (табл. 20 прил.).

Колебания годовых размеров оброчной и ясачной подати объясняются не снижением или увеличением размеров ясака и самой подати – они, как и прежде, взыскивались на основе положений 1827 и 1835 гг., а стремлением чиновников Кабинета вносить в сметы реальное число плательщиков ясака. Последнее обстоятельство, как свидетельствуют факты, играло немаловажную роль в попытках прогнозирования возможных поступлений. Дородовой принцип раскладки ясака, взятый за основу второй ясачной комиссией, ставил народы Сибири в крайне тяжелое положение. В конце XIX в. кочевые и бродячие аборигены оплатили ясак по спискам, утвержденным 10-й ре-

⁵⁸³ ПСЗ-II. Т. 2, № 1197.

⁵⁸⁴ РГИА. Ф. 468. Оп. 9. Д. 947. Л. 23, 28.

⁵⁸⁵ По подсчетам Г. П. Жидкова, в 1917 г. ее размер составлял 80 % (Жидков Г. П. Указ. соч. С. 91).

⁵⁸⁶ Подсчитано по: Жидков Г. П. Указ. соч. С. 91, 95.

визией в 1858 г. В сентябре 1893 г. иркутский генерал-губернатор Горемыкин ходатайствовал перед министром финансов Витте о сложении ясачной недоимки с нижнеудинских «карагасов», ко взысканию которой местная администрация не видела никакой надежды. При рассмотрении этого дела в министерстве финансов оказалось, что по 10-й ревизии у «карагасов» насчитывалось 148 работников, обложенных ясаком по 4 руб. 29 коп. с души. Реальных же плательщиков в 1893 г. насчитывалось всего 72 души. Эти лица и должны были выплачивать весь оклад ясачной подати, положенной на их род второй ясачной комиссией 1835 г.⁵⁸⁷

Однако недоимки по ясачным платежам наблюдаются не только при значительном сокращении числа налогоплательщиков. В 80–90-х гг. XIX в. недоимки по этим платежам стали постоянным явлением в бюджетных ведомостях казенных палат, составляя примерно четвертую часть оклада (табл. 21 прил.). Этот же вывод можно сделать и на основе погодных поступлений ясачной подати. Приводимые материалы (табл. 22 прил.) еще раз подтверждают устойчивый характер ясачной недоимки. Отмечаемое в отдельные годы относительное увеличение поступлений ясачных платежей следует объяснять отнюдь не «успехами» ясачной политики, а беззастенчивым «выколачиванием» податных сборов местной администрацией, более благоприятными природно-климатическими условиями и другими побочными факторами.

При анализе ясачной политики самодержавия следует также учитывать тот факт, что на протяжении второй половины XIX и начала XX в. размеры ясачной ренты коронного ведомства с народов Сибири сохраняли относительно стабильный характер. В то же время значительно возросли общегосударственные налоги, сборы на земские и внутренние повинности, которые в несколько раз превышали ясачную подать⁵⁸⁸. Тяжесть податных платежей увеличивалась злоупотреблениями местных чиновников. Современники неоднократно отме-

⁵⁸⁷ РГИА. Ф. 573. Оп. 3. Д. 5018. Л. 1–3.

⁵⁸⁸ См.: История Сибири ... Т. 3. С. 106.

чали «бесконтрольность» власти земских заседателей в отношении аборигенов, их «многочисленные злоупотребления» и «безотчетные поборы»⁵⁸⁹. Парадоксально, но факт, что аналогичные свидетельства находим и у лиц, представляющих совершенно противоположный лагерь. В 1894 г. министр двора граф Воронцов-Дашков вынужден был признать, что «производство сборов местными властями... сопровождается значительными злоупотреблениями»⁵⁹⁰. От представителей администрации не отставали и «инородческие» родоначальники – тайши, зайсаны, старшины, которые занимались откровенным вымогательством, брали взятки, совершали подлоги и т. д.⁵⁹¹ Всевозможные злоупотребления чиновничества и «родовой аристократии» значительно увеличивали тяжесть налогового бремени. Тем не менее основной причиной ясачных и податных недоимок явилось общее несоответствие размеров податных окладов со степенью реальных доходов и платежеспособностью коренного населения. Именно в этом, а не в чем-нибудь ином, следует видеть главную причину роста недоимок.

В начале 90-х гг. министерство финансов активизировало разработку проектов податной реформы. «Сущность предполагаемого преобразования, – отмечал министр финансов в 1896 г., – должна состоять не в отмене уплачиваемых оседлым населением Сибири подушных податей, а в замене их другими сборами»⁵⁹². Летом 1893 г. департамент окладных сборов разослал казенным палатам сибирских губерний циркуляр, в котором излагались основы будущей реформы. В этом документе особо подчеркивалось, что сумму поземельного сбора следует устанавливать «по каждому округу по соображению с ныне взимаемых с крестьян подушной и оброчной податями и межевым сбором». Иначе говоря, объем повинностей в процессе подготовки и проведения реформы не должен был уменьшаться. Будущую реформу предполагалось распространить на

⁵⁸⁹ Ядринцев Н. М. Сибирь как колония. С. 169.

⁵⁹⁰ РГИА. Ф. 573. Оп. 3. Д. 5052. Л. 7об.

⁵⁹¹ ГАИО. Ф. 24. К. 2031. Оп. 9. Д. 942. Л. 5; ЦГА БАССР. Ф. 79. Оп. 1. Д. 411. Л. 2; ЦГА РСФСР ДВ. Ф. 701. Оп. 1. Д. 97. Л. 3; Ядринцев Н. М. Сибирь как колония. С. 171 и др.

⁵⁹² Цит. по: Топчий А. Т. Крестьянские реформы в Сибири ... С. 227.

территорию всей Сибири, за исключением местностей, «не имеющих земледельческого характера по суровости климата и другим причинам». Излагая основы разрабатываемой реформы, министерство особо подчеркивало государственную монополию на все сибирские земли. Новый поземельный налог следовало взysкивать «с тех разрядов крестьян и инородцев, в пользовании которых находятся казенные земли, равно как и с тех, которые владеют землею на праве полной собственности»⁵⁹³. Таким образом, можно констатировать, что у русских крестьян и оседлых «инородцев» подушная подать не ликвидировалась, а лишь теряла свое название, будучи присоединенной к сумме оброчной. Новый же поземельный налог на практике мало чем отличался от старых феодальных форм ренты. На это обратил внимание даже министр императорского двора, по словам которого, министерство финансов сводило реформу «не к замене подушных податей поземельным оброком, а к простому переименованию первых»⁵⁹⁴.

Первоначально министерство финансов предполагало распространить реформу только на оседлых аборигенов. Упразднение ясачной подати у кочевых и бродячих жителей, по мнению министерства, «не представлялось возможным». Таким образом, министерство как бы отмежевалось от всех попыток 60–80-х гг., доказывающих необходимость уравнивания кочевников в податных обязанностях с русскими крестьянами. Эту же мысль развивали в своих отчетах министерству чиновники сибирских казенных палат. Тобольская казенная палата прямо писала, что «ввиду полного отсутствия точных данных об этой части населения» палата считает «наиболее уместным оставить пока ныне существующие налоги»⁵⁹⁵. По мнению Томской казенной палаты, быт и условия жизни кочевых и бродячих аборигенов были «совершенно не изучены». Поэтому палата не видела «никаких данных и оснований» к замене податей и повинностей этой части сибирского населения. Ени-

⁵⁹³ РГИА. Ф. 573. Оп. 3. Д. 5009. Л. 2–2об.

⁵⁹⁴ Топчий А. Т. Крестьянские реформы в Сибири ... С. 228.

⁵⁹⁵ РГИА. Ф. 573. Оп. 3. Д. 5009. Л. 3, 33об.

сейская казенная палата замену взимаемых с кочевых жителей налогов считала «неудобным» по причине отсутствия «данных об исследовании экономического быта коренных жителей».

Иначе смотрел на дело иркутский генерал-губернатор Горемыкин. В будущей реформе он видел прежде всего средство к обеспечению «уравнительности и бездоимочности» податных платежей. В этой фразе звучит ясно видимый подтекст. Ранее уже отмечалось, что у коренных жителей недоимка только по одной ясачной подати составляла не менее 20 % ежегодно. Понятно поэтому, что, рассматривая предстоящую реформу как панацею от всех бед, этот высокопоставленный чиновник не мог не задуматься над вопросом о возможности ее распространения и на коренных жителей региона. «Я долгом считаю заметить, – писал он в министерство в сентябре 1893 г., – что инородцы Иркутской и Енисейской губерний являются кочевыми только по названию... и земледелие у кочевых инородцев Иркутской губернии развито несколько не менее, а местами даже более, нежели среди крестьян старожилов». Горемыкин, правда, признавал, что кочевники Енисейской губернии «занимаются почти исключительно скотоводством», однако это обстоятельство ничуть не смущало верховного правителя края. Генерал-губернатор был твердо убежден в том, что проведенные в последнее время исследования хозяйственного быта этой части населения дают «полный и доброкачественный материал для определения доходности находящихся в их пользовании земель». Опираясь на этот довод, Горемыкин формулировал задачи будущей реформы в отношении кочевников. «Я считаю нужным выразить уверенность, – сообщал он, – что распространение на всех инородцев (за исключением, конечно, бродячих) обеих названных губерний проектируемой реформы не только не встретит никаких практических затруднений, но и окажется в полном соответствии с главнейшими чертами их хозяйственно-экономического быта». Мнение генерал-губернатора оказалось решающим и при рассмотрении этого вопроса в Иркутской казенной палате⁵⁹⁶.

⁵⁹⁶ РГИА. Ф. 573. Оп. 3. Д. 5009. Л. 60. 72–73, 105–111, 190.

Таким образом, из четырех сибирских губерний администрация лишь одной – Иркутской – считала возможным и необходимым распространение податной реформы на оседлых и коренных жителей. Казенные палаты остальных губерний высказались против.

Рассматривая вопрос о завершении разработки податной реформы, следует отметить, что параллельно с этим в министерстве императорского двора обсуждалась идея о возможности передачи сбора ясака министерству финансов и соответствующей компенсации коронному ведомству из средств Государственного казначейства. Сама эта идея принадлежала министру Воронцову-Дашкову, «право на осуществление» ее подкреплялось ссылками министра на различные «неудобства» сбора ясака, отсутствие своей кабинетской администрации на землях аборигенов и т. д. Однако думается, что само возникновение этого проекта было порождено экономическими факторами. Подтверждение этому находим в объяснительной записке Воронцова-Дашкова к «всеподданнейшему» докладу «Об изменении способа взимания с инородцев оброчной и ясачной подати» (июль, 1894 г.). Прежде всего министр констатировал большие недоимки «по ясачному делу». На 1 января 1893 г. они составляли около 230 тыс. руб. серебром. Особенно беспокоило Воронцова-Дашкова то обстоятельство, что «все... мероприятия, принимаемые для упорядочения сбора ясака, не имели желательного успеха». Министр обращал внимание на «значительные злоупотребления» местных властей при сборе ясака. Однако, как оказывается, автора записки волновали вовсе не сами злоупотребления и их вопиющий характер, а лишь то обстоятельство, что они касались непосредственных доходов коронного ведомства и могли в «отдаленном и малонаселенном краю вселить малоразвитому населению неверные и совершенно нежелательные представления». Министр с горечью констатировал большую коммутацию ясака, которая зашла так далеко, что поступающие в «последние годы» в Кабинет меха были «дурного» качества и не могли «употребляться для надобности Высочайшего двора. Таким образом, – резюмировал министр, – сама цель установления

взимания ясака – служить для надобности двора Е. И. В. – совершенно не достигается». Думается, что именно в этом следует видеть истинную подоплеку попыток коронного ведомства переложить ясачный сбор на плечи министерства финансов, а самому получать гарантированные денежные (о натуральных речи уже не шло) выплаты из средств Государственного казначейства. Возникновение идеи «выкупа» ясака весьма симптоматично. Оно указывает не только на стремление коронного ведомства в любом случае сохранить свои доходы, хотя бы и в измененной форме, но и на укоренившиеся в практике традиции «паразитирования монархии» за общегосударственный счет⁵⁹⁷.

Эта тенденция наглядно проявилась в законе 19 января 1898 г. «О замене взимаемых в Сибири подушных сборов государственною оброчною и поземельною податями»⁵⁹⁸. Применительно к народам Сибири в законе указывалось, что подушная и оброчная подати, ясачный сбор и сбор на межевание, уплачиваемые крестьянами и оседлыми «инородцами» Сибири, подлежат отмене с 1 января 1899 г. Под это же правило попадали кочевники Иркутской и Енисейской губерний. Однако действие закона распространялось не на всю Сибирь и не на все категории коренного населения (ст. 1). Статья 2 закона исключала из района введения реформы Березовский и Сургутский округа Тобольской губернии, Нарымский край и Алтайский горный округ Томской губернии. В Восточной Сибири под действие закона не попадали Туруханский край Енисейской губернии и Киренский округ Иркутской губернии. Кроме того, действие податной реформы не распространялось на территорию Якутской и Приморской областей. Во всех вышеперечисленных районах «временно» сохранялся старый порядок взимания податей и сборов. Статья 3 конкретизировала действие закона в отношении отдельных категорий коренных жителей. «Бродячих инородцев Сибири, а также кочевых инородцев Тобольской и Томской губерний, – говорилось в за-

⁵⁹⁷ Жидков Г. П. Указ. соч. С. 87.

⁵⁹⁸ ПСЗ-III. Т. 18. Отд. 1. № 14908.

коне, – облагать сборами на существующих основаниях впредь до пересмотра относящихся до сих сборов узаконений...»

Податная реформа мыслилась правительством как прямое продолжение проводимого в Сибири землеустройства, при котором все земли, за исключением территорий, принадлежащих коронному ведомству, рассматривались как государственные. Поэтому в законе указывалось, что вместо отменяемых душевых сборов «за отведенные от казны земельные наделы» следует взимать государственную оброчную подать, а за земли, принадлежащие крестьянам и аборигенам на правах собственности, – поземельную подать. Эта подать являлась экономическим выражением собственности казны на все сибирские земли.

Закон предусматривал и конкретный размер оброчной подати, вводимой на пятилетний срок в четырех сибирских губерниях. Разверстка оброчной подати по закону 19 января 1898 г. выглядела следующим образом: Тобольская губерния – 1,85 млн руб., Томская – 360 тыс. руб., Енисейская – 335 тыс. руб., Иркутская – 320 тыс. руб.⁵⁹⁹. Оброчная подать должна была раскладываться по округам на основе подушного принципа. Высказанное в литературе мнение, что «подушный принцип был выгоден Казне и Кабинету, ибо в условиях постоянного притока переселенцев позволял увеличивать общую сумму оброчной подати»⁶⁰⁰, не вызывает сомнений.

В Западной Сибири обязанности по раскладке подати возлагались на чиновников окружных по крестьянским делам присутствий, в Восточной – на особые раскладочные комиссии в составе податного инспектора и двух членов. Размеры податных сумм должны были согласовываться на съездах уполномоченных от сельских и «иностранческих» обществ. В то же время несогласие представителей последних на принятие того или иного оклада не имело сколько-нибудь реального значения, так как решающее слово на съездах принадлежало податным инспекторам, в руки которых и отдавалось проведение

⁵⁹⁹ ПСЗ-III. Т. 18. Отд. 1. С. 253.

⁶⁰⁰ Горюшкин Л. М. Аграрные отношения в Сибири ... С. 254.

реформы. Единственное возможное изменение, допускаемое для съездов уполномоченных законом, заключалось в том, что раскладочная сумма могла быть понижена или повышена на 25 % по сравнению с размером дореформенного обложения.

Особый, четвертый раздел закона был посвящен вопросу о замене ясака вновь вводимой оброчной податью. В законе говорилось, что начиная с 1 января 1399 г. Государственное казначейство обязано возмещать Кабинету из своих средств разницу между среднегодовым окладом ясачного сбора 1895–1897 гг. и размером вводимого душевого оброчного сбора. Поскольку размер оброчной подати был значительно выше ясачного оклада, то возникающие в данном случае излишки должны были являться уже не собственностью Кабинета, а поступать в доходы Государственного казначейства. На основании этого закона министерство финансов с 1899 по 1902 г. выплатило Кабинету кругленькую сумму в размере 500 609 руб. серебром⁶⁰¹.

Однако и этого Кабинету оказалось мало. Скрупулезность и мелочность императорского Кабинета – этого главного финансового органа коронной фамилии – в денежных делах была просто поразительной. Интерпретируя по-своему положение о податной реформе, Кабинет отказался выплачивать Государственному казначейству 44-копеечный сбор, введенный еще при Николае I. В общих доходах бюджета Кабинета, исчисляемых в начале XX в. в размере около 30 млн руб.⁶⁰², удельный вес 44-копеечного сбора был поистине ничтожен – составлял 0,096 %. Конкретно раскладка 44-копеечного сбора по губерниям и областям Сибири выглядела так: Енисейская – 1 950 руб., Иркутская – 5 656, Тобольская – 1 844, Томская – 1 813, Забайкальская – 6 078, Приморская – 428, Якутская – 10 697 руб. Общая сумма этого вида денежного сбора исчислялась в 28 468 руб.⁶⁰³ Однако Кабинет не хотел поступиться и этой частью своих доходов. В конечном итоге Кабинет был

⁶⁰¹ РГИА. Ф. 468. Оп. 44. Д. 1314. Л. 8.

⁶⁰² По данным Г. П. Жидкова, в 1901 г. общий бюджет Кабинета составлял 25 466 712 руб., в 1906 г. – 29 377 899 руб. (Жидков Г. П. Указ. соч. С. 91).

⁶⁰³ РГИА. Ф. 468. Оп. 44. Д. 1314. Л. 11.

вынужден пойти на уступки и выплатить указанную сумму министерству финансов. Приведенный материал интересует нас не только с «математической» точки зрения, хотя и этот аспект представляется достаточно показательным и интересным. Главное видится в другом. Эти данные достаточно убедительно свидетельствуют в пользу тезиса о совместной эксплуатации аборигенов Сибири со стороны императорского Кабинета и роли имперского государства, они отражают споры и противоборство Казны и Кабинета за преимущественное право эксплуатировать народы Сибири, и наконец, еще раз указывают на паразитический характер коронного ведомства, которое практически являлось совладельцем и эксплуататором государственного хозяйства.

Издание закона 19 января 1898 г. и замена подушных сборов и ясака оброчной и поземельной податями отнюдь не означали, что коронное ведомство отказалось от сбора ясака как такового. Л. М. Горюшкин справедливо отмечает, что ясак с кочевых народов Сибири взимался в пользу Кабинета вплоть до 1917 г.⁶⁰⁴ По сведениям Кабинета, его доход от сбора ясака в 1908 г. составил 127 162 руб., ясачный сбор «рухлядь» исчислялся в 280 руб. По мере проведения землеустройства народов Сибири ясак как бы «выкупался» у Кабинета министерством финансов. Ежегодный размер этих «выкупов» в первое десятилетие после опубликования закона о податной реформе составлял 125 152 руб.⁶⁰⁵

Для ясачной подати конца XIX столетия характерным явился процесс ее дальнейшей коммутации. Если применительно к 40–50-м гг. XIX в. можно говорить о «значительном развитии» денежных ясачных платежей⁶⁰⁶, то уже в XX столетии сбор ясака осуществлялся почти исключительно деньгами. Ясачные поступления пушниной составляли совершенно незначительную часть общего размера ясачной ренты. В Томской губернии только в одном округе – Кузнецком – еще со-

⁶⁰⁴ Горюшкин Л. М. Аграрные отношения в Сибири ... С. 256.

⁶⁰⁵ РГИА. Ф. 468. Оп. 44. Д. 1325. Л. 2об.

⁶⁰⁶ Миненко Н. А. Указ. соч. С. 261.

хранились ясачные платежи натурой и то в очень небольших размерах – 564 руб. Аналогичная картина наблюдается и в других губерниях и областях Сибири. В Иркутской губернии аборигены платили ясак преимущественно деньгами и лишь иногда пушниной. Якутский губернатор в 1910 г. сообщал в Кабинет, что «инородцы 20 лет, как не платят ясак рухлядью, вносят деньгами»⁶⁰⁷. По сведениям, собранным гражданскими губернаторами в 1910 г., незначительная практика сборов ясака пушниной продолжала существовать лишь в Западной Сибири (табл. 23 прил.). В августе 1910 г. Кабинет согласился получать весь ясак деньгами, а не пушниной⁶⁰⁸.

В то же время обращает на себя внимание довольно значительная численность аборигенов, уплачивающих не оброчную подать, а ясак. Это обстоятельство объясняется медленным введением податной реформы, что явилось прямым следствием затянувшегося в Сибири землеустройства и консерватизма кабинетских чиновников. Неоднократные заявления представителей Кабинета в адрес депутатов Государственной думы в «скором времени» рассмотреть и решить вопрос о ясачном сборе⁶⁰⁹ являлись обычной ложью, направленной на сохранение этой самой архаичной формы податного обложения народов Сибири. В 1914 г. ясачный сбор с сибирских аборигенов составил 71 102 руб., в том числе в губерниях: Тобольской – 7 773 руб., Томской – 11 011 руб., Енисейской – 44 940 руб., Иркутской – 2 903 руб., в Забайкальской области – 44 940 руб.⁶¹⁰ В бюджетных ведомостях Кабинета ясачные поступления планировались вплоть до 1917 г.

В итоге отметим, что в конце XIX в. правительство отчасти осуществило замену ясачного сбора государственной оброчной податью. Однако и сам ясак как одна из форм податной зависимости народов Сибири от коронного ведомства существовал до 1917 г. Ясак, как и частично заменившая его оброч-

⁶⁰⁷ РГИА. Ф. 468. Оп. 44. Д. 1325. Л. 10об, 12.

⁶⁰⁸ Сибирь в составе Российской империи ... С. 218.

⁶⁰⁹ Стенографический отчет Государственной Думы. Доклады бюджетной комиссии 1913–1914 гг. Четвертый созыв. Сессия вторая. СПб., 1914. Доклад № 49. С. 22.

⁶¹⁰ Там же. С. 31.

ная подать, являлись одной из форм феодальной земельной ренты, выражавшей на практике не столько юридическую, сколько экономическую зависимость аборигенов от собственника земли. В царской России ясак был территориально самым распространенным налогом. Накануне 1917 г. его платили все бродячие «инородцы» Сибири, абсолютное большинство коренного населения Якутской области, кочевые «инородцы» Тобольской, Томской, Енисейской, Иркутской губерний, Забайкальской области, часть нерусского населения Архангельской и Пермской губерний. По социально-экономическому содержанию, способам взыскания и т. д. сибирский ясак имел немало общего с податными обязанностями нерусских народов других колонизируемых окраин царской России, например кибиточной податью, взыскиваемой с народов Туркестана. Это свидетельствует о том, что аборигенное население окраин романовской империи наряду с национальным гнетом испытывало на себе самые архаичные формы податной эксплуатации⁶¹¹. Такая политика укрепляла экономический застой, ибо вместо развития производительных сил способствовала лишь полуфеодальной эксплуатации «инородцев».

В то же время налоговая политика самодержавия в Сибири имела и свои особенности, обусловленные двойственным характером сибирской земельной собственности. В Сибири совместными собственниками земли выступали Казна и Кабинет. Последний, как совладелец земель, взимал в свою пользу ясак. Однако и Казна была совладельцем земель, находившихся в непосредственном распоряжении Кабинета. Казна взимала в свою пользу разницу между годовым окладом ясака и оброчной податью. Кроме того, крестьяне и «инородцы» выступали и как арендаторы кабинетских земель, ибо выполняли государственные повинности.

Раскладка податей отличалась крайней неравномерностью. Податная система всей тяжестью ложилась на плечи

⁶¹¹ Буковецкий А. И. Финансово-налоговая политика царизма на колониальных окраинах России // История СССР. 1962. № 1. С. 143–144.

бедняков и середняков, размеры податей не соответствовали доходности этих хозяйств, которые в виде налогов отдавали не только прибавочный, но и часть необходимого продукта. Неслучайно недоимки народов Сибири носили устойчивый характер. «Инородцы»-кулаки получали гораздо больший доход, налоги отнимали у них лишь часть прибавочного продукта, поэтому остальная часть прибавочной стоимости оставалась в хозяйстве в виде прибылей и шла на расширение производства. Именно в конце XIX – начале XX в. среди нерусских народностей появилась национальная прослойка предпринимателей, ведущая свое хозяйство капиталистическими методами. Это являлось одним из проявлений процесса трансформации социально-экономической сущности феодальной ренты в капиталистическую. В то же время некоторые виды податных платежей аборигенов, как, например, ясак, и в начале XX в. носили чисто феодальный характер. Поэтому можно утверждать, что подати народов Сибири имели смешанный характер капиталистической и феодальной ренты. Аналогичное положение наблюдается и у русского крестьянства. Податная политика, направленная на защиту зажиточных слоев деревни, своим важнейшим социальным последствием имела рост классового антагонизма среди сельского населения всех национальностей Сибири, вторую социальную войну, которая особенно обострилась в начале XX в. Тем самым создавались объективные предпосылки для совместной борьбы трудящегося крестьянства всех национальностей с царизмом и буржуазией.

Заключение

В XIX в. Сибирь являлась неотъемлемой составной частью России. Это единство, сложившееся еще в предшествующую эпоху, обуславливалось общностью экономических, политических, социальных и иных процессов в Европейской и Азиатской России⁶¹². Процесс взаимовлияния центра и периферии находил свое выражение в различных сторонах материальной и духовной жизни общества, в том числе и в единстве внутренней политики империи как в центре, так и на окраинах России. Решающее влияние на политику самодержавия оказывали имперские интересы государства, связанные со стремлением к централизации, унификации и ликвидации обособленности окраинных территорий. В известной степени на этой политике, особенно в северных районах Сибири, отражалась и специфика социально-экономического и политического развития нерусских народностей, связанная с существующими пережитками патриархально-родового строя, системой ведения хозяйства и т. д.

Стержнем правительственного курса в отношении народов Сибири была аграрная политика. Применительно к крестьянскому населению края в целом и этой сословной группе в частности она рассматривалась правительством как производная от курса, выработанного в центре страны. Поэтому можно говорить о единстве имперских методов аграрной политики применительно как к русскому крестьянству, так и аборигенам. В Сибири пореформенной эпохи на всех этапах разработки аграрной политики присутствовал «инородческий» вопрос, но решался он по-разному. Традиционной особенностью аграрной политики было стремление самодержавия отказаться от признания особых сословных прав абориге-

⁶¹² Тюкавкин В. Г. Сибирская деревня ... С. 465; Горюшкин Л. М. Аграрные отношения в Сибири ... С. 96.

нов на «породные» земли, приравнять их в отношении прав землепользования к русскому крестьянству. Это нашло отражение в аграрном законодательстве конца XIX – начала XX в., провозгласившем единые принципы землеустройства русского и аборигенного крестьянства. В ходе реализации законодательства, особенно в период столыпинского аграрного бонапартизма, отчетливо проявилась связь между землеустройством аборигенов и интересами переселенческой политики царизма. Дворянско-буржуазный характер землеустройства применительно к народам Сибири проявился в отказе от политики невмешательства в традиционные формы землепользования аборигенов, от признания их сословных прав на «первоначально» занятые земли. Своим практическим результатом этот поворот в правительственной политике имел сокращение на 30 % размеров землепользования коренного населения, подрыв хозяйства, особенно бедняцко-средняцких слоев. Тем самым углублялось имущественное и социальное неравенство, подрывались основы феодально-родового строя. Эти обстоятельства намного усиливали остроту аграрного вопроса и социальных противоречий среди коренного населения.

В области управления народами Сибири уже в первые пореформенные десятилетия были предприняты шаги по распространению на аборигенов действия отдельных статей общего положения о крестьянах от 19 февраля 1861 г. Однако в целом управление нерусскими народностями до конца XIX в., а в северных районах и Якутской области до 1917 г., основывалось на принципах «Устава об управлении инородцев» 1822 г. Законом 3 июня 1898 г. в Сибири был введен институт крестьянских и «инородческих» начальников. В своей основе он имел положение от 12 июля 1889 г. о земских начальниках Европейской России, однако права крестьянских начальников относительно общественного управления аборигенов по сравнению с правами земских начальников относительно крестьян были значительно расширены. На практике крестьянский начальник становился полным хозяином в «инородческой» волости. Новый закон по-своему отражал определенные изменения в характере социально-экономического развития народов Сибири, связанные прежде всего с разложением патриархально-

феодалных и развитием капиталистических отношений. В то же время эта административная реформа в конечном итоге была направлена на усиление полицейской опеки над народами Сибири.

Основным направлением правительственной политики в области управления народами Сибири в первые годы XX в. и вплоть до 1917 г. явились мероприятия по упразднению порозрядной системы и введению волостного и сельского управления, устроенного по крестьянскому образцу. Первоначально проведение административной реформы ставилось правительством в прямую зависимость от темпов землеустройства. Однако медленный ход землеустроительных работ, стремление самодержавия к усилению административно-полицейской опеки и обрусению аборигенов предопределили переход самодержавия после третьеиюньского государственного переворота к откровенно насильственным методам проведения реформы управления. Эти же цели преследовали расширение на аборигенов паспортной системы, попытки привлечения их к воинской повинности.

В результате административных преобразований сословная обособленность сибирских «инородцев» в области управления была в значительной степени утрачена, но не уничтожена. Последнее обстоятельство объясняется сохранением патриархальных черт в быту и слабым развитием товарно-денежных отношений в хозяйстве малых народов севера Сибири. Мероприятия самодержавия по ликвидации сословной обособленности сибирских аборигенов не могли не носить противоречивого характера. Субъективно они были направлены на упрочение позиций имперского государства среди крестьянства национальных районов.

Податная политика самодержавия в отношении народов Сибири определялась существующими экономическими условиями, когда совладельцами сибирских земель выступали Казна и Кабинет. Как подданные государства, народы Сибири уплачивали определенные суммы на его содержание, участвовали в исполнении земских повинностей. Однако наиболее характерной формой эксплуатации народов Сибири был ясак. Хотя сибирские земли считались государственными, а корен-

ные народы – подданными государства, ясак поступал в императорский Кабинет и составлял неотъемлемую собственность коронной фамилии. В конце XIX в. правительство отчасти осуществило замену ясачного сбора государственной оброчной податью. Однако и сам ясак как одна из форм податной зависимости народов Сибири от коронного ведомства существовал до 1917 г. Казна взимала в свою пользу разницу между среднегодовым окладом ясака и оброчной податью. Это указывает на известную противоположность финансовых интересов Казны и Кабинета, свидетельствует об устойчивости традиции паразитирования монархии за общегосударственный счет.

Ясак являлся одной из наиболее архаичных форм феодальной земельной ренты, выражавшей на практике не столько юридическую, сколько экономическую зависимость аборигенов от собственника земли. Всем своим существованием он был связан с коронной фамилией как одним из основных институтов самодержавия России. Ликвидация монархии в 1917 г. повлекла за собой и ликвидацию ясака как особой формы собственности.

Проделанное в ходе изложения конкретного материала сравнение основных направлений политики самодержавия в отношении народов Сибири с политическим курсом империи по отношению к нерусскому населению других окраин России (Поволжья, Башкирии, Средней Азии и др.) позволяет заключить, что при наличии ряда местных особенностей эту политику пронизывали единые для центра и периферии интересы дворянско-крепостнического лагеря и связанных с ним общественных институтов. Установление ясачной политики в пореформенный период находилось в неразрывной связи с аграрными и финансовыми мероприятиями Казны и Кабинета, выступавших как совладельцы сибирских земель. Финансовые интересы коронного ведомства не всегда совпадали с общегосударственными. На основе закона 19 января 1898 г. «О замене взимаемых в Сибири подушных сборов государственною оброчною и земельною податью» по мере проведения землеустройства и перечисления кочевых аборигенов в разряд оседлых «инородцев» ясак «выкупался» Государственным казначейством у Кабинета. Ежегодный размер таких «выку-

пов» составлял свыше 125 тыс. руб. Но поскольку размер вновь вводимой оброчной подати был выше ясачного оклада, то возникающие в таком случае излишки становились доходами Государственного казначейства. Введение системы выкупа ясака было выгодно Кабинету, так как освобождало его от выколачивания недоимок, составляющих четвертую часть оклада. О существовании собственных финансовых интересов Казны и Кабинета свидетельствует и практика взаиморасчетов, проводимая между ними по «ясачному делу» с 1827 по 1917 г. в связи с перечислением части кочевых и бродячих «инородцев» в разряд оседлых. Указ 19 января 1898 г. не означал отмену ясака как такового. Бродячие «инородцы», а также кочевые, перечисленные в оседлые, но не получившие землеустройства, продолжали платить ясак до 1917 г. Общий размер ясачной ренты Кабинета с народов Сибири определялся положением от 3 марта 1835 г. и составлял 222 258 руб. серебром. К 1917 г. доходы Кабинета от эксплуатации сибирских земель, куда входил и ясак, составляли четвертую часть совокупных доходов коронного ведомства. На долю ясака и оброчной подати с «инородцев» приходилось 2,2 %. Ясачная рента сохраняла определенное самостоятельное значение. Для ясачной ренты конца XIX в. характерным является процесс ее дальнейшей коммутации, что заставило Кабинет в 1910 г. перевести ясак на денежную основу.

В России ясак был территориально самым распространенным налогом. Накануне 1917 г. его платили все бродячие «инородцы» Сибири, кочевые «инородцы» Тобольской, Томской, Енисейской, Иркутской губерний, Забайкальской области, абсолютное большинство коренного населения Якутской области, часть нерусского населения Архангельской и Пермской губерний. По социально-экономическому содержанию, способам взимания сибирский ясак имел немало общего с податными обязанностями нерусских народов других колонизируемых окраин империи. Это свидетельствует о том, что абори-

генное население азиатских окраин романовской империи испытывало на себе архаичные способы эксплуатации⁶¹³.

⁶¹³ Цифровые показатели заимствованы из монографии: Дамешек Л. М. Ясачная политика царизма в Сибири ... С. 120–122.

Принятые сокращения

АКАК – Акты, собранные кавказской археографической комиссией.

АРГО (АГО) – Архив Русского географического общества.

ГАИО – Государственный архив Иркутской области.

ГАКК – Государственный архив Красноярского края.

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации.

ГАТО – Государственный архив Томской области.

Е. И. В. – Его Императорское Величество.

НАРБ – Национальный архив Республики Бурятия.

ПСЗ – Полное собрание законов Российской империи, собрание первое (I), второе (II), третье (III).

РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив.

РГИА – Российский государственный исторический архив.

СЗРИ – Свод законов Российской империи.

Список литературы

ОПУБЛИКОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

Законодательные акты

1. Акты, собранные кавказской археографической комиссией. (АКАК). Т. II–XII.
2. Полное собрание законов Российской империи. (ПСЗ). Собрание 1, 2, 3. (ПСЗ-I, ПСЗ-II, ПСЗ-III).
3. Российское законодательство X–XX вв. Т. 5. Законодательство периода расцвета периода абсолютизма. – М. : Юрид. лит., 1987. – 527 с.
4. Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при правительствующем сенате. СПб., 1901. – I полугодие – 1140 с., II полугодие – 2332 с.

Делопроизводственные материалы

5. Всеподданнейшее прошение Кахетинских и Карталинских князей и дворян, представленное дворянским собранием 8 февр. 1810 г. // АКАК. Т. 4. Л. 21.
6. Всеподданнейший рапорт генерала Головина и сенатора Гана от 2 апр. 1841 г. № 246 // АКАК. Т. 9. Л. 33.
7. Всеподданнейшая записка финляндского генерал-губернатора 1898–1902 гг. – СПб., 1902. – 65 с.
8. Всеподданнейший отчет наместника Кавказского по гражданскому управлению Кавказским и Закавказским краем 1861–1871 гг. – СПб., 1872. – 43 с.
9. Всеподданнейший рапорт графа Паскевича от 24 апреля 1830 г. № 4 // АКАК. Т. 7. Л. 47.
10. Всеподданнейший рапорт князя Цицианова от 19 февраля 1842 г. // АКАК. Т. 2. Л. 65.
11. Высочайшее повеление генералу Головину от 21 марта 1840 г. // АКАК. Т. 9. Л. 24.
12. Журнал Комитета об устройстве Закавказского края от 22 января 1840 г. № 20 // АКАК. Т. 9. Л. 23.
13. Историческая записка Тифлисского гражданского губернатора д. с. с. Орловского от 6 февраля 1861 г. // Архив канцелярии Наместника. Дело времен. отд. по делам устройства края 1861. № 68, связка 2683.
14. Историческая справка об Имеретии во всеподданнейшем отчете Кутаисского губернатора за 1868 г. // Архив канцелярии

Наместника. Дело канцелярии начальника главн. управл. 1869 г. № 70, связка 5284.

15. Отчет по главному управлению Наместника Кавказского за первое десятилетие управления Кавказским и Закавказским карем его императорским высочеством великим князем Михаилом Николаевичем 6 декабря 1862 г. – 6 декабря 1872 г. – Тифлис, 1973. – 414 с.

Сборники документов

16. Внешняя политика России XIX и начала XX в.: Документы Российского Министерства иностранных дел. Сер. 2. 1815–1830 гг. – М.: Политиздат, 1979. – Т. 3(11). – 878 с.

17. Отчет по Комитету Сибирской железной дороги за 1893–1897 гг. – б. м., б. г.

18. Отчет по Комитету Сибирской железной дороги за 1893 г. – б. м., б. г.

19. Прутченко С. Сибирские окраины. Приложения. – СПб., 1899. – 532 с.

20. Сборник постановлений Великого княжества Финляндского за 1890 г., содержащий № 1–32 с хронологическим реестром. – Гельсингфорс, 1891.

21. Сборник постановлений Великого княжества Финляндского за 1891 г., содержащий № 1–47 с хронологическим реестром. – Гельсингфорс, 1892.

22. Финляндская окраина России. Сборник статей, очерков, писем, документов и иных материалов для изучения так называемого «финляндского вопроса». – М., 1891. – Вып. 1. – 636 с.

23. Финляндская окраина России. Сборник статей, очерков, писем, документов и иных материалов для изучения так называемого «финляндского вопроса». – М., 1894. – Вып. 2. – 607 с.

24. Финляндская окраина России. Сборник статей, очерков, писем, документов и иных материалов для изучения так называемого «финляндского вопроса». – М., 1897. – Вып. 3. – 377 с.

25. Сборник документов и материалов по истории государственного управления в России (XVII–XIX вв.). – Новосибирск: Наука, 2000. – 132 с.

26. Шиловский П. Акты, относящиеся к политическому положению Финляндии / П. Шиловский. – СПб., 1903. – 143 с.

27. Материалы по финляндскому вопросу. Высочайший манифест от 3/5 февраля 1899 г.: официальные документы, реляции, газетные и журнальные статьи и пр.). – Берлин: Кн. маг. Штура (влад. И. Реде), 1901. – 136 с.

Периодическая печать

28. Вестник Азии. – Харбин, 1909. – Окт. – № 2.
29. Истор. вестн. – 1883. – Янв. – Т. 11.
30. Русская старина. – 1878. – Т. 23; 1879. – Т. 24.
31. Сиб. вопр. – СПб., 1911. – № 45/46; 1912. – № 28.
32. Сиб. архив. – 1912. – Т. 1, № 3.

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Государственный Архив Иркутской Области

33. Ф. 24. Главное управление Восточной Сибири.
34. Ф. 25. Канцелярия Иркутского генерал-губернатора.

Российский государственный военно-исторический архив

35. Ф. 1. Общее командование войсками.
36. Ф. 1. Канцелярия военного министерства.
37. Ф. 36. Канцелярия дежурного генерала Главного штаба Е. И. В.
38. Ф. 38. Департамент генерального штаба.
39. Ф. 408. Списки по старшинству генералов, штаб- и обер-офицеров. 1885–1917 гг.
40. Ф. 409. Послужные списки офицеров (рукопись). 1861–1918 гг.

Государственный архив Российской Федерации

41. Ф. 109. III отд. Собственной Е. И. В.
42. Ф. 722. Великий князь Константин Николаевич.
43. Ф. 815. В. А. Арцимович.

Российский государственный исторический архив

44. Ф. 468. Кабинет Е. И. В.
45. Ф. 1149. Департамент законов Государственного Совета.
46. Ф. 1199. Высочайше учрежденная особая комиссия для выработки проекта законоположений по устройству черноморского побережья Кавказа.
47. Ф. 1218. Особая Комиссия для обсуждения законопроекта о порядке издания касающихся Финляндии законов и постановлений общего государственного значения.
48. Ф. 1251. Бумаги М. М. Сперанского.
49. Ф. 1254. Материалы учреждений Польши.
50. Ф. 1261. Второе отделение собственной Е. И. В. канцелярии.

51. Ф. 1263. Комитет министров.
52. Ф. 1264. Первый Сибирский комитет.
53. Ф. 1265. Второй Сибирский комитет.
54. Ф. 1266. Комитет западных губерний.
55. Ф. 1268. Кавказский комитет.
56. Ф. 1270. Комитет по делам Царства Польского.
57. Ф. 1273. Комитет Сибирской железной дороги.
58. Ф. 1281. Совет министра внутренних дел.
59. Ф. 1282. Канцелярия министра внутренних дел.
60. Ф. 1284. Департамент общих дел МВД.
61. Ф. 1290. Центральный статистический комитет МВД.
62. Ф. 1315. Комиссия по Амурскому краю.
63. Ф. 1589. Пятое отделение собственной Е. И. В. канцелярии.

Библиотека РГИА. Коллекция печатных записок

64. Печ. зап. № 131. Программа деятельности генерал-губернатора Восточной Сибири и правительственных мероприятий в отношении этого края с 1887 г. Приблизительно на 10 лет. (Подписал генерал-губернатор Восточной Сибири генерал-лейтенант граф Игнатьев).

65. Печ. зап. № 263. Историческая справка о ходе организации высшего гражданского управления Кавказского края.

66. Печ. зап. № 264. Материалы по вопросам экономического и политического состояния Кавказского края.

67. Печ. зап. № 283. Материалы об устройстве городов и о губернском, уездном и сельском управлении в Царстве Польском, сведения о составе губерний Царства Польского 1859–1898, 1915.

68. Печ. зап. № 324. Материалы об управлении Финляндией (общие вопросы, исторические справки, 1900, 1907–1910, 1915).

69. Печ. зап. № 377. Материалы о Финляндских торговых судах... 1909–1917 гг.

70. Печ. зап. № 380. Материалы по разным вопросам управления Великим Княжеством Финляндским (1890–1913 гг.).

71. Печ. зап. № 701. Материалы об управлении, положении, использовании труда ссыльнокаторжных и ссыльнопоселенцев в Сибири. 1864–1911 гг.

72. Печ. зап. № 2483. Об изменении границ Забайкальской области.

73. Печ. зап. № 2484. Материалы по вопросам управления Кавказским краем 1860–1883 гг.

74. Печ. зап. № 2524. Об учреждении Приамурского генерал-губернаторства.

75. Печ. зап. № 2768. Материалы по делам Царства Польского.

76. Печ. зап. № 2828. Всеподданнейшие отчеты по Иркутскому военному генерал-губернаторству 1884–1911 гг.

77. Печ. зап. № 2934. Материалы по вопросам Управления Западным краем и Царством Польским 1866, 1905, 1909 г.

78. Печ. зап. № 2937. Историческая справка о порядке управления сибирскими губерниями и областями (22 декабря 1903 г.).

79. Печ. зап. № 2941. Материалы по истории и управлению Кавказским краем.

80. Печ. зап. № 2942. Всеподданнейшие записки главного управления гражданской частью на Кавказе 1882–1890, 1894 гг.

МОНОГРАФИИ И СТАТЬИ

81. Абдулатипов Р. Г. Федерализм в истории России. В 3 кн. / Р. Г. Абдулатипов, Л. Ф. Болтенкова, Ю. Ф. Яров. – М.: Республика, 1992. – Кн. 1. – 338 с.

82. Аверин М. Б. Государственное управление национальными окраинами Российской империи с середины 60-х гг. XIX в. до 1914 г. (на примере Великого княжества Финляндского): дис. ... канд. ист. наук / М. Б. Аверин. – Ульяновск, 1999. – 383 с.

83. Аверин М. Б. Великое княжество Финляндское и Царство Польское в государственном механизме Российской империи (середина 60-х гг. XIX в. – 1881 г.): историко-правовой анализ: дис. ... канд. ист. наук / М. Б. Аверин. – М., 2004. – 250 с.

84. Аверин М. Б. Финляндия и Польша в составе Российской империи: становление и развитие буржуазных судебных систем (сер. 60-х гг. XIX в. – 1914 г.): учеб. пособие / М. Б. Аверин. – Ульяновск: УлГУ, 2001. – 81 с.

85. Административно-территориальное устройство России: история и современность / под общ. ред. А. В. Пыжикова. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003. – 317 с.

86. Американская русистика. Вехи историографии последних лет. Императорский период. Антология / сост. М. Дэвид-Фокс. – Самара: Самар. ун-т, 2000. – 332 с.

87. Американские исследования в Сибири: материалы Всерос. науч. конф. «Американский и сибирский Фронт», 6–8 февр. 2001 г. / отв. ред. М. Я. Пелипась. – Томск, 2001. – 230 с.

88. Архипова Т. Г. Высшие комитеты России второй четверти XIX в. (к истории кризиса феодально-крепостнической государственности): автореф. дис. ... канд. ист. наук / Т. Г. Архипова. – М., 1970. – 27 с.

89. Бахтурина А. Ю. Окраины Российской империи: государственное управление и национальная политика в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.) / А. Ю. Бахтурина. – М.: Росспэн, 2004. – 394 с.

90. Беккер. С. Россия между Востоком и Западом: интеллигенция, национальное русское самосознание и азиатские окраины // *Ab Imperio*. – 2002. – № 1. – С. 443–464.

91. Бердников Л. П. Вся красная власть. Очерки истории местного управления и самоуправления (1822–1916). Факты, события, люди / Л. П. Бердников. – Красноярск: Краснояр. кн. изд-во, 1995. – 320 с.

92. Берендтс Э. Н. О прошлом и настоящем русской администрации: (Записка, сост. в дек. 1903 г.) – СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1913. – 287 с.

93. Борисов В. И. Политика царизма в отношении Финляндии на рубеже XIX–XX вв. / В. И. Борисов, В. Б. Ошеров, Ю. А. Савельев. – Петрозаводск, 2003.

94. Бородкин М. М. Из новейшей истории Финляндии. Время управления Н. И. Бобрикова / М. М. Бородкин. – СПб.: Изд. Т-ва Р. Голике и А. Вильборг, 1905. – 503 с.

95. Бородкин М. М. История Финляндии. Время императора Николая I / М. М. Бородкин. – СПб., 1915.

96. Бородкин М. М. Финляндская окраина в составе русского государства / М. М. Бородкин. – СПб., 1906.

97. Бродель Ф. Время мира / Ф. Бродель. – М.: Прогресс, 1992. – 679 с.

98. Бурдые Пьер. Идентичность и репрезентация // *Ab Imperio*. – 2002. – № 3. – С. 52–64.

99. Бурдые Пьер. Социология политики / Пьер Бурдые; пер. с фр.; сост., общ. ред. и предисл. Н. А. Шматко. — М.: Socio-Logos, 1993. – 336 с.

100. Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире / И. Валлерстайн. – СПб.: Университет. кн., 2001. – 416 с.

101. Валлерстайн И. Конец знакомого мира. Социология XX в. / И. Валлерстайн; Центр исслед. постиндустр. о-ва; пер. с англ.; под ред. Б. Л. Иноземцева. – М.: Логос, 2003. – 368 с.

102. Велев В. Окраины ли «Западные окраины» // *Bulgarian historical review*. – София, 1999. – № 3/4. – С. 139–151.

103. Вернадский П. Б. Очерк истории права русского государства XVIII–XIX вв.: Период империи / П. Б. Вернадский. – Прага: Пламя, 1924. – 166 с.

104. Власть в Сибири XVI – начале XX в. : межархив. справ. – Новосибирск : Масс-Медиа-Центр, 2002. – 296 с.

105. Гессен С. Я. Окраинные государства: Польша, Финляндия, Эстония, Латвия и Литва / С. Я. Гессен. – Л. : Прибой, 1926. – 151 с.

106. Градовский А. Начала русского государственного права / А. Градовский. – СПб. : Тип. М. Стасюлевича, 1875. – Т. 1. – 445 с.

107. Грицай О. В. Центр и периферия в региональном развитии / О. В. Грицай, Г. В. Иоффе, А. И. Трейвиш. – М., 1991. – 168 с.

108. Дамешек И. Л. Имперская концепция власти на российских окраинах (вторая половина XIX – начало XX в.) // Вестн. НГУ. Сер.: История, филология / Новосибир. гос. ун-т. – Новосибирск, 2005. Т. 4, вып. 2: История. – С. 40–44.

109. Дамешек И. Л. Имперская модель управления окраинами // Гуманитарный ежегодник. Вып. 3. Сб. науч. тр. аспирантов и соискателей. – Новосибирск, 2002. – С. 26–35.

110. Дамешек И. Л. М. М. Сперанский: сибирский вариант имперского регионализма / И. Л. Дамешек, Л. М. Дамешек, Т. П. Перцева, А. В. Ремнев. – Иркутск : Оттиск, 2003. – 264 с.

111. Дамешек И. Л. Особые комитеты как органы управления окраинами империи // Россия и Восток: взгляд из Сибири : материалы и тез. докл. Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 60-летию рос.-новозеланд. отношений и 25-летию Центра азиат.-тихоокеан. исслед. ИГУ. Иркутск, 20–22 мая 2004 г. – Иркутск, 2004. – С. 226–232.

112. Дамешек И. Л. Особые комитеты как форма управления окраинами империи. В XVIII – начале XX в. // Вестн. Бурят. ун-та. Сер. История. Вып. 8. – Улан-Удэ, 2004 г. – С. 16–28.

113. Дамешек И. Л. Польский вопрос в российском правительстве первой половины XIX в. // Сибирско-польская история и современность: актуальные вопросы : сб. материалов Междунар. науч. конф. – Иркутск, 2001. – С. 152–157.

114. Дамешек И. Л. Российские окраины в административной политике империи XVII – начала XX в. // Население, управление, экономика, культурная жизнь Сибири XVII – начала XX в. : сб. науч. ст. / под. ред. Ю. М. Гончарова, Т. Н. Соболевой. – Барнаул, 2003. – С. 82–86.

115. Дамешек И. Л. Российские окраины в имперской стратегии власти (начало XIX – начало XX в.) / И. Л. Дамешек. – Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 2005. – 246 с.

116. Дамешек И. Л. Российские окраины во внутренней политике империи // Вестн. Междунар. центра азиат. исслед. – Иркутск : ИГПУ, 2001. – С. 119–127.

117. Дамешек И. Л. Российское законодательство и Сибирь. Соотношение имперских принципов и регионализма // Россия и Сибирь: проблемы взаимодействия в региональной политике в исто-

рической ретроспективе : материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 180-летию сиб. реформ М. М. Сперанского. – Иркутск, 25–26 февр. 2003 г. Ч. 1. Пленарное заседание и работа секций. – Иркутск, 2004. – С. 37–52.

118. Дамешек И. Л. Сибирь в системе имперского регионализма (Компаративное исследование окраинной политики России в первой половине XIX в.). – Иркутск : Оттиск, 2002. – 208 с.

119. Дамешек И. Л. Соотношение имперских принципов и регионализма в российском законодательств, // Гуманитарные науки в Сибири. Сер.: отечествен. история. – Новосибирск, 2003. – № 2. – С. 53–55.

120. Дамешек И. Л. Управление окраинами в документах Российских архивов: проблема доступа к материалам // Архивы и управление Восточной Сибирью. Теория и практика. Прошлое, настоящее и будущее : материалы Межрегион. науч.-практ. конф. 27 сент. 2004 г. – Иркутск, 2004. – С. 50–55.

121. Дамешек И. Л. Управление окраинами в Российской империи (Закавказье и Финляндия в первой половине XIX в.) // Вестн. Евразии. – 2003. – № 1(20). – М., 2003. – С. 156–175.

122. Дамешек Л. М. Siberian Reform of 1822 of M. M. Speransy and Geopolitical Situation in the Far East. CROSS-BORDER COOPERATION AND FOREIGN ECONOMIC ACTIVITI Historical aspectand contemporary opinionsPapers of International Conferens. November 22–27. 2012. Ghita, Zabaikalsky krai, Russian Federation – Erguna, Inner Mongolia, People,s Republic of China. – P. 39–43.

123. Дамешек Л. М. Административно-территориальное устройство и система управления Сибири в XVII – начале XX в. // География Сибири в начале XXI в. Т. 1. Истор. география. – Новосибирск, 2014. – С. 189–209.

124. Дамешек Л. М. Азиатская Россия в имперских устремлениях особых комитетах империи во второй половине XIX – начала XX в. // Вестн. Бурят. науч. центра Сиб. отд. Рос. акад. наук. – 2014. – № 4(16). – С. 201–211.

125. Дамешек Л. М. Вовлечение русских крестьян в пушную торговлю в результате переселения на Аянский тракт в 1851–1852 гг. // Гуманитар. вектор. Сер. История. Политология. – 2014. – № 3(39). – С. 15–21.

126. Дамешек Л. М. Генерал-губернаторский корпус Азиатской России и его особенности // Вестн. Бурят. науч. центра Сиб. отд. Рос. акад. наук. – 2014. – № 1(13). – С. 88–99.

127. Дамешек Л. М. Генерал-губернаторский корпус Сибири. Социальный портрет // Вестн. Том. гос. ун-та. Сер. История. – 2014. – № 5(31). – С. 4–10.

128. Дамешек Л. М. История местного самоуправления бурят в XIX – начале XX в. / Л. М. Дамешек. – Иркутск : Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2013. – 503 с.

129. Дамешек Л. М. Мобилизация сибирских инородцев на тыловые работы в годы первой мировой войны // Вестн. Бурят. науч. центра Сиб. отд. Рос. акад. наук. – 2014. – № 3(15). – С. 79–88.

130. Дамешек Л. М. Особые комитеты как органы управления окраинами империи XVIII – первой половине XX в. // Вестн. Бурят. науч. центра Сиб. отд. Рос. акад. наук. – 2014. – № 3(15). – С. 85–100.

131. Дамешек Л. М. Особые комитеты как органы управления окраинами империи. XIX – начала XX в. // Palmarium Akademik Publishing is a trademark of: LAP LAMBERT Akademik Publishing GmbH 8 Co. KG Heinrich – Bochkinh- Str. 8, 66121 Saarbruchkn, Germanu. 65 с.

132. Дамешек Л. М. Первая мировая война и сибирские инородцы. GRSS-BORDER :historical events and modern realities Papers of International scientific conference dedicated to the 75 anniversary of the victory on the Khalkin-Gol River. September, 17–18. 2014. Ч. 2. – Чита, 2014. – С. 117–124.

133. Дамешек Л. М. Роль представителе торгового дома Коковин и Басов в освоении Северо-Востока Сибири в начале X в. // Гуманитар. науки в Сибири. – Новосибирск, 2014. – № 4. – С. 23–27.

134. Дамешек Л. М. У истоков имперского регионализма // Вестн. Бурят. науч. центра. – 2014. – № 2(14). – С. 60–71.

135. Демидова Н. Ф. Служилая бюрократия в России XVII в. и ее роль в формировании абсолютизма / Н. Ф. Демидова. – М. Наука, 1987. – 230 с.

136. Дерлугьян Г. М. Была ли Российская империя колониальной? // Международ. жизнь. – 1991. – № 2. – С. 78–88.

137. Ерошкин Н. П. История государственных учреждений до-революционной России / Н. П. Ерошкин. – М. : Высш. шк., 1968. – 368 с.

138. Ерошкин Н. П. Крепостническое самодержавие и его политические институты (первая половина XIX в.) / Н. П. Ерошкин. – М. Мысль, 1981. – 252 с.

139. Зайончковский П. А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. / П. А. Зайончковский. – М. : Мысль, 1978. – 288 с.

140. Ивановский В. В. Административное устройство наших окраин // Учен. зап. Казан. ун-та. – 1891. – Т. 58, № 6. – Ноябрь-дек.

141. История государственного управления России : учебник / отв. ред. В. Г. Игнатов. – Р. н/Дону : Феникс, 1999. – 544 с.

142. История империй: сравнительные методы в изучении и преподавании : материалы Междунар. конф. Москва, 7–9 июня 2003 г. [Электронный ресурс]. – URL: www.empires.ru.

143. История Сибири с древнейших времен до наших дней. В 5 т. / гл. ред. А. П. Окладников. – Л. : Наука, Ленингр. отд-ние, 1968. – Т. 2. Сибирь в составе феодальной России. – 540 с.; Т. 3. Сибирь в эпоху капитализма. – 532 с.

144. Кальщиков Е. Н. Россия и Финляндия в XVIII–XX вв. Специфика границы. – СПб. : Европ. дом, 1999. – 362 с.

145. Кантор В. Русская культура между империей и деспотией // От искусства оттепели к искусству периода распада империи : сб. ст. – М., 2013. С. 103–145.

146. Каппелер А. Россия – многонациональная империя / А. Каппелер. – М. : Прогресс – Традиция, 1997. – 357 с.

147. Киняпина Н. С. Административная политика царизма на Кавказе и в Средней Азии в XIX в. // Вопр. истории. – 1983. – № 4. – С. 35–48.

148. Киняпина Н. С. Внутренняя политика царизма в первой половине XIX в. (обзор) // Вопр. истории. – 1968. – № 9. – С. 38.

149. Кодан С. В. Политическая ссылка в системе карательных мер самодержавия первой половины XIX в. / С. В. Кодан. – Иркутск : ИГУ, 1980. – 94 с.

150. Коркунов Н. М. Русское государственное право / Н. М. Коркунов. – СПб. : Тип. М. Стасюлевича, 1909. – Т. 1. – 630 с.

151. Корнилов А. А. Русская политика в Польше со времен разделов до начала XX в. / А. А. Корнилов. – Пг. : Огни, 1915. – 93 с.

152. Корф М. Жизнь графа Сперанского / М. Корф. – СПб. : Имп. публ. б-ка, 1861. Т. 2. – 283 с.

153. Кравцов И. С. Кавказ и его военачальники. Н. Н. Муравьев, кн. А. И. Барятинский и гр. Н. И. Евдокимов. 1854–1864 гг. / И. С. Кравцов. – СПб. : Тип. В. С. Балашева и К°, 1886. – 73 с.

154. Кузнецов А. С. Второй Сибирский комитет // Политика царизма в Сибири в XIX – начале XX в. – Иркутск, 1987. – С. 3–21.

155. Кузнецов А. С. Сибирская программа царизма 1852 г. // Очерки истории Сибири. – Иркутск, 1971. – Вып. 2. – С. 3–26.

156. Кулаковский П. А. Польский вопрос в прошлом и настоящем // Библиотека краин России. – СПб., 1907. – № 3. – 58 с.

157. Лайдинен А. П. Социально-экономические реформы 50–70 гг. XIX в. в Финляндии / А. П. Лайдинен ; под ред. Л. В. Суни. – Л. : Наука, Ленингр. отд-ние, 1982. – 110 с.

158. Лохвицкий А. Обзорение современных конституции / А. Лохвицкий. – СПб., 1862. – Ч. 1. – 268 с.

159. Многоликая Финляндия. Образ Финляндии и финнов в России : сб. ст. / под науч. ред. А. Н. Цамутали, О. П. Илюха, Г. М. Коваленко. – Великий Новгород : НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2004. – 404 с.

160. Мутагиров Д. З. Особенности российской государственности в сравнительном измерении // Компаративистика : Альманах сравнит. социогуманит. исслед. – СПб., 2001. – С. 127–142.

161. Национальная политика в императорской России. Цивилизованные окраины (Финляндия, Польша, Прибалтика, Бессарабия, Украина, Закавказье, Средняя Азия) : сб. док. / сост., ред. и автор примеч. Ю. И. Семенов. – М. : Рос. Акад. наук Центр по изучению межнац. отношений Координац.-метод. центр Ин-та этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, 1997. – 413 с.

162. Национальные окраины Российской империи. Становление и развитие системы управления / под ред. С. Г. Агаджанов, В. В. Трепавлов. М. : Славянский диалог, 1997. – 415 с.

163. Некоторые черты и особенности обретения и обустройства Северокавказской окраины России : науч. сб. / Междунар. акад. наук [и др.] ; сост. Д. В. Жилиев ; под ред. Н. Н. Великой, В. Б. Виноградова. – Армавир : Армавир. полиграфпредприятие, 2005. – 75 с.

164. Новикова И. И. Особое государство или провинция империи: проблема государственно-правового статуса Финляндии в Российско-Финляндских отношениях конца XIX в. // Пространство власти: исторический опыт России и вызовы современности. – М., 2001. – С. 264–288.

165. Нольде Б. Э. Очерки русского государственного права / Б. Э. Нольде. – СПб. : Правда, 1911. – 555 с.

166. Окраины России. Сибирь, Туркестан, Кавказ и поморная часть Европейской России / под. ред. П. П. Семенева. – СПб. : Брокгауз-Ефрон, 1900. – 287 с.

167. Памятники русского права. – М. : Госюриздат, 1953. – Вып. 2. – 442 с.

168. Похлебкин В. В. СССР – Финляндия. 260 лет отношений: 1713–1973 / В. В. Похлебкин. – М. : Изд. Междунар. отношения, 1975. – 407 с.

169. Пространство власти: Исторический опыт России и вызовы современности : сб. ст. / под науч. ред. Б. В. Ананьича, С. И. Барзилова. – М. : Моск. обществ. науч. фонд, 2001. – 513 с.

170. Раев М. Понять дореволюционную Россию. Государство и общество в Российской империи / М. Раев. – Лондон : Overseas Publications Interchange Ltd, 1990. – 304 с.

171. Расила В. История Финляндии / В. Расила ; пер. с фин. – Петрозаводск : ПетрГУ, 1996. – 294 с.

172. Раскин Д. И. Высшие и центральные государственные учреждения России 1861–1917. В 4 т. Т. 1. Высшие государственные учреждения / Д. И. Раскин. – СПб. : Наука, 1998. – 302 с.

173. Ремнев А. В. Вдвинуть Россию в Сибирь. Империя и русская колонизация второй половины XIX – начала XX в. // Новая имперская история постсоветского пространства : сб. ст. / ред.-сост. И. В. Герасимов, С. В. Глебов, А. П. Каплуновский. – Казань, 2004. – С. 223–242.

174. Ремнев А. В. Имперское управление азиатскими регионами России в XIX – начале XX в.: некоторые итоги и перспективы изучения // Пути познания истории России: новые подходы и интерпретации : материалы Междунар. конф., 13–15 окт. 1999 г. / ред. Б. В. Ананьич. – М., 2001. – С. 97–125.

175. Ремнев А. В. Имперское управление азиатскими регионами России в XIX – начале XX в. Некоторые итоги и перспективы изучения [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.zaimka.ru/remnev3.shtml>.

176. Ремнев А. В. Комитет министров в системе высших государственных учреждений царской России (1861–1906 гг.): дис. канд. ист. наук / А. В. Ремнев. – Л., 1986. – 237 с.

177. Ремнев А. В. Комитет по заселению Дальнего Востока (1909–1915 гг.) // Страницы российской истории. Проблемы, события, люди : сб. ст. в честь Б. В. Ананьича / отв. ред. В. М. Панеях. – СПб., 2003. – С. 140–149.

178. Ремнев А. В. Проблема «Центр – Сибирь» на рубеже XIX–XX вв.: Взгляд справа // Из истории России. XX в.: сб. ст. / гл. ред. Г. Г. Касаров. – М., 1996. – Вып. 4. – С. 86–103.

179. Ремнев А. В. Сибирь в имперской географии власти XIX – начала XX в.: в поисках теоретических подходов // Проблемы истории местного управления Сибири XVI–XXI вв. : материалы V Всерос. науч. конф., 26–27 нояб. 2003 г. В 2 ч. – Новосибирск, 2003. – Ч. 1. – С. 24–33.

180. Ремнев А. В. Самодержавие и Сибирь. Административная политика второй половины XIX – начала XX в. / А. В. Ремнев. – Омск : Омск. ун-т, 1997. – 253 с.

181. Ремнев А. В. Самодержавие и Сибирь. Административная политика в первой половине XIX в. / А. В. Ремнев. – Омск : Омск. ун-т, 1995. – 356 с.

182. Реформы и власть. – СПб. : Наука, 1995. – 80 с.

183. Российская государственность: История и современность : сб. ст. – СПб., 2003. – 674 с.

184. Российская империя: стратегии стабилизации и опыты обновления. – Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2004. – 472 с.

185. Рощевская Л. П. Последний осколок приказной системы // Вопр. истории. – 1976. – № 12. – С. 203–208.

186. Середонин С. М. Исторический обзор деятельности Комитета министров / С. М. Середонин. – СПб. : Канцелярия Ком. министров, 1902. – Т. 1. – 607 с.; Т. 2. – 366 с.; Т. 3, ч. 1. – 225 с.; Ч. 2. – 225 с.; Ч. 3. – 315 с.; Т. 5. – 107 с.

187. Сибирская советская энциклопедия. – М.; Новосибирск : Сиб. краевое изд-во, 1934. – Т. 4: О-С. – 1082 стб. (копия гранок).

188. Студницкий В. Польша в политическом отношении, от разделов до наших дней / В. Студницкий. – СПб. : Пушкинская Скоропечатня, 1908. – 199 с.

189. Суни Л. В. Очерк общественно-политического развития Финляндии 50–70 гг. XIX в. / Л. В. Суни. – Л. : Наука, Ленинград. отд-ние, 1979. – 247 с.

190. Таганцев Н. С. Уголовное право (Общая часть). В 2 ч. [Электронный ресурс] / Н. С. Таганцев. – URL: www.allpravo.ru.

191. Тейстрэ У. В. Особое совещание Н. Бунге (1891–1893) и вопрос об автономии Финляндии // Скандинав. сб. – Таллин, 1976. – XXI. – С. 94–107.

192. Туомо Полвинен. Держава и окраина. Н. И. Бобриков – генерал-губернатор Финляндии 1898–1904 гг. / Полвинен Туомо– СПб. : Европ. дом, 1997. – 320 с.

193. Утверждение русского владычества на Кавказе. – Тифлис : Тип. Я. И. Либермана, 1904. – Т. 12. – 617 с.

194. Фадеев А. В. Россия и Кавказ первой трети XIX в. / А. В. Фадеев. – М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1960. – 398 с.

195. Финляндская окраина в составе Русского Государства. – 2-е изд. доп. – СПб. : Гос. тип., 1910. – 122 с.

196. Хилтунен Р. М. СССР – Финляндия: добрые соседи, друзья / Р. Хилтунен ; пер. с фин. – М. : Новости, 1986. – 62 с.

197. Хяккинен Кайса. Финляндия вчера и сегодня / Кайса Хяккинен ; пер. с фин. – Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1997. – 52 с.

198. Цыбулевская О. И. Власть и реформы в России: нравственно-правовой аспект : монография / О. И. Цыбулевская, Т. В. Милушева ; под ред. С. Ю. Наумова. – Саратов : Поволж. акад. гос. службы им. П. А. Столыпина, 2003. – 199 с.

199. Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций / Ш. Эйзенштадт. – М., 1999. – 416 с.

200. Эмар М. Категории «центр» и «периферия» в историографии XX в. // Европейский опыт и преподавание истории в постсоветской России. – М., 1999. – С. 67–70.

201. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. – СПб. : Типо-Литография И. А. Ефрона, 1900. – Т. 23. – 480 с.

202. Энциклопедический словарь Гранат. – СПб. : Т-во «Бр. А. и И. Гранатъ и К^о», 1895. – Т. 30.

203. Эсадзе С. Историческая записка об управлении Кавказом / С. Эсадзе. – Тифлис : Тип. «Гуттенберг», 1907. – Т. 1. – 616 с.

204. Barrett T. M. At the edge of empire: The Terek Cossacks and the North Caucasus frontier, 1700–1860 / T. M. Barrett. – Boulder ; Colorado : Westview Press, 1999. – 243 p.

205. Bassin M. Imperial visions: Nationalist imagination and geographical expansion in the Russian Far East. 1840–1865. – Cambridge : Cambridge University Press, 1999. – 329 p.

Приложение

Таблица 1
Динамика русского и коренного населения Сибири в XIX в. (тыс. душ м. п.)

Год	Русское			Коренное			Всего		
	Кол-во чел.	%	Рост в %	Кол-во чел.	%	Рост в %	Кол-во чел.	%	Рост в %
1816	651	74,74	100	220	25,26	100	871	100	100
1858	1041	786,77	159,9	315	23,23	143,1	1356	100	155,6
1897	2310	84,87	354,8	413	15,13	187,2	2723	100	312,6

Примечание: таблица составлена по материалам: Кабузан В. М., Троицкий С. М. Численность и состав населения Сибири в первой половине XIX в. // Русское население Поморья и Сибири (период феодализма). М., 1973. С. 265; Патканов С. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев. СПб., 1912. Т. 1. С. 3. Процентные показатели подсчитаны авторами.

Таблица 2
Рост численности коренного населения губерний Сибири в 1897–1911 гг. (душ об. п.)

Год	Тобольская	Томская	Енисейская	Иркутская	Забайкальская	Якутская
1897	84 925	114 697	50 065	116 361	212 599	235 623
1911	102 798	133 870	55 737	134 363	244 003	256 253
Прирост в %	21	15	11	15	14	8
Среднее по Западной Сибири – 18 %				Среднее по Восточной Сибири – 12 %		

Примечание: таблица составлена и рассчитана авторами по материалам: Азиатская Россия. СПб., 1914. Т. 1. С. 86.

Таблица 3
Ежегодный прирост аборигенов в 1897–1911 г. (%)

Губерния	Тобольская	Томская	Енисейская	Иркутская	Забайкальская	Якутская
С 1897 по 1911 г.	21	15	11	15	14	8
Среднее за 1 год	1,4	1	0,7	1	0,9	0,5
Среднее по Сибири – 0,9						

Примечание: таблица рассчитана по материалам: Азиатская Россия. СПб., 1914. Т. 1. С. 86.

Таблица 4

Численность и национальный состав аборигенов Сибири по переписи
1897 г. (в тыс. душ об. п.)

Народность и этнографическая группа	Всего аборигенов	% к общему числу
Буряты	288 600	35,08
Якуты	226 700	27,55
Алтае-саянские народы, тюркские ветви	108 700	13,21
Эвенки	64 500	7,84
Сибирские татары	53 000	6,44
Ханты и манси	27 700	3,36
Чукчи	11 750	1,42
Ненцы	9 427	1,46
Коряки	7 300	0,88

Примечание: таблица составлена и рассчитана по материалам: История Сибири. Т. 3. Некоторые малые народности, численность которых не превышает 1 000 чел., в данной таблице не учитываются тофалары, юкагиры, энцы и др.

Таблица 5

Соотношения мужского и женского полов у коренного населения Сибири в
1897 г.

Народность, этн. группа	Буряты	Якуты	Манси	Ханты	Кизильцы	Качинцы	Сагайцы	Алтае-саянские народы	Запсибир. татары	Эвенки
% женщин на 100 мужчин	95	100	100	91	97	98	100	100	94	95

Таблица 6

Соотношение городского и сельского аборигенного населения Сибири в
1897 г. (душ об. п.)

Губерния	Тобольская		Томская		Енисейская		Иркутская		Забайкальская		Среднее по Сибири
	В уезде	В городах	В уезде	В городах	В уезде	В городах	В уезде	В городах	В уезде	В городах	
В уезде	83 868	98,75	115 663	99,28	49 727	99,32	115 820	99,54	210 850	99,18	99,21
В городах	1 057	1,25	834	0,72	338	0,68	541	0,46	1 749	0,82	0,79
Всего	84 925	100	116 497	100	50 065	100	116 361	100	212 599	100	100

Примечание: таблица составлена по материалам: Азиатская Россия. СПб., 1914. Т. 1. С. 86. Процентные показатели подсчитаны авторами.

Таблица 7
Соотношения категорий сельского населения Сибири (в %)

Категория населения	1897 г.	1914 г.
Старожилы	38,6	29,2
Казачи	4,5	3,4
Переселенцы	27,4	48,9
Аборигены	29,5	18,5

Примечание: таблица составлена по материалам: Горюшкин Л. М. Аграрные отношения в Сибири империализма. С. 144.

Таблица 8
Соотношение коренного и пришлого населения Тобольской губернии в 1897 г. (душ м. п.)

Округа	Пришлое		Коренное		Всего	
	Кол-во чел.	%	Кол-во чел.	%	Кол-во чел.	%
Тобольский	50 888	80	12 727	20	63 615	100
Березовский	3037	27	8 208	73	11 245	100
Ишимский	131 414	99,3	933	0,7	132 347	100
Курганский	125 461	99,8	270	0,2	125 731	100
Сургутский	1049	26,2	2 963	73,8	4 012	100
Тарский	73 625	92,4	6 050	7,6	79 675	100
Туринский	31 473	94,3	1 901	5,7	33 374	100
Тюкалинский	103 936	97,4	2 826	2,6	106 762	100
Тюменский	54 045	90,3	5 812	9,7	59 857	100
Ялуторовский	87 422	97,1	2 580	2,9	90 002	100
Всего	662 350	93,7	44 270	6,3	706 620	100

Таблица 8 а
Соотношение коренного и пришлого населения Томской губернии в 1897 г. (душ м. п.)

Округа	Пришлое		Коренное		Всего	
	Кол-во чел.	%	Кол-во чел.	%	Кол-во чел.	%
Томский	132 413	94,9	7 173	5,1	139 586	100
Барнаульский	285 731	98,9	3 122	1,1	288 853	100
Бийский	145 177	86,7	22 156	13,3	167 333	100
Змеиногорский	99 368	93,1	8 393	6,9	107 761	100
Каинский	90 368	95,0	4 753	5,0	95 121	100
Кузнецкий	66 539	83,6	13 087	16,4	79 626	100
Мариинский	68 390	97,5	1 607	2,5	69 997	100
Всего	887 986	93,8	60 291	6,2	948 277	100

Таблица 8 б
Соотношение коренного и пришлого населения Енисейской губернии в
1897 г. (душ м. п.)

Округа	Пришлое		Коренное		Всего	
	Кол-во чел.	%	Кол-во чел.	%	Кол-во чел.	%
Красноярский	52 918	99,8	120	0,2	53 038	100
Ачинский	52 499	91,7	4 780	8,3	57 279	100
Енисейский	35 295	97,7	825	2,3	36 120	100
Канский	53 120	99,5	438	0,5	53 558	100
Минусинский	77 157	83,7	15 041	16,3	92 198	100
Туруханский край	1 615	28,3	4 099	71,7	5 714	100
Усинский	1 021	92,1	87	7,9	1 108	100
Всего	273 625	91,5	25 390	8,5	299 015	100

Таблица 8 в
Соотношение коренного и пришлого населения Иркутской губернии в
1897 г. (душ м. п.)

Округа	Пришлое		Коренное		Всего	
	Кол-во чел.	%	Кол-во чел.	%	Кол-во чел.	%
Иркутский	65 105	80,1	16 897	19,9	82 002	100
Балаганский	49 779	64,4	27 563	35,6	77 342	100
Верхотенский	22 776	63,5	13 106	36,5	35 882	100
Киренский	27 176	92,9	2 098	7,1	29 274	100
Нижнеудинский	46 040	97,6	1 125	2,4	47 165	100
Всего	210 876	77,7	60 789	22,3	271 665	100

Таблица 8 г
Соотношение коренного и пришлого населения Якутской области
в 1897 г. (душ м. п.)

Округа	Пришлое		Коренное		Всего	
	Кол-во чел.	%	Кол-во чел.	%	Кол-во чел.	%
Якутский	4 848	6,8	66 897	93,2	71 745	100
Верхоянский	419	5,9	6 738	94,1	7 153	100
Вилюйский	452	1,4	32 727	98,6	33 179	100
Колымский	479	13,6	3 038	66,4	3 517	100
Олекминский	14 612	64,6	8 319	35,4	22 931	100
Всего	20 810	15,3	117 715	84,7	138 525	100

Таблица 8 д
Соотношение коренного и пришлого населения Забайкальской области в 1897 г. (душ м. п.)

Округа	Пришлое		Коренное		Всего	
	Кол-во чел.	%	Кол-во чел.	%	Кол-во чел.	%
Читинский	40 750	55,7	32 362	44,3	73 112	100
Акшинский	14 741	86,0	2 387	14,0	17 128	100
Баргузинский	6 348	48,4	6 778	61,6	13 126	100
Вехнеудинский	58 031	68,9	26 274	31,1	84 305	100
Керченский	48 871	99,0	522	1,0	49 393	100
Нерчинско-Заводской	38 349	99,2	314	0,8	38 663	100
Селенгинский	19 600	38,7	31 008	61,3	50 608	100
Троицкосавский	10 735	66,4	5 423	33,6	16 158	100
Всего:	237 425	69,2	105 068	30,8	343 493	100

Примечание: таблица составлена на основании данных: Патканов С. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев. СПб., 1912. Т. 2. С. 2–34, 130–133; Т. 3. С. 322–325, 434–437, 550–553, 710–711.

Таблица 9
Изменение площади землепользования бурят Иркутской губернии до и после землеустройства 1913 г. (дес.)

Уезды	Площадь земель до землеустройства	Площадь земель после землеустройства	Уменьшение		Увеличение	
Балаганский	118 2166	587 799	5 943 367	50,28	–	–
Верхотенский	363 330	164 770	198 560	54,65	–	–
Иркутский	399 834	288 511	111 323	27,89	–	–
Нижнеудинский	65 434	24 570	40 864	62,45	–	–
Киренский	–	–	–	–	–	–
Итого по губернии	2 010 764	1 065 650	945 114	47,00	–	–

Примечание: таблица составлена по данным: ЦГИА. Ф. 391. Оп. 5. Д. 1311. Л. 231–233об.

Таблица 10

Итоги землеустройства бурят Верхоленского уезда к 1 января 1917 г. (дес.)

Волости и ведомства	Земли до землеустройства				Земли после землеустройства				% умен.	% увел.
	Всего	в том числе удобной	в том числе неудобной	удобн. на д. м. п.	Всего	в том числе удобной	в том числе неудобной	удобн. на д. м. п.		
Манзурская	47 359	46 141	1 218	9,8	72 520	67 029	5 491	14,1	-	-
Кырминская	32 357	31 930	427	66,1	8 460	8 106	354	16,7	75	-
Хоготовская	49 324	48 572	752	32,0	26 167	24 303	1 864	15,8	51	-
Ользоновская	43 567	42 649	918	33,0	25 684	22 276	3 408	17,0	49	-
Верхнеудинская	115 320	112 604	2 716	48,9	46 040	38 480	7 560	16,7	66	-
Баяндаевская	77 557	76 306	1 251	58,7	21 243	20 242	1 001	15,5	74	-
Итого	365 484	358 202	7 282	30,9	200 114	180 436	19 678	15,4	51	-

Примечание: таблица составлена и рассчитана по материалам: Отчет заведующего переселением и землеустройства в Иркутской губернии за 1916 г. См.: ЦГАОР. Ф. 1797. Оп. 1. Д. 542. Л. 120об-121.

Таблица 11

Итоги землеустройства бурят Балаганского уезда Иркутской губернии к 1 января 1917 г. (дес.)

Волости и ведомства	Земли до землеустройства				Земли после землеустройства				% умен.
	Всего	в том числе удобной	в том числе неудобной	удобн. на д. м. п.	Всего	в том числе удобной	в том числе неудобной	удобн. на д. м. п.	
Зунгаро-Быготское	72 479	67 720	4 759	89,4	15 563	14 120	1 443	18,2	80
Унгинское	249 683	241 342	8 341	52,9	98 883	90 001	8 882	19,1	64
Нельхайское	92 119	89 105	3 014	62,7	35 951	34 728	1 223	18,1	72
Боханское	74 221	71 898	2 323	26,3	55 632	52 798	2 834	18,0	32
Укырское	53 783	53 453	330	42,6	26 822	25 763	1 059	18,0	58
Улейское	21 220	20 441	779	23,3	18 167	15 964	2 203	18,2	23
Молькинское	59 813	57 810	2 003	27,5	40 964	38 274	2 680	18,0	35
Бильчирское	180 331	176 975	3 356	34,3	64 541	59 923	4 618		
Кахинское					34 745	32 555	2 190	17,9	48
Ашехабатское	47 897	46 474	1 423	28,4	36 928	32 382	4 546	18,2	36
Итого	851 546	825 218	26 328	40,2	428 196	396 508	31 678	18,2	55

Примечание: таблица составлена и рассчитана по материалам: Отчет заведующего переселением и землеустройством в Иркутской губернии за 1916 г. См.: ЦГАОР. Ф. 1797. Оп. 1. Д. 542. Л. 120–121.

Таблица 12

Итоги землеустроительных работ в Забайкальской области к 1 января 1908 г.

	Всего в области	Занято землеустройством	%
Волостей	74	30	40
Селений и обществ	525	207	39
Надельных душ	261 000	81 000	31
Площадь землепользования, подлежащая землеустройству	9 300 000	294 000	31

Примечание: таблица составлена по материалам: Отчет о землеустроительных работах в четырех сибирских губерниях и области Забайкальской за 1908 г. СПб., 1909. С. 45.

Таблица 13

Землеустроительные работы в Томской губернии в 1914–1916 гг. (дес.)

Годы	Отрезки			Прирезки			Изменение землепользования	
	Крестьяне	Иногородцы	Итого	Крестьяне	Иногородцы	Итого	Крестьяне	Иногородцы
1914	236 082	64 474	300 556	206 397	11 028	217 425	-29 685	-53 451
1915	238 049	66 479	304 528	237 143	12 967	250 110	-906	-53 512
1916	238 050	70 479	308 529	260 466	13 046	273 512	+22 416	-57 433

Примечание: таблица составлена по материалам: 1914 г. – Переселение и землеустройство за Уралом в 1914 г. Пг., 1915. С. 358; 1915 г. // ЦГИА. Ф. 391. Оп. 6. Д. 45. Л. 5; 1916 г. // ЦГИА. Ф. 391. Оп. 10. Д. 9. Л. 3; Асалханов И. А. Сельское хозяйство Сибири ... С. 54.

Таблица 14

Соотношение государственных и земских повинностей кочевых «иногородцев» Томской губернии (1860 г.)

Округ	Число работников	Государственные повинности		Губернские повинности		Волостные повинности		Всего
		руб.	%	руб.	%	руб.	%	
Томский	2 134	1 024	50,3	314	15,4	698	34,3	2 036
Мариинский	274	131	50,4	40	15,4	39	34,2	210
Кузнецкий	2 113	1 014	50,3	311	15,4	692	34,3	2 017
Бийский	3 854	1 849	50,3	568	15,4	1 262	34,3	3 676
Итого	8 375	4 018	50,3	1 233	15,4	2 691	34,3	7 942

Примечание: таблица составлена по материалам: ГАТО. Ф. 196. Оп. 36. Д. 24. Л. 23, 24, 27.

Таблица 15

Соотношение податей и расходов в хакасских хозяйствах
Енисейской губернии в 1892 г.

Источник доходов и статьи расходов	Бедняки		Средняки		Кулаки	
	руб.	%	руб.	%	руб.	%
Доходы						
от земледелия	41,5	21,4	66,5	19,5	442,5	40,2
от скотоводства	22,0	11,3	257,5	75,6	450,75	41
от птицеводства	0,5	0,3	1,2	0,3	19,9	1,7
от промыслов	129	67	15,5	4,6	189	17,1
кредит	–	–	–	–	–	–
Итого доходов	193,5	100	340,5	100	1102,5	100
Расходы						
на земледелие	5,1	3,3	2,4	0,7	225,5	21,9
на скотоводство	22,4	13,8	83,3	25,0	149,0	14,4
на птицеводство	–	–	0,2	0,2	1,8	0,2
на промысел	68	11,4	–	–	5,3	0,5
на экипаж и сбрую	–	–	0,6	0,2	18,8	1,8
на продовольствие	84,7	52,5	210,6	63,0	422,9	41,2
на одежду и обувь	10,8	6,7	11,0	3,3	95,3	9,2
на религиозные нужды	2,1	1,3	3,0	0,9	6,5	0,6
на подати и повинности	9,8	6,1	9,6	2,9	12,2	1,2
ссуда	30,0	–	–	–	–	–
разные платежи	15,3	9,5	13,5	4,0	79,7	7,7
на постройки	–	–	–	–	13	1,3
Итого расходов	191,6	100	334,2	100	1030,0	100
Чистый доход хозяйства	1,9		6,3		72,15	
Доходность хозяйства или норма прибыли		0,99		1,88		7
Степень эксплуатации		8,7		4		2

Примечание: таблица составлена и рассчитана по данным: Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний. Енисейская губерния. Т. 4. Вып. 5. Иркутск, 1892. С. 396, 398.

Таблица 16

Соотношение податей и расходов в бурятских хозяйствах
Иркутской губернии в 1888 г.

Общий доход	Бурятские хозяйства, сеющие		
	10 дес.	5 дес.	3 дес.
	1 151,5 руб.	460,25 руб.	398,20 руб.
Расход			
на земледелие	221,78	99,61	44,60
на скотоводство	212	111,40	72,65
на питание	519,23	336,20	172,60
в том числе на водку	24	12	7,50
на одежду	69,85	48,92	52,21
на обувь	11	6	9
разные расходы	38,40	32,40	13,29
Итого расходов	1 072,26	634,53	364,25
Остаток от дохода	79,24	174,26	33,95
Подати и повинности	47,80	41,85	32,90
Чистый доход хозяйства	31,44	Общий дефицит 1,05	
Доходность хозяйства или норма прибыли	2,89%	-	0,26
Удельный вес податей в расходах	4,2%	6,2%	8,2%
Степень эксплуатации	7,5%	9,8%	13,3%

Примечание: таблица составлена и рассчитана по данным: Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний. Иркутская губерния. М., 1890. Т. 2. Вып. 5. С. 205–211, 214–216.

Таблица 17

Размер недоимки по земским платежам оседлых «инородцев»
Енисейской губернии в 1880–1884 гг., руб.

Годы	1880	1881	1882	1883	1884	% недоимки за 5 лет
Губернские (оклад)	1 571	1 751	1 921	1 566	1 269	
Размер недоимки	729	792	858	1 165	1 208	
% недоимки	46,4	45,2	49,8	74,3	95,1	62,2
Частные (оклад)	1 482	1 583	1 552	1 336	1 584	
Размер недоимки	918	913	1 014	1 244	1 038	
% недоимки	61,9	57,6	65,3	93,7	78,5	71,4

Таблица 17

Размер недоимки по земским платежам кочевых «инородцев»
Енисейской губернии в 1880–1884 гг., руб.

Годы	1880	1881	1882	1883	1884	% недоимки за 5 лет
Губернские (оклад)	5 130	5 091	6 272	5 744	3 973	
Размер недоимки	503	503	1 507	1 074	1 401	
% недоимки	9,8	9,8	24,0	18,2	35,2	19,5
Частные (оклад)	6 502	6 431	6 438	6 332	5 824	
Размер недоимки	1 540	1 754	1 816	2 146	2 983	
% недоимки	23,7	27,3	28,2	33,9	51,2	32,8

Таблица 18

Размер недоимки по уплате подушной и оброчной податей оседлых
«инородцев» Енисейской губернии в 1880–1884 гг., руб.

Годы	1880	1881	1882	1883	1884	% недоимки за 5 лет
Подушная подать	2 193	2 372	2 090	2 036	1 617	
Размер недоимки	275	137	188	190	607	
% недоимки	12,5	5,7	13,7	9,3	37,5	15,7
Оброчная подать	4 473	4 452	4 161	4 059	3 915	
Размер недоимки	820	812	879	346	834	
% недоимки	18,3	18,3	21,1	8,5	21,3	17,5

Примечание: табл. 17 и 18 составлены и рассчитаны по материалам: Волости населенные места 1893 г. Вып. 11. Енисейская губерния. СПб., прил. 11. С. 8.

Таблица 19

Распределение ясака (руб.) по губернии и областям Сибири

Губерния, область	Размер ясака в ассигнациях	Размер ясака серебром
Енисейская	55 253	15 768
Иркутская	267 698	76 485
Тобольская	30 588	8 739
Томская	2 805	8 230
Якутская	128 177	36 662
Приморская	14 639	4 182

Примечание: 1) таблица составлена по данным: ЦГИА. Ф. 468. Оп. 9. Д. 947. Л. 25–28; 2) в 1835 г. Забайкальская область входила в состав Иркутской губернии. В качестве самостоятельной административной единицы Забайкальская область образована на основании указа от 11 июля 1851 г. (ПСЗ-II. № 25394).

Таблица 20

Удельный вес ясачной и оброчной подати в общем объеме кабинетской земельной ренты в Сибири (руб.)

Год	Ясак и оброчная подать	Общий размер доходов Кабинета	%
1889	222 258	1 812 022	12,3
1895	241 125	2 114 978	11,4
1901	220 725	3 209 930	6,9
1906	262 933	411 1697	6,4
1916	168 638	7 884 358	2,1
1917	219 780	10 059 611	2,2

Примечание: таблица составлена по данным: Жидков Г. П. Указ. соч. С. 95.

Таблица 21

Количество ясачных поступлений за период с 1879 по 1893 г. (руб.)

Губерния или область	Предполагалось к поступлению ясака	Фактически поступило	% поступления
Архангельская	54 663	38 454	70
Енисейская	367 534	243 542	67
Иркутская	800 391	700 325	87
Пермская	250	238	95
Приморская	14 786	5 290	36
Якутская	1 162 353	744 085	64
Томская	193 534	1 592 878	82
Тобольская	119 996	116 094	97
Забайкальская	814 352	635 336	75
В среднем за 15 лет			75

Примечание: таблица составлена по данным: ЦГИА. Ф. 381. Оп. 47. Д. 458. Л. 68об-69, 70-73, 74об-75, 76об-79, 80-81, 82-85, 86-89, 90-93, 94об-95.

Таблица 22

Ежегодно ясачные платежи по губерниям и областям Сибири (руб.)

Год	Следовало собрать ясака	Фактически собрано	%
1884	229 427	175 580	92
1885	242 952	169 499	89
1886	261 584	185 778	71
1887	241 542	191 243	79
1888	239 203	167 408	69
1889	260 918	190 257	73
1890	261 570	181 278	69
1891	264 377	188 348	71
1892	264 777	199 941	75
1893	254 308	177 912	70
Процент поступления за год			76

Примечание: таблица составлена по данным: ЦГИА. Ф. 381. Оп. 47. Д. 458. Л. 65об-66.

Таблица 23

Способы уплаты ясака коренными жителями Сибири в 1910 г.

Губерния, область	Число ревизских душ, обложенных ясаком	Способ уплаты
Иркутская	1 038	Деньгами
Енисейская	1 740	Деньгами
Томская	7 689	Деньгами (97 %) натурой (3 %)
Тобольская	7 280	Деньгами (95 %) Натурой (5 %)
Якутская	107 742	Деньгами
Забайкальская	28 858	Деньгами

Примечание: таблица составлена по данным: ЦГИА. Ф. 468. Оп. 44. Д. 1325. Л. 20об.

Таблица 24

Рост числа членов и размеров доходов Всероссийского православного миссионерского общества (ВПМО) в 1870–1880 гг.

Год	Число членов, чел.	Доходы (руб.)	Расходы (руб.)	%
1870	6 647	101 674	6 835	6,7
1871	9 460	82 222	26 283	31,9
1872	8 685	96 515	38 476	39,6
1873	7 358	126 371	55 222	43,6
1874	6 516	148 723	75 192	50,5
1875	6 670	137 705	96 619	70,1
1876	7 560	141 698	92 478	65,2
1877	6 587	138 728	104 671	75,4
1878	6 254	137 033	126 819	92,5
1879	6 731	131 218	105 402	80,3
1880	7 636	147 810	113 075	76,4

Примечание: таблица составлена по данным: ЦГИА. Ф. 796. Оп. 163. Д. 1223. Л. 18.

Таблица 25

Удельный вес денежных дотаций ВПСМО сибирским православным миссиям

Год	Затраты ПМО на все миссии (руб.)	В том числе на Сибирские (руб.)	% соотношение
1895	365 346	121 061	33,13
1899	304 450	142 030	46,65
1903	307 467	138 868	45,16
1905	170 170	81 026	47,61
Итого:	1 147 433	482 985	43

Примечание: таблица составлена и рассчитана по данным: Обзор деятельности... С. 366; ЦГШИА. Ф. 796. Оп. 181. Д. 3151; Оп. 185. Д. 5894. Л. 2об; Оп. 188. Д. 7880. Л. 8.

Рост числа церквей в сибирских епархиях в 1840–1893 гг.

Епархия	Годы							Число прихожан на церковь (1880 г.)
	1840	1850	1860	1870	1880	1890	1893	
Тобольская	272	313	395	437	494	500	523	2 250
Томская	215	258	533	394	396	455	479	2 110
Енисейская	–	–	–	194	182	227	232	1 629
Иркутская	229	253	252	413	390	478	502	1 419
Якутская	–	–	–	–	45	65	72	3 720
Итого	716	824	1 180	1 438	1 507	1 725	1 808	–

Примечание: таблица составлена и рассчитана по данным: Преображенский И. Отчетственная церковь по статистическим данным (1840–1841 по 1890–1891 гг.). СПб., 1897. С. 23, 25, 120, 121.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

Дамешек Лев Михайлович
Дамешек Ирина Львовна

Ясак в Сибири

в XVIII – начале XX века

ISBN 978-5-9624-1124-8

Редактор В. В. Попова
Дизайн обложки: П. О. Ершов

Темплан 2014 г. Поз. 168
Подписано в печать 18.12.2014. Формат 60х90/16
Уч.-изд. л. 14,4. Усл.-печ. л. 6,6. Тираж 100 экз. Заказ 228

ИЗДАТЕЛЬСТВО ИГУ
664003, г. Иркутск, бульвар Гагарина, 36